

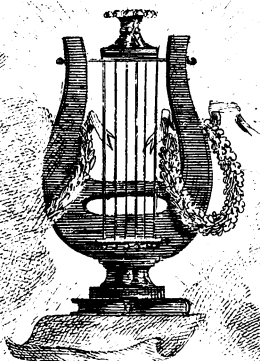

B. N. Tempovv.

ПРЕВЪСЛЕНЪ ТРОВЪЩЕМА

и

БЛАГОТВОРЕНА.

М. Вагнеръ

И

Б. Федоровъ

1818

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Т Р У Д Ы

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО

ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ

РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum, miserisque succurrere disco.

1818 ГОДЪ.

ЧАСТЬ I.

СѢ. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Карла Крайя.

№ 783/1

1818, кн. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска изъ шипографіи, предшавлены были въ Цензурный Комищешъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршаменпа Минисперсшва народнаго Провѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиошеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Санкшпешербургъ, Генваря 20 дня 1818 года.

*Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ
Ив. Тимковской.*

П Р О З А.

Д У Х Ъ

Россійскихъ Государей Рюрикова Дома.

КРАСОТА и величіе двухъ царспвенныхъ Домовъ Рюрикова и Романовыхъ, подобно двойной радугѣ, предспавляющей самыми легкими и непримѣшными опшѣнками первоначальные цвѣпы въ Природѣ, какъ бы два поколѣнія Россійскихъ Государей, приводяпть въ восхищеніе каждаго испиннаго сына Россіи.

Народныя благословенія, возносимыя къ одному изъ сихъ Домовъ, сосспавляющъ славу другаго.

Вѣнценосцы Романовы даже сами почитаютъ Рюрика достойнѣйшимъ праопцемъ своимъ, слушающъ хвалы о его

попомкахъ, какъ дѣли о своихъ опцахъ, и воспоминаніемъ прежнихъ побѣдъ, усиливають въ пламенныхъ дѣяхъ Сѣвера храбросшь и мужеспво, копорыми опличались сыны славы — Славяне.

Народы другихъ спранъ, при новомъ Царспвенномъ Поколѣннн не хотящъ, или не смѣють съ похвалою опзыватьсь о прежнихъ своихъ Государяхъ; но въ Россіи жерпва признапельности къ Дому Рюрикову усугубляешя подвигами Вѣнценосцевъ Благословеннаго Дома Романовыхъ, оправдывающихъ мнѣніе Полишиковъ, что преемникамъ и попомкамъ Царскимъ надлежинъ бышь по крайней мѣрѣ вдвое славнѣ пропивъ предшеспвенниковъ и праопцевъ. Безъ сего зависшь и злоба, свойспвенныя однимъ слабымъ душамъ и обыкновенно взирающія на достоинспва современниковъ, какъ бы въ уменьшипельное стекло, при сличеннн однихъ подвиговъ съ другими, унижають препрославленныхъ попомковъ.

Мысль о достоинспвѣ преемниковъ,

Преспола возбуждаешъ во мнѣ ревность
изобразить Духъ Россійскихъ Великихъ
Князей и Царей поколѣнія Рюрикова.

Воспоминаніе о нихъ въ преславные
дни Опечеснѣва нашего естъ смиренное
поклоненіе священнымъ гробамъ пред-
ковъ; а благословеніе именъ ихъ естъ
воззваніе сыновъ, приглашающихъ пра-
родишелей соучастивовавъ въ поржеспвѣ
Россіи, преобразованной и ушвержден-
ной ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ, возвели-
ченной ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ, пре-
вознесенной и препрославленной Спаси-
телемъ Европы АЛЕКСАНДРОМЪ ПЕР-
ВЫМЪ, о которомъ весь Свѣтъ гласитъ:
*Красень добротою лаге всѣхъ сыновъ че-
ловѣческихъ*; а Россія поржеспвующая
взываетъ къ Нему: *Царю! во вѣки живи!*

Желая предсавить въ испинномъ
свѣтѣ Монарховъ нашихъ, я долженъ
сказать, что первѣйшее украшеніе серд-
ца человѣческаго и вѣнца царскаго —
благочестіе, всегда было неотъемлемою
принадлежностію Обладателей Россіи. Они

оправдывали дѣлами приписываемое имъ Церковію наименованіе Благочестивѣйшихъ. Набожность еще до принятія ими Христіанской вѣры сосставляла ихъ отличительное свойство. — Молитва и жертвоприношенія были началомъ всѣхъ ихъ предпріятій и дѣйствій. Предъ походомъ не столько гадали о будущемъ успѣхѣ, сколько поручали себя въ волю боговъ. — Въ чужой землѣ щадили капища и рѣдко беспокоили жрецовъ. Послѣ побѣдъ богато украшали кумировъ. Въ залогъ пвердаго сохраненія мирныхъ договоровъ дѣлали страшныя заклинанія, что подтверждаетъ слѣдующая Игорева клятва.

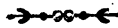
„Великому Князю Русскому и всѣмъ
 „стоящимъ подъ его рукою бысть въ мирѣ
 „непоколебимомъ съ Царями Греческими,
 „доколѣ солнце сіяетъ и весь міръ спо-
 „итъ; и кто пищу нарушитъ помы-
 „слитъ: Христіанинъ да приметъ мечь
 „опъ Бога Вседержителя, осужденіе на
 „погибель въ сей вѣкъ и будущій; а не-
 „крещеные да неимутъ помощи опъ

„Бога и Перуна, да не возмогуть за-
 „щипишься щипами своими, да падешь
 „всякъ опть своего оружія и да пре-
 „будушь рабами во вѣки.“ *)

Государи набожные въ Язычествѣ, принявъ Христіанство, не только попомкамъ и народу своему, но и другимъ Вѣнценосцамъ подали примѣръ благочесія. Красота и великолѣпіе храмовъ, почтительность къ духовенству, заведеніе училищъ при церквахъ въ утвержденіе союза свѣтскаго просвѣщенія съ духовнымъ смиренномудріемъ, въ великіе праздники дарованіе свободы заслуженнымъ рабамъ, посыланіе злата и сребра на искупленіе плѣнныхъ Христіанъ, даже и чужеземныхъ, защищеніе Церкви ревностнѣе, нежели самага Престола и поспраданіе многихъ за вѣру: --- вошь неоспоримыя доказательствва благочесія Россійскихъ Государей (**). Они

*) Росс. Вивліюѣики Ч. I. стр. 59.

**) Греко-Россійская Церковь причислила

мыслили, что благоговѣніе и смиреніе Государя предъ Богомъ должно бысть примѣромъ преданности подданныхъ къ своему Царю, а строгое имъ самимъ соблюденіе закона Божія и церковныхъ постановленій, служивъ народу лучшимъ побужденіемъ къ уваженію и исполненію гражданскихъ законовъ и даже воли царской.

Благочестіе Россійскихъ Государей шѣмъ было совершеннѣе, что оно суесвятостию и изувѣрствомъ омрачалось несравненно менѣе, нежели благочестіе Вѣнценосцевъ Римскаго иновѣданія.

Свяшій Владиміръ въ своемъ Духовномъ Уставѣ начерпалъ, что *единственные по насъ ходатаи у Бога суть вѣра и добрыя дѣла*. Владиміръ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ своимъ говоритъ: „не сполько иночествомъ, чернечествомъ и постыми, сколько добрыми дѣлами угождаемъ Богу.“

къ лику Свяшыхъ двадцать шесть Князей и Княгинь. — *Россійс. Иерархія.*

Великіе Князья при несогласіи своемъ съ Греческимъ Дворомъ, сославляя Соборы, приказывали собственнымъ Архіереямъ рукополагать въ Митрополины достойнѣйшаго изъ нихъ и нимало не думали, чѣмъ рукоположеніе папріаршее было дѣйствительнѣе, или священнѣе архіерейскаго. Случалось, что нѣкоторыхъ самовластныхъ Митрополисовъ, родомъ изъ Грековъ, высылали изъ Россіи, не взирая на ропотъ народный и разныя худыя предвѣщанія.

Государи Россійскіе болѣзновали, что невѣрные владѣють гробомъ Господнимъ; но ни въ одномъ крестовомъ походѣ не принимали участія, хотя вся Европа въ шѣ вѣки усремлялась на малую Азію и Палестину. Они опасались владычества Папъ и расплѣнія нравовъ Россіянъ отъ соединенія съ разными Европейскими народами; и попому на предложенія Папъ Урбана II. и Клименша III, отвѣчали, что „Половцы и другіе разныхъ родовъ Турки, шѣ же самыя невѣрные Магомешане,

„всегда превозають Россію, и мы без-
 „престанно сражаяся съ ними, давно уже
 „защищаемъ Православную вѣру. Рус-
 „скимъ Князьямъ оспаешся только же-
 „лашь счастливыхъ успѣховъ всѣмъ Го-
 „сударямъ, ополчившимся на невѣрныхъ,
 „а Мишрополишь съ Духовенствомъ бу-
 „дешъ споспѣшествовать своими моли-
 „вами похвальному предпріятію Его Свя-
 „шѣйшества.“ *)

Введеніе и распространеніе въ Рос-
 сіи Христіанскія вѣры крошкими сред-
 ствами и першимоспѣ всѣхъ вѣроиспо-
 вѣданій, всегда опличавшія Россійскихъ
 Государей, были плодомъ ихъ мудрости,
 копорая украшала смиреніе самихъ Ар-
 хіереевъ. Римская Церковь существо-
 вала въ Новгородѣ даже въ началѣ XIII
 вѣка. Однимъ только Іезуишамъ былъ
 преграждаемъ входъ въ Россію. Инквизи-

*) Гельмольдъ въ Лѣшоп. Славян. Кн. III.
 гл. 24. стр. 672 - 676.

Емин. Рос. Исторіи Ч. III. стр. 366.

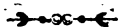

ція даже именованъ своимъ рождала въ Россійскихъ Государяхъ ужасъ и отвращеніе. Издревле Россійское Правительствво, чуждавшееся насилія въ обращеніи иноземцевъ въ Греко - Россійскую вѣру, подало примѣръ въ послѣдствіи времени называвшъ Христіанъ не Греко-Россійскаго исповѣданія — *Инославными*.

Во всей Европѣ безъ всякой жалости къ человѣчеству сожигали Евреевъ; но изъ Россіи только при Владимірѣ Мономахѣ изгнали ихъ; да и то не по излишней Христіанской ревности, но по видамъ Гражданскимъ.

Истинно благочестивые Государи осперегались, чпобъ и въ Россіи не пошупали шакъ съ раскольниками и язычниками, какъ иностранные Государи и Священноначальники съ Валденсами, Гуситами, Люперанами, Калвинами, Цвингліанами, Американцами и Японцами.

Хошя въ нѣкопорыхъ случаяхъ суевѣріе касалось и Россійскихъ Государей; но оно значило въ нихъ то же самое, чпо

въ великихъ мудрецахъ предубѣжденіе, или философское суевѣріе.

Благочестіе Россійскихъ Государей было основою уже добродѣтелей ихъ, какъ семейственныхъ, шакъ и Царскихъ.

Чертоги ихъ были святилищемъ цѣломудрія, и какъ бы другими храмами божества. — Князей сочешавали бракомъ въ споль же юные годы, какъ сельскихъ дѣшей. По большой часпи опечешвенныя Княжны и дочери Боярскія избирались имъ въ сужруги. Иногда Великіе Князья находили себѣ невѣспъ даже въ сельскихъ хижинахъ.

Когда же Государь располагался сочешаться бракомъ не по внушенію спраспи: въ шакомъ случаѣ, по его Указу предешавлялось во Дворецъ до шешпидешапи Боярскихъ дочерей, гдѣ была угошовляема для нихъ особенная госпшнница. Государь съ своею родшпшельницею, или блшжайшею родшвенницею пршмѣчалъ въ ночное время, какія чувспва изображались

на лицахъ спящихъ, вѣря, что кропоспъ и невинность наслаждающагося сномъ младенческимъ. А хотя бы предварительнo избралъ онъ себѣ невѣсту; но и тогда былъ обязанъ сохранить се Греческое обыкновеніе, по крайней мѣрѣ для одного вида, и предназначенная должна была находиться въ числѣ другихъ невѣстъ. Симвъ образомъ щадилось любочестіе Боярскихъ домовъ. Чужестранныя Княжны предъ бракосочетаніемъ съ Россійскими Князьями обязывались совершенно переродиться въ Россійскихъ Княгинь; но Россійскія Княжны, со времени перваго Россійскаго Царя Іоанна Васильевича, и послѣ брака съ чужестранными Князьями, Королями и даже Императорами, сохраняли свое вѣроисповѣданіе и пользовались правомъ имѣть собствѣнную Церковь, Священниковъ, а иногда и Архіерея. Супружеская любовь и вѣрность Государей соопвѣщивовали Священнымъ словамъ: *Бракъ гестень и ложе нескверно.*

Были печальныя опыты, что Россій-

скіе Князья, укрываясь при Иноспран-ныхъ Дворахъ, рѣшались лучше погибнуть опъ неисповсва новыхъ Пенсепфріевыхъ женъ, нежели осквернить супружеское ложе Домовладыкъ *). Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный скорѣе опважился на чепвершый бракъ, нежели на безбрачную любовь.

Народъ на Великаго Князя Юрія Владимировича Долгорукаго взираль съ содраганіемъ, какъ онъ похишилъ супругу Суздальскаго Воеводы Кучки и его самаго бросилъ въ Московскій прудъ, хопя сіе сдѣлано было и подъ благовиднымъ предлогомъ.

Свидѣшельспвомъ свяшоспи брака и супружескаго цѣломудрія Россійскихъ Государей служилъ и по, что брачные между ими разводы, до временъ Вшораго Царя Василія Іоанновича, почипались

*) Тьмушараканскій и Муромскій Князь Олегъ Свяшославичъ погибъ опъ злобы Лишовской Княгини Гершруды.

почпи дѣломъ неслыханнымъ. Великій Князь Симеонъ Гордый подалъ первый примѣръ къ разпорженію брака.

Согласіе, любовь и вѣрность родителей имѣли вліяніе въ благонравіе дѣшей. Княжескіе дѣпи съ седми лѣтъ были ввѣряемы Священникамъ и Духовникамъ придворнымъ и учились у нихъ не опвлеченнымъ наукамъ, а правиламъ нравственности. Углубленіе въ Священное писаніе доставляло имъ наилучшую мудрость. Сами родители находили время давати своимъ дѣшамъ уроки и были вѣрнѣйшими споспѣшниками ихъ нравственнаго образованія, единомыслія и единогодушія.

Владиміръ Мономахъ, поучая дѣшей своихъ предводительствовати войскомъ, говорилъ: „Вышедъ на войну, не взирая на Воеводу, сами вездѣ пославляйте стражу, а наипаче по ночамъ, и тогда уже ложитесь спать. Но какъ же ложитесь? И оружія съ себя не слагайте; когда же узнаете о непріятелѣ: то ско-

ропоспижно не нападайте на него, не развѣдавъ о немъ обспоятельно, дабы чрезъ по самимъ не бысть пораженнымъ. Вышедъ на войну, сну не вдавайтесь, въ пищу и пиши не прихопничайте. — Въ началъ всего молитесь Богу; по благополучномъ окончаніи вашихъ предпріятій благодарите его за милости къ вамъ; а при несчастномъ цѣлуйте Десницу, наказавшую васъ, но не предавшую смерти. *)

Великій Князь Конспаншинъ Мудрый предъ своею кончиною завѣщаль дѣшамъ: имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ, храните святыя его заповѣди, не оплутайтесь отъ Церкви и Священнослужителей, слушайте и чтите старѣйшихъ, имѣйте между собою и со всеми миръ и любовь, чужаго не желайте, отъ своихъ праведныхъ и чиспыхъ спяжаній приносите жертву Богу, вся шворите

*) Духовная Грамота Владиміра Мономаха, Помѣщенная въ Рос. Вивлюеикѣ.

во славу Божию, а къ оному вся приложатся. Другія Государи швердили своимъ дѣшамъ: Не спарайшесь покупашъ златомъ друзей, а заслуживайте любовь народа и приближенныхъ къ вамъ; милосердешуйте ко всѣмъ и будыте бережливы. Щедрость Государя состоитъ не въ разсыпаніи сокровищъ окружающимъ его, но въ бережливости казны, что можете почипашься истинною щедростию для народа, коею можете все пользоваться, какъ вся природа солнечною теплою и свѣтомъ. Должно спарашься, что и самая подашь казалась восходящими изъ земли и воды парами, кои въ видѣ дождя и прохладныхъ вѣтровъ спускаются къ своему началу для большаго оживошворенія Природы. Ошъ законнаго Государя никто изъ подданныхъ не имѣеть права шребовашъ и даже желашъ великой щедрости. Это шже бы значило, когда бы сынъ за услуги, оказываемыя ошцу и даже за спасеніе его ошъ бѣды, или смерти, пошребоваль

опъ него одинъ величайшей часпи всего имѣнія. *)

Сии опеческіе уроки приносили столь желанный плодъ, что дѣши безъ воли родителей даже мыслишь не хошѣли, и попому въ Россіи весьма рѣдко случалось, чшобъ дѣши воспавали прошиву опца и мапери. Да и брашья Княжескіе сохраняли бы между собою любовь и дружбу, еспли бы Россія не была раздроблена на мѣлкіе Удѣлы. Впрочемъ при всѣхъ междоусобіяхъ старшіе въ родѣ почитались вмѣсто опцовъ, и когда внѣшній непріятель нападалъ на Россію: то всѣ Удѣльные Князья почши всегда соединялись, какъ бы въ единое семейство, для защищенія единого своего опца.

Еспли сообразимъ современныя произшесствія Европейскихъ Государствъ съ Россійскими: то съ величайшимъ со-

*) Сии Наспавленія взяпы изъ Россійской Истории Соч. Г. Ташищевымъ.

жалѣніемъ удивимся семейнымъ раздорами, беспорядкамъ и соблазнамъ чужеспранныхъ Государей; а непорочность, миръ и чистота въ Россійскихъ чертогахъ умножатъ въ насъ благоговѣнное почтеніе къ нимъ.

Исторія представилъ намъ, что во всей Европѣ супруги Государей спарались вводить языкъ, нравы и обычаи страны своего рожденія, предоспалять пришедшимъ съ ними соотечественникамъ главныя достоинства, почести и выгоды и раздѣлять дворъ на двѣ стороны. Государевы наперсницы, составляя особенный Дворъ и Шпаль, ухищрялись противъ ихъ супруговъ, ласкали народъ своими милостями и ходатайствомъ и спарались къ большому Двору возродить всеобщее отвращеніе. Сіе проницство заставляло прибѣгать къ разнымъ чародѣйствамъ и оправамъ; производило разводы, опцеубійства, злоухищренія побочныхъ дѣшей противъ законныхъ наследниковъ, вражды между

придворными Духовниками и Архіереями, кровопролитіе между природными жителями и пришельцами, убіеніе первенспвующихъ Архіереевъ во время Священнослуженія, Папскія проклятія на весь народъ, прекращеніе Богослуженія и всякой Свящныни, опреченіе подданныхъ опгь повиновенія своему Государю, и все сіе соспавляло ужаснѣйшій безпорядокъ во всемъ Государствѣ.

Въ Россіи никогда не было сего многоглаваго чудовищнаго порожденія, единаго слѣдствія расплѣнности Двора. Но благочестіе и священный семейспвенный союзъ Россійскихъ Государей могушь бышь споручителями другижъ добродѣтелей ихъ, особенно правопы, милосердія и мудроспи законоположенія.

Они называли правопу окомъ мудроспи и почипали ее опличительнымъ свойспвомъ великихъ людей. Часпая бесѣда съ Свящными спарцами и смиренно-мудрыми Архіереями, копорые помышляли и швердили о спрашномъ Судѣ

Хрисповомъ, испребляла въ молодыхъ Государяхъ самую даже наклонность къ неправдѣ. Старые Бояре, смѣло вѣщавшіе правду даже и предъ ихъ родителами, не допускали ихъ до приспращенія и обращенія съ молодыми царедворцами. Царскій Совѣтъ существовалъ въ Россіи съ самаго начала единодержавія Россійскаго. Сей Совѣтъ открывали Государя обыкновеннымъ, но искреннимъ привѣщаніемъ къ членамъ: *Придайте мнѣ ума*, а грамопы свои обнародывали съ заглавіемъ: *по благословенію отца нашего Митрополита и по приговору Боярь*.

Россійскіе Государя на однихъ себя не полагались и были истинными Единодержцами, или шакими Владыками, выше которыхъ былъ только законъ Божій и предковъ. При всемъ томъ благополучіе и несчастіе народное приписывали единственно себѣ, какъ Самодержавнымъ. Они мыслили, что въ общественныхъ злочленіяхъ ссылаются на сво-

ихъ Совѣтниковъ по же бы значило, когда бы пресшупникъ въ свое оправданіе сказалъ судѣ, что не онъ виновашъ, а орудіе его злодѣйства.

Великіе Князья, восходя на Пресполь изъ одного Царствующаго Дома, и при шомъ большею часшю по прямой линіи, ни какому сосшоянію въ особеннoshi не одолжались. Ошъ чего они, не удѣляя своихъ правъ ни Мишрополишу, ни Боярамъ, ошавались Самодержавными и безприсрасшными ко всѣмъ сосшояніямъ, а симъ самымъ подавали Полиппикамъ случай писашъ и ушверждашъ, что мудрое Самодержавіе обязываетъ подданныхъ на вшщую преданность и довѣренность къ оному. Самодержцы Россійскіе, уважая Архіереевъ и оплшчая Бояръ — любили народъ, цѣнили дарованія и при всякомъ удобномъ случаѣ уничтожали мѣшничество, которое вкравшисъ по времени, преграждало ходъ высокимъ способностямъ и засшавляло ошдавать преимущество въ чинахъ и

достоинствахъ болѣ знаменитой породѣ, нежели опличной природѣ и опытноспи.

Великіе Князья и Цари, при всемъ правдолюбіи, твердо помнили священныя слова: *милость хвалится на Судѣ*. Милосердые въ семь случаѣхъ подражали природѣ: громъ гремишь рѣдко, а солнце свѣщитъ въ каждый день. Правда какъ будто въ горнюю сферу возносила Государей единственна для непристрастнаго назиданія блага подданныхъ, кои всѣ кажутся имъ съ высоты равными; но милость, сближая ихъ съ человѣчествомъ, дѣлала спрогихъ судей снисходительными ошцами и заставляла все свое величье и славу посвящать въ высочайшемъ чувствованіи человечества. Законопреступныхъ дѣшей нерѣдко миловали иногда для заслуженныхъ ошцовъ, шакъ какъ и заслуженные дѣши имѣли сладчайшее утѣшеніе испрашивашъ своимъ несчастнымъ ошцамъ помилованіе. По законамъ Россійскимъ дѣши не лиша-

лись имѣнія послѣ наказанныхъ опцовъ. Россійскіе Государи могли хвалишься, подобно древнимъ Персидскимъ Царямъ, что они любили взвѣшивать добродѣтели виновниковъ съ ихъ преступленіями и прощали ихъ за перевѣсъ прежнихъ добрыхъ дѣлъ. За обиду, нанесенную женщиѣ, положена двойная пеня прошивъ мужчины. Дѣши, прижиные Господиномъ съ рабою, получали свободу вмѣстѣ съ матерью. Господинъ за побой невиннаго холопа наказывался великою пенею. Мизинецъ или меньшій брапъ сверхъ равной части съ другими брапъями получалъ родительскій домъ. Иностранцы изъ проданнаго должниковъ имѣнія удовлетворялись прежде Русскихъ заимодавцевъ. Вдова дворянка, вышедшая за раба, лишалась даже и собственнаго имѣнія въ пользу дѣшей опъ перваго мужа. Дѣши плѣнниковъ не почитались рабами, естли опцы ихъ женаты не на рабыняхъ. Господина ихъ, тошъ шолько неповиненъ въ убіеніи во-

ра, кто самъ находился въ опасносши. *) Главныхъ Чиновниковъ, подпавшихъ праведному Царскому гнѣву, наказывали не сколько ссылкой, сколько опалю, или запрещеніемъ ѣздить ко Двору, и являться въ Обществѣ. Однихъ только важнѣйшихъ пресупниковъ и закоснѣлыхъ въ злодѣяніи наказывали смертію. Россійскихъ Царей раздражало болѣе пресупленіе, нежели пресупники. За несправедливое, но неумышленное рѣшеніе дѣла законы избавляли Судію и Дьяка отъ наказанія. Въ Надворный или Царскій Судъ могъ всякой входить съ жалобами на прешънипелей, почно какъ въ храмъ Божій. Богадѣльни и больницы существовали въ Россіи прежде, нежели въ другихъ современныхъ Европейскихъ Государствахъ помышляли о заведеніи оныхъ. Русская правда и Судебникъ, исполненные правоты и челоуѣколюбія,

*) Сіи законы выбраны изъ Русской Правды и Судебника.

превосходящъ законы Карла и Алфреда Великихъ, Едуарда Исповѣдника, Лудовика Свяшаго, Алфонса Мудраго, Валдемара Великаго, Императора Карла V и другихъ прославленныхъ Европейскихъ Законодательей.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

СТРАНСТВОВАНИЕ ГУМБОЛЬДТА

ПО СТЕЦЯМЪ И ПУСТЫНЯМЪ НОВАГО СВѢТА.

Сколь великую признательность и удивленіе заслуживаютъ тѣ, кои не щадя своего имущества, даже самой жизни, жертвуютъ всѣмъ для пользы человѣчества! — Гумбольдтъ, знаменитый путешественникъ, первый обратилъ нынѣ взоры наши на отдаленную страну — Америку. Еще въ юныхъ лѣтахъ желаніе къ путешествію по отдаленнымъ землямъ воспламенило его душу. Ботаническія прогулки, Геологическія изслѣдованія, путешествіе по Англии, Голландіи и Франціи, совершенное имъ въ сопровожденіи славнаго Георга Форште-

ра, спутника Кукова, утвердили молодого Гумбольдта в его намерении и на 18-мъ году сдѣлалъ онъ уже планъ своихъ спранспованій. „Не спрашивъ къ блуждающей и переменчивой жизни привлекала меня, говорилъ онъ, въ сіи страны жаркаго пояса; но желаніе созерцать вблизи дикую, — величественную и разнообразную въ произведеніяхъ своихъ природу, и надежда собрать нѣкоторыя плоды, полезныя для успѣха наукъ. Обстоятельства не дозволяли мнѣ тогда же привезти въ дѣйствіе сіи намеренія, занимавшія безпрестанно духъ мой, и я въ продолженіи шести лѣтъ приготавливался къ наблюденіямъ, которыя долженъ былъ дѣлать въ Новомъ Свѣтѣ, объѣхавъ многія страны Европы и обративъ особенное вниманіе на высокую цѣпь Альпійскихъ горъ, дабы быть въ состояніи сравнить успроеніе оныхъ съ успроеніемъ Андовъ въ Квишо и Перу.“ Таковыя предуготовленія дають намъ понятіе о важности сего спран-

спованія; но содержащіяся въ немъ извѣстнѣя оспранахъ, видѣнныхъ Гумбольдомъ, нѣмъ болѣе любопытны, чшо могутъ назваться совершенно новыми, и чшо всѣ путешествователи, прежде его бывшіе въ Америкѣ, далеко отспоянъ обширностию свѣденій своихъ отъ сего всеобъемлющаго ученаго.

Совершивъ шоль прудный подвигъ, каковой долженъ бытъ при обзорѣниі малоизвѣстныхъ спранъ Новаго Свѣта, онъ описалъ ихъ не шолько какъ Историкъ — очевидецъ; но и какъ великій Поэтъ одушевилъ повѣствованіе свое изображеніями достопамятныхъ явленій. Чашо повѣсть его прерывается живописными изображеніями, въ коихъ сочинитель увлекается очарованіемъ природы и собственнымъ воспоргомъ. Сердце его не помрачилось множествомъ познаній: въ природѣ видѣлъ онъ не безобразный скелетъ, не дѣло случая; но мысленнымъ взорамъ его, подобно Невшону, открылась сила шворящая, и сей шо

высокой мысли обязанъ онъ шѣми краснорѣчивыми и восхищительными мѣспами своего путешествія, которыя читающа не вольно за собою увлекающъ.

Спранспивованіе Гумбольдта по степямъ и пустынямъ Новаго Свѣта будетъ для насъ пріятно и поучительно. „Кто избѣгъ бурнаго волненія житейскаго моря, говоришь сей отличнѣйшій Путешественникъ, шопъ охотно послѣдуешь за мною во мракъ лѣсовъ, по необозримымъ степямъ и на высокіе хребты Андовъ,

Свобода на горахъ! дыханіе гробовъ
 Не достигаешь тамъ чистѣйшаго эфира;
 Печашью совершенствъ блестящъ шворенье
 міра,
 Гдѣ воплей смертныхъ нѣтъ и бѣдствія слѣ-
 довъ.

СТРАНСТВОВАНИЕ ГУМБОЛЬДТА.

Отъ подошвы высокаго гранишнаго хребта, копорый во младенчествѣ нашей планеты, при образованіи Анпильскаго залива проливусполялъ напору водъ, начинается обширная, необозрима я равнина. Когда оставимъ за собою горныя долины Каракаскія и островами осѣенное озеро Такаригва, въ зеркальныхъ водахъ коего смопрятся близъ распуція пизанговья древа, когда пройдемъ поля, красующіяся нѣжнымъ лакомъ шаипскаго сахарнаго проспника и темнолиственныя сѣни какаовыхъ кустовъ, тогда взоръ успокоится въ Южной споронѣ на шепяхъ, копорыя, видимо возвышаясь въ исчезающей опдаленности, перяются за небосклономъ.

Изъ роскошныхъ нѣдръ органической

жизни, пораженный спранникъ вдругъ всхлупаетъ на край безплодной пустыни. Ни одинъ холмикъ ни одинъ бугорокъ не возвышается на подобіе острова въ неизмѣримомъ пространствѣ. Только въ разныхъ мѣстахъ лежатъ отдѣльные флечовые увалы, имѣющіе по двѣ-три квадрапныхъ миль поверхности и превышающіе всѣ предметы, въ окружности находящіеся. Природные обитатели именуютъ шаковыя явленія мѣлями, какъ бы выражая симъ названіемъ первобытное состояніе вещей, когда сіи возвышенія были дѣйствительно мѣли морскія, а степи составляли дно великаго, внутрь земли простирающагося моря.

Нынѣ еще ночные призраки не рѣдко напоминаютъ о сихъ величественныхъ картинахъ первобытности: ибо когда напускающія спраннику звѣзды, при быстромъ возхожденіи и захожденіи озаряютъ край равнины, или когда въ нижнемъ слѣдѣ волнующагося шума, при нѣкоторомъ пошрясеніи они удваиваютъ

свой образ *), тогда кажешься, что видишь предъ собою безбрежный Океанъ! — Подобно сему и степь наполняетъ душу чувствомъ безконечности. Зеркальная поверхность моря, на коей кружатся игривыя, шипошныя волны, являешься намъ въ поже время пріятною.

*) Видъ опдаленныхъ степей шѣмъ болѣе поражаетъ путешественника, чѣмъ далѣе устремляется онъ въ глубь лѣсовъ и привыкаетъ къ ограниченному близкими предметами кругу зрѣнія и созерцанію богатоукрашенной природы. Неизгладимо останешься во мнѣшнѣ впечатлѣніе, которое произвелъ видъ представившейся намъ степи (Льяносовъ), когда по возвращеніи нашемъ съ верховьевъ Оринока, въ первый разъ въ великомъ разстояніи увидѣли мы оную съ горы Капуцино прошивъ устья Апуры. Солнце только что закатилось. Вся степь казалась подъемлющеюся въ видѣ полушарія; возходящія звѣзды отражали ликъ свой въ нижнемъ слоѣ облекшаго оную шумава; ибо когда равнина чрезмѣрно нагреется отъ вертикальныхъ лучей солнца, тогда игра поднимающихся паровъ продолжается во всю ночь. (Гумбольдтъ.)

Но степь простирается предъ нашими очами въ мерзвомъ безмолвіи, подобно обнаженнымъ скаламъ необитаемой планеты.

Природа являетъ во всѣхъ поясахъ зрѣлище сихъ обширныхъ равнинъ. Въ каждомъ имѣютъ онѣ особенный свой отличительный привнакъ, свою наружность (physiognomia), зависящую отъ различнаго свойства почвы, климата и отъ высоты ихъ положенія надъ морскою поверхностью.

Въ Сѣверной Европѣ можно почестъ степями всѣ страны отъ Ютландскаго мыса до испока Шельды простирающіяся, которыя произрастаютъ верескъ (*Erica vulgaris*) и покрыты какъ бы одною полосой расхѣннй, всѣ прочія выпѣсняющихся. Но сіи не столь просторныя и высокими холмами преисполненыя степи не могутъ сравниться со Льяносами и Пампасомъ Южной Америки, или даже съ зелеными лугами Миссури, гдѣ блуждаютъ косматый буйволъ и длиннорогая Кабарга.

Равнины внутренней Африки являютъ взорамъ величественную и мрачную картину. Въ новѣйшія покомъ времена спарались изслѣдовать сіи равнины, уподобляющіяся неизмѣрному пространству Тихаго Океана. — Части песчанаго моря опдѣляютъ одну плодоноснѣйшую страну отъ другой, или окружающъ оныя въ видѣ острововъ подобно пустынь, лежащей при подошвѣ Базальтовыхъ горъ, именуемыхъ Гаручъ, гдѣ Оазъ Сива, изобилующій Финиковыми деревьями, сокрываетъ развалины Аммонова храма, достопамятную обитель ранняго образованія человѣка. Ни роса, ни дождь не орошаютъ сей бесплодной поверхности и ни одинъ зародышъ растительнаго существа не оживляется въ нѣдрахъ разженной земли; повсюду воздымающіеся знойные столпы воздуха, уничтожаютъ пары и разсѣваютъ быстро проходящія надъ оною облака.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пустыня досягаетъ близко Атлантическаго Океана,

какъ между Дарахомъ и Бѣлымъ мысомъ, влажный морской воздухъ спремился наполнишь пущошу, производимую вертикальными вѣтрами. Тамъ холодный Западный вѣтръ освѣжаетъ холмистый край пущыни. Мореходецъ, плывя къ устью Гамби, по покрывному правую и уподобляющемуся зеленымъ лугамъ морю, гдѣ внезапно ославляетъ его пропическій Воспчнй вѣтръ, чувствуетъ, что находится близъ величайшихъ песковъ, коихъ жаръ весьма далеко просираешся.

Спаи дикихъ козъ, быспроногихъ Спраусовъ, помимыхъ жаждою барсовъ и львовъ, часно ведущихъ неравный бой между собою, блуждающъ въ семь неизмѣримомъ пространствѣ. Если исключишь всѣ новооткрытые на песчаномъ морѣ богатые источниками острова, на зеленыхъ берегахъ коихъ обитающъ кочующіе народы Тиббосы и Туариксы, то оспальную часть Африканской пущыни можно почестъ необитаемою. Образованные народы, живущіе поблизоспи сей

пустыни, посѣщаютъ оную шокмо въ извѣстное время. Большіе караваны отправляются по дорогамъ, за тысячи-лѣтій тому назадъ единожды навсегда торговыми сношеніями опредѣленнымъ, изъ Фафилеша въ Тамбукшу, или изъ Феззана въ Дарфуръ. Совершеніе сихъ отважныхъ предприятий основывается на существованіи верблюдовъ, названныхъ въ древнихъ сказаніяхъ Восточнаго міра кораблемъ пустыни.

Сии Африканскія равнины занимаютъ пространство, превосходящее почти въ три Средиземное море. Онѣ лежатъ частью подъ поворотными кругами, а частью близъ оныхъ, и сіе положеніе опредѣляетъ нераздѣльное и естественное ихъ свойство. Напротивъ того въ Восточной половинѣ древняго материка, сей же самый геогностическій феноменъ принадлежитъ шокмо по свойству своему умеренному климату.

На горномъ хребтѣ средней Азіи, между Алшаемъ и Муспагомъ, отъ Арала простирающагося длиною на тысячу

милъ возвышеннѣйшія степи міра. Однѣ изъ нихъ покрыты правою; другія же украшены сочными, всегда зеленѣющими колечатыми растѣніями; многія блестятъ вдали отъ соли, подобно мху произрастающей, копорая, какъ низпадный свѣжій снѣгъ, не ровно покрываетъ глинистую землю.

Сіи Монгольскія и Ташарскія степи оцѣляютъ древнихъ и просвѣщенныхъ обитателей Тибета и Индоспана отъ дикихъ и жестокихъ народовъ сѣверной Азіи. Ихъ существованіе имѣло также разнообразное вліяніе на перемѣняющуюся судьбу человѣческаго рода. Они спѣснили народонаселеніе къ Югу болѣе, нежели покрытыя вѣчными льдами горы Сиринагуръ и Горка разрушили сношенія народовъ и положили на Сѣверѣ непремѣняемые предѣлы распространенію тихихъ нравовъ и шворческой къ искусству способности.

Но Исторія не должна равнину внутренней Азіи почищать шокмо единою

преградою. Она неоднократно наносила міру бѣдствіе и опустошеніе. Пастушескіе народы сей степи Авары, Монголы, Аланы и Узы потрясли вселенную. Когда въ теченіи столѣтій раннее просвѣщеніе, подобно живошворящему солнечному свѣту распроспранилось отъ Востока къ Западу, тогда въ позднѣйшія времена варварство и дикость нравовъ по сему же направленію угрожали покрыть мракомъ Европу. Смуглое пастушеское народопокольніе Гюнгу обитало въ наметахъ на возвышенной степи Гоби. Пришедъ спремительно изъ отдаленныхъ странъ Восточной Азіи, явилось оно (по темному преданію), какъ воинская Орда подъ именемъ Гунновъ, сначала на берегахъ Волги, потомъ въ Панноніи, на Луарѣ и наконецъ на берегахъ рѣки По, опустошая и разоряя богатые воздѣланныя поля, гдѣ со временъ Антенора просвѣщенное челоувѣчество соорудило памятники на памятникахъ. Такъ вѣяло съ Монгольскихъ пустынь смер-

поносное дыханіе, кошорое изпребило
на землѣ Цизальпинской нѣжный, съ дав-
нихъ времянь лелѣянный цвѣшъ искуспвѣ
и художеспвѣ.

(Будетъ продолженіе.)

РАЗЛИЧІЕ

МЕЖДУ ДРУЖБОЮ И ЛЮБОВІЮ.

Хищрые обольспшпели милыхъ подругъ жизни нашей не рѣдко употребляющъ орудіемъ къ доспшженію своей цѣли священное слово — дружество. Невинная дѣвица, воспшпанная въ правилахъ спрогой добродѣтели, спрашптся имени любовника; но имѣющъ друга, кошорому бы можно было повѣрпть сердечныя шайны и въ запруднпшельныхъ случаяхъ воспользовашься благоразумными его совѣшами — имѣющъ друга, она счпшаетъ позволннымъ. Прелеспный Въпронъ не оставляешъ безъ вниманія шаковое расположеніе мыслей; онъ немедлѣнно предлагаешъ неопышной красавицѣ услуги свои, вскорѣ дѣлаешя ея другомъ; а ошъ дружбы различнаго пола лицъ пере-

ходъ къ любви весьма близокъ. Проходя нѣсколько времени и робкая — повергается безъ робости въ объятія обольстителя. Для васъ прекрасныя намѣренія я изобразить различіе между дружбою и любовію; счастливымъ почту себя, если предлагаемая мною замѣчанія предохранятъ васъ отъ сѣшей, распавляемыхъ хищными искашелями вашей благосклонности. Но не думайте, чтобы начертанныя здѣсь оппѣнки любви и дружбы были плодомъ моихъ наблюдений; нѣтъ! онѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, принадлежатъ многимъ Мудрецамъ. Дѣлаю опкрытія въ нравственномъ мірѣ столь же трудно, какъ въ Физическомъ: Психологъ разсматриваетъ человѣческую душу и опредѣляетъ ея дѣйствія съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ Астрономъ наблюдаетъ небеса и измѣряетъ разстояніе между бесчисленными шарами, плавающими въ Атмосферѣ. Не присвою себѣ чести, принадлежащей ревностнымъ наблюдателямъ сердца, а

представляю вамъ мнѣнія другихъ и мои
собственныя безъ различія,

Дружба есть одна душа въ двухъ
тѣлахъ.

Любовь есть неизъяснимая сила,
влекущая къ любимому предмету.

Дружба можетъ существовать меж-
ду людьми различнаго пола. Но женщи-
на всегда почитаетъ мужчину мужчиною,
и взаимно мужчина почитаетъ женщину
женщиною.

Любовь рождается смотря по свой-
ству и слабости нашей вдругъ, и не
происходитъ отъ размышленія. Красота
мгновенно поражаетъ и увлекаетъ насъ.
Напротивъ того дружба образуется
постепенно, опытомъ и продолжитель-
нымъ обращеніемъ. Сколько для друзей
попробно ума, доброты сердца, привя-
занности, услугъ и угожденій, чтобы
въ печеніи многихъ лѣтъ сдѣлать то,
что прекрасное лице производитъ въ
минушу? —

Любовь начинается любовію; отъ

самой же сильной дружбы происходитъ только слабая любовь.

Дружество имѣешь основаніемъ разсудокъ, а любовь сердце.

Время укрѣпляетъ дружество и ослабляетъ любовь.

Любовь поддерживается сама собою, иногда и обстоятельствомъ: своенравіемъ, суровостію, разлукою другъ о другъ и ревностію, которыя кажутся должны бы испребишь ее. Дружба же имѣешь нужду въ пособіяхъ: она погибаетъ ошь недосыпка попеченій, довѣренности и угожденія.

Сильнѣйшая любовь первая; послѣдующая же слаба, несовершенна. —

Напрощивъ того первоначальное дружество часто бываетъ слабѣе послѣдующаго.

Мгновенно вспыхнувшая любовь пребываетъ продолжительнаго изцѣленія; а возрастающая поспешенно, весьма сходна съ дружбою и не производитъ пылкой страсти.

Проступки скорѣе прощаются въ любви, нежели въ дружбѣ,

Иногда благодарность склоняетъ насъ къ дружеству съ тѣмъ, кто дѣлаетъ намъ различнаго рода одолженія.

Переходъ къ дружбѣ опть ненависти такъ же великъ, какъ опть врожденнаго отвращенія; опть сего послѣдняго, кажется, еще рѣже переходящъ къ любви, нежели къ дружбѣ.

Въ дружбѣ повѣряется всякая тайна, но въ любви часно скрываютъ ее.

Друзья замѣчаютъ одинъ въ другомъ недоспапки, копорые часно распрониваютъ друзей. — Любонники взираютъ на недоспапки любимыхъ особъ, какъ на свои собственныя.

Въ дружбѣ холодность и ослабленіе имѣютъ свои причины; а любовь и равнодушіе не имѣютъ другаго основанія, кромѣ любви и равнодушія.

Испытавшій сильную любовь слабъ для дружбы, а изчерпавшій въ дружбѣ

всю нѣжюость души, не оставилъ ни чего для любви.

Чрезмѣрная любовь обыкновеннѣе совершеннаго дружества,

Къ дружбѣ способны однѣ прекрасныя души; къ любви же — и самыя обыкновенныя.

Любовь и дружество не существуютъ вмѣстѣ,

Нѣжныя красавицы! когда вы прочтете со вниманіемъ предложенныя мною замѣчанія, по хитрыя искатели не обольснятъ уже васъ священнымъ словомъ дружбы; вы ясно увидите, что рѣдко, весьма рѣдко могутъ быть друзьями юныя лица различнаго пола, что дружба сія непримѣнно перейдетъ въ любовь, и любовь слабую. . . . Замѣните также, что любовь, скрывающаяся подъ личиною дружбы, бываетъ всегда коварною; но истинная и позволенная любовь не имѣетъ нужды являться въ другомъ видѣ; она дѣйствуетъ явно и гордится собою.

А. Боровковъ.

РАТМИРЪ и ВСЕМИЛА.

ДРЕВНЕЕ ПРЕДАНИЕ.

На берегу быспраго Днѣпра, въ предмѣстіяхъ Кіева, существовалъ нѣкогда замокъ грознаго Випязя Гремислава, уважаемаго по испытанной вѣрности его къ престолу и по любви къ народу Русскому. Великій Князь Владиміръ II. находилъ въ немъ подданнаго — всегда покорнаго волѣ Государя, воина — презирающаго всѣ опасности, совѣтника — мудраго и надежнаго, друга — безъ лестьи преданнаго. Ему ввѣрено было воспитаніе Ярополка и Георгія, сыновней Владиміра, и опытность его содѣлала юныхъ Князей достойными управлять мужеспвеннымъ народомъ. Гремиславъ всегда съ честью и славою рашовалъ

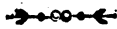
подъ хоругвіями Владиміра съ Ярополкомъ и Георгіемъ. Ужасный мечь его всегда поражалъ дерзскихъ Япвяговъ, свирѣпыхъ Половцевъ и возмущавшихся Болгаръ; дѣла его гремѣли далеко по Дунаю; непріятели Царства Русскаго пренебрегли при одномъ имени Гремислава — и области Кіевскіе оспавались на долго спокойными. Въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ Гремиславъ, любимый Государемъ, почитаемый Вельможами и Боярами двора Княжескаго и превозносимый Кіевлянами, лишась Супруги, удалился въ замокъ съ дочерью своею и Раширомъ, сыномъ вѣрнаго друга, падшаго въ битвѣ съ Половцами.

Юная Всемила разцвѣтала какъ весенній цвѣпокъ, сберегаемый благодушною Природою подъ яснымъ всегда Небомъ. Прелестное милое лице ея казалось живымъ изображеніемъ души, которая подобна была тихому прозрачному источнику, ни чѣмъ не возмущаемому; большіе голубые глаза, исполненные нѣж-

носпи и состраданія, были несомнительнымъ залогомъ любви и вѣрности; черные волосы небрежно развѣвались по лилейной груди ея. Рашмиръ, будучи также одаренъ пріятною наружноспію, отличался предъ всѣми юношами величественнымъ сіройнымъ станомъ, крѣпостію, добрымъ сердцемъ и привлекательнымъ обхожденіемъ.

Мирно пропекали лѣта ихъ юношества; скромныя успѣхи и невинныя игры укрѣпляли узы взаимной довѣренности, узы пріязни и дружбы. Всемила занималась своею прялкою, или шпьемъ, а Рашмиръ упражнялся въ мѣпаніи изъ пращи и управленіемъ меча, обращался съ юношами въ ристалищахъ и играхъ рыцарскихъ. Одни только сіи занятія разлучали ихъ. —

Не рѣдко самъ Гремиславъ, забывавъ старость и болѣзни, участвоваль въ упражненіяхъ дѣшей своихъ, и улыбка удовольствія разглаживала морщины лица его; слезы радости капались

изъ глазъ, когда они съ дѣпскою безпечно-
носпію, возвращаясь съ прогулки, раска-
зывали ему, что добрые поселяне, въ
окрестностяхъ замка живущіе, прешер-
пѣваюць нищету; что они роздали имъ
всѣ свои деньги и въ благодарность за
то слышали ошъ старѣйшинъ повѣспво-
ванія о набѣгахъ и разореніи непріате-
лей, о славныхъ дѣянїяхъ Князей Кїев-
скихъ, о подвигахъ народа Русскаго, о
неуспрашимои храбрости мудраго, всѣми
прославляемаго Гремислава. Тогда лице
юнаго Рапмира мгновенно покрывалось
живѣйшимъ румянцемъ, глаза блиспали
огнемъ мужества и съ швердоспію вои-
на клялся онъ, что не попустишь врагу
люпому помрачить славу Опечества;
оскорбишь спаросшь родителя и лишишь
его Всемилы кропкія. Счастливыи стар-
рецъ мысленно переносился тогда во
времена пропекшія и одушеваясь жаромъ
юношества, объяснялъ пипомцу своему
обязанности истиннаго сына Опече-
ства.

Между тѣмъ Всемиль исполнилось
 пѣнадцатъ, а Раширу девѣнадцатъ
 лѣтъ. Гремиславъ, заботясь о щасіи
 своего воспитанника, помышлялъ уже о
 представленіи его Великому Князю Яро-
 полку, досшойному преемнику престола
 Кіевскаго по смерти Владиміра. Раширъ
 узнавъ, что скоро долженъ будетъ оста-
 вить мирный кровь своего юношества,
 оставивъ нѣжно-любимую сестру и ро-
 дителя, въ первый разъ не понималъ
 своихъ чувствованій; хладный шепеть
 объялъ его и слезы пролились по блѣд-
 ному лицу его. Съ сердечною горестію
 идетъ онъ къ Всемиль, но робость до-
 селъ имъ непоспигаемая останавливаетъ
 его при первомъ вступленіи въ перемь
 прекрасная; онъ не смѣетъ обратишь
 на нее взоры; румянецъ засупилъ мѣс-
 то прежней блѣдности; вздохи тѣсняш-
 ся въ груди его; наконецъ — роковое
 слово — проси излетьло изъ устъ юно-
 ши. Теперь только Гремиславъ, поспѣ-
 шившій приугошвишь дочь свою къ раз-

лукъ, сообщилъ ей страшную тайну, что Рапмиръ не братъ ей, и обратясь къ нему, вѣщалъ шакъ: добрый Юноша! ты не обязанъ мнѣ рожденіемъ своимъ; одно только воспианіе даетъ тебѣ право называть меня опцемъ, и да сохранился навсегда имя сіе въ душѣ твоей. Пятнадцатъ лѣтъ уже покоишься въ сырой землѣ прахъ твоего родителя; по смерти его, на пятнадцатъ году ты былъ принятъ мною въ домъ и воспитываемъ вмѣсто сына; въ другое время сообщу тебѣ подробности о твоихъ кровныхъ; теперь не хочу расправлять новую горестію юнаго сердца твоего, не привыкшаго еще къ печалямъ. Опнынъ, любезный сынъ, ты долженъ вступишь на новое поприще; разумъ твой сдѣлался образованнѣе, мышцы возмужали, грудь твоя укрѣпилась духомъ храбрыхъ соотечественниковъ; не разъ уже замѣчалъ я въ тебѣ стремленіе къ славѣ спорыни родимой. Вотъ панцырь и шлемъ отца твоего, въ кошорыхъ онъ никогда не пре-

спаваль бѣшь доспойнымъ сыномъ Ошечешва; вопшь щипшь, опражавшій нечешпивые удары прошивниковъ; вопшь мечь его, кошорымъ онъ наказываль враговъ земли Русскія за гордыню ихъ. Облекись въ сій доспѣхи и прими изъ рукъ моихъ сей мечь, послѣднее наслѣдіе швоего родишеля. Иди юноша, будь доспойнъ ошечешкой любви моей и мужешпвеннымъ подданнымъ добраго Царя. Но знай, что вѣчный спыдъ покроешъ сѣдую главу сію, ешпли измѣнишь моимъ ожиданіямъ — и ошечешкіе мои объашія никогда уже для шебя не будутъ опверзшы.

Въ неизъяснимомъ смущеніи пребывала робкая дѣва, когда спарець ошпавиль ихъ; новое чувешпованіе подобно молніи пролешло по всему сосшаву ея когда узнала она, что Рашмиръ уже болѣе не брашь ей. Грудь ея шрепешала, въ первый разъ слезы горешпи показались въ голубыхъ очахъ; дѣвичешкій спыдъ покрыль прелешпное лице; во всѣхъ движеніяхъ ея примѣшна была

сильная борьба сердца съ разумомъ — она желала сообщить сокровенныя ощущенія крошкѣ души своей, но слова замирали на устахъ. Милая сестра! сказалъ Рапмиръ, прижавъ руку ея къ шепещущему сердцу, если позволено мнѣ еще называть тебя симъ священнымъ именемъ — я счастливъ и клянусь, что доколѣ глаза мои не сомкнушя навѣки, прелестный образъ твой не изшребится изъ души моей и будешь бѣдствовать со мною въ тихіе часы уединенія; онъ будешь сопровождать меня и въ совѣтъ храбрыхъ Русскихъ Воинъ и на поле битвы; онъ будешь носиться надо мною среди всѣхъ опасностей и охранять меня отъ злобы, клеветы и самой смерти. Я не постигаю, что со мною сдѣлалось съ той минуты, какъ узналъ, что родитель твой есть только воспитатель, призванный мое одиночество! Я не братъ тебѣ по рожденію; но чувствую, что теперь люблю тебя болѣе, нежели когда либо; чувствую,

что все блаженство мое заключается въ тебѣ одной. Скажи же мнѣ, милая сестра, будешь ли и ты меня всегда любить, подобно какъ въ пропекшіе дни нашего дѣтства? Скоро наступитъ день разлуки съ почтеннымъ твоимъ родителемъ, заботившимся о сиротствѣ моемъ; скоро наступитъ часъ прощанія съ тобою, прекрасная Всемила! — и одно сладостное воспоминаніе, пламенная любовь моя къ тебѣ и пріятная надежда останутся со мною; но горе бѣдному Раширу, если воспоминаніе сіе будетъ опрavedлено мученіями — если любовь моя останется забытою, опроверженною: тогда и пріятная надежда, подобно лазоревому васильку, перенесенному въ страну чуждую, неразцвѣтно увянетъ! — Здѣсь рыданія Всемилы прервали гласъ юноши; слезы ихъ смѣшались, невинные поцѣлуи были нѣжными исполковашелями сердечныхъ чувствъ и взаимное признаніе въ любви излилось изъ спѣсенной груди ихъ.

Теперь казалось юнымъ любовникамъ,

что время пролетало быстрѣе обыкновеннаго; они всегда были вмѣстѣ, пвердили безпреспанно о любви своей; одна только темная ночь разлучала ихъ. Съ каждымъ утромъ они были уже на высокой башнѣ замка, прямо по дорогѣ къ Киеву; любовались восходящимъ краснымъ солнышкомъ, которое представлялось глазамъ ихъ и свѣплѣе и величеспвеннѣе прежняго. Съ каждымъ полднемъ поспѣшали они подъ тѣнь древней дубравы, окружавшей замокъ: тамъ все мечпалось имъ переродившимся, — и пшички пѣли согласнѣе, и вѣперокъ повѣвалъ пріятнѣе, и зелень была свѣжее, и цвѣтны благовоннѣе. Съ каждымъ вечеромъ посѣщали они мирныя хижины добродушныхъ поселянъ и всегда находили тамъ новое удовольствіе, новое изобиліе и новое щаспіе — тамъ, гдѣ добродѣшельныя сердца ихъ всегда изглаживали слѣды опущенія враговъ Опечеспва. Съ улыбкою на лицѣ возвращались они къ почтенному родителю; но взоры его спа-

новились мрачны: Спарецъ угадываль нѣжную спраспъ, шаймую опъ него — и поспѣшалъ удалитъ Рапмира. Онъ любилъ его, но былъ гордъ, привязанъ къ предразсудкамъ и никогда бы не согласился опдапъ дочь свою, послѣднюю надежду, за юношу неизвѣснаго въ свѣстѣ своими подвигами.

Уже наспупилъ день опгѣзда Рапмира и неупѣшная Всемила взирала на приближающуюся минушу разлуки, какъ на послѣднй мигъ своего блаженства. Мершвая пишина, казалось, окружала ихъ; но спрашная буря свирѣпспвовала въ сердцѣ; шайное предчувствіе вѣчныхъ гореспей изображалось на блѣдномъ лицѣ. Весь замокъ былъ въ движеніи; служипели и спарые войны Гремислава, уважавшіе добраго юношу, спѣшили проспиться съ нимъ; слезы и рыданія были свидѣшелями искренней любви. Бѣлый конь Рапмира споялъ уже оеѣдланнй и опъ нешерпѣнй билъ копышомъ въ крыльцо чугунное; но примѣшя печаль

всадника, вспрепенулся, какъ будто предчувствуя, что нѣжныя руки Всемилы не будутъ уже подносить ему бѣлую пшеницу и ласкать его. Рапмиръ въ послѣдній разъ возрѣлъ на прекрасную, послѣдній поцѣлуй напечатлѣлъ на помертвѣлыхъ устахъ и, оперевъ бѣлымъ плашкомъ слезы, капившіяся изъ голубыхъ глазъ ея, вѣщалъ: „доколѣ плашокъ сей, сохраняющій драгоцѣнный залогъ любви, твоей будетъ берегаемъ здѣсь на груди моей; доколѣ хладъ смерти не разольется въ крови и сердце мое не преспанетъ чувствовашь, что залогъ сей еще съ нимъ, еще согрѣваетъ его; — дошолѣ любовь сія будетъ единственнѣмъ благомъ дней моихъ.“ — Со скрипомъ распворились желѣзныя врапа замка и Рапмиръ, провождаемый Гремиславомъ, былъ уже на дорогѣ къ Кіеву. Опчаянная Всемила смотрѣла на удаляющихся; еще слышался ей попопѣ конскій, бѣлѣлся въ рукахъ Рапмира плашокъ по крышѣ поцѣлуями, и наконецъ шуман-

ная опдаленность сокрыла опть взоровъ ея милаго друга. Медленно возвращается она въ уединенное свое жилище; тамъ предъ свяшою иконою возсылаешъ моленія свои о счастіи возлюбленнаго.

По прибытіи въ Кіевъ, Рапмиръ представленъ былъ Гремиславомъ: Великому Князю Ярополку и принятъ въ Княжескую дружину. Въ честь мудраго воспиташеля сыновей Владиміра давались нѣсколько дней празднества въ палатахъ Княжескихъ; на площади Кіева собравшійся народъ съ рукоплесканіемъ переносилъ опть одного конца до другаго славное имя Гремислава; храбрые воины въ блестящихъ доспѣхахъ, на гордыхъ коняхъ, шѣснили другъ друга въ ристалищахъ, и въ стройныхъ рядахъ проѣзжая мимо Ярополка и Гремислава, преклоняли предъ ними мечи булашныя; пылкіе юноши быстро спремались къ поставленной мѣшѣ и, ударяя крѣпкими копьями въ мѣдныя кольца, сшибали ихъ. Посреди сихъ опличался Рапмиръ вели-

чавостию и проворством — и счастливый Гремиславъ, поручивъ его милостямъ Княжескимъ, возвратился въ свой Замокъ.

Унынiе поселилось въ душѣ Рашира, когда онъ оспался одинъ среди многолюднаго града; мысли его блуждали по окрестностямъ замка, гдѣ прелестная Всемила въ мрачномъ уединенiи и скукѣ проводила дни свои; но юное сердце Героя Русскаго, и въ самыя опдаленныя времена любившее искренно и пламенно, всегда способно было и къ пренесенiю горестей; слава и любовь къ опчизнѣ всегда были удѣломъ народа Русскаго. Раширь, занимаясь воинскими подвигами, скоро забылъ печаль свою; воспоминанiе о Всемиль уже болѣе не шягошило его, но было прiятно, и сладкая надежда всегда оживляла духъ его новою бодростию. — Ярополкъ, всступя по смерти брата своего Мстислава на родительскiй престолъ и видя повсюду собираемую войска Россiйскими Князьями, неперпѣвшими покоя, а болѣе спрашившимися

власти его, премънилъ храбрость свою и пылкую склонность къ войнѣ на миролюбіе и управлялъ въ Кіевѣ крошко и спокойно. Но премъна сія и въ самомъ началѣ не принесла ожидаемой пользы: междуособія Россійскихъ Князей и нападенія непріятелей на ихъ области возмущали мирное Ярополково царствование. Онъ принуждаемъ былъ посылать храбрую дружину или для водворенія мира и тишины, или для вспомошествованія сосѣдственнымъ Князьямъ къ отраженію ударовъ непріятельскихъ. Сею дружиною предводительствовалъ пылкій Рагмиръ, начинавшій уже приобрѣтать воинскую славу. Таковыя упражненія усовершенствовали его и доставили случай оказать свою храбрость и благоразуміе. Безспрашно сражался онъ съ противниками, смѣло лезъ на всѣ опасности; вездѣ, куда ни обращался, смертоносный мечъ его открывалъ проспиранный путь воинству—побѣда предшествовала. Рагмики были ему преданы, Бояре и

Вельможи Кіевскіе уважали его мужество и благородство души; самъ Великій Князь любилъ его и отдавалъ всѣ почести.

Такимъ образомъ прошекли при года пребыванія Рагмира при Велико-Княжескомъ Дворѣ. Въ печеніи сего времени не рѣдко посѣщаль онъ замокъ Гремислава. Вѣрная Всемила всегда знала день его пріѣзда и съ высоты башни просширала къ нему издали свои объятія. Каждый разъ находили они другъ въ другѣ новыя совершенства; любовь ихъ была краснорѣчива, пламенна; но свящая невинность осѣняла ихъ крыломъ своимъ. Въ присущствіи честолюбиваго спарца они были скромны и молчаливы, за то выразительные ихъ взоры сообщали другъ другу взаимныя чувствованія. Рагмиръ всегда возвращался въ Кіевъ съ пріятнѣйшею увѣренностію, что Гремиславъ, непреспававшій изъяслялъ ему родительскія ласки, согласился наконецъ на бракъ его съ своею дочерью.

Между шѣмъ приготоовлялись при Дворѣ особенныя празднества, по случаю одержанной Ярополкомъ знаменитой побѣды — побѣды, не пролишемъ крови приобрѣщенной, но утвержденной соглашемъ Князей и мудрыми дѣянiями Ярополка. Изъ всѣхъ удѣловъ сѣзжались Россiйскiе Князья и Бояре; граждане и воины толпились на спогнахъ Кiевскихъ; разспавлены были сполы дубовые на площади Градской — и Ошець народа Русскаго угощаль вѣрныхъ дѣшей своихъ. Тамъ сребренныя кубки, наполненныя пѣнисшымъ виномъ и медомъ, звучали ударяясь край объ край, переходя изъ рукъ въ руки; шамъ радостныя плески, сопровождаемыя народнымъ пѣнiемъ, волновали воздухъ и громогласныя восклицанiя перелѣшали изъ конца въ конецъ. Къ сему времени прибыль и Гремиславъ съ дочерью. Прекрасная Всемила явилась въ палапахъ Княжескихъ какъ новое солнце, никогда еще не озарявшее землю Русскую, явилась во всемъ

блескъ красоты своей — и милою скромностию обратила на себя взоры каждого. Сердце Рашира препепало отъ чрезвычайной радости; онъ видѣлъ и слышалъ одну только ее, и былъ съ нею неразлучно. Не одна нѣжная мать говорила тогда своей дочери, что желала бы видѣть въ ней совершенства Всемилы; не одинъ чадолубивый отецъ непрестанно повсорялъ своему сыну, что желалъ бы найсти въ немъ любезныя и благородныя качества Рашира. Всю недѣлю продолжались различныя веселости при Дворѣ и всякій разъ Всемила и Раширъ одни только были душою многочисленнаго собранія. Они почиали себя счастливыми и казалось, ничего не давало къ ихъ блаженству; но грозныя тучи собирались уже надъ главами ихъ.

Въ числѣ гостей Княжескихъ находился гордый, ужасный Випись Громваль, ближній родственникъ Ярополка. Ростъ его былъ тиганпскій; пламенные взоры изображали непримиримый гнѣвъ; всклокоченные волосы и смуглое безобраз-

ное лице поселяли опвращеніе въ каждаомъ; грубый сиповапый голосъ порождалъ смерпный жладъ въ сердць шого, къ кому онъ обращался. Душа его была неприсшупна; ни одно челоувколюбивоe чувспво не было ему извъспно; ни споны несчастпныхъ, ни улыбка младенцевъ не прогали его; дружба не довѣряла ему, а любовь шрепешала его суровоспи. Черные лапы изъ спали вороненыя никогда не осшавляли широкпхъ, могучпхъ плечъ его. Онъ былъ спрашенъ въ бояхъ и неукропимъ во мщени. Гдѣ присушспвовалъ Черный Впшязь (шакъ называли его по доспѣхамъ и чернымъ перьямъ, развѣвавшпмся на шлемѣ:) — шамъ, казалось, и самая смерпъ ужасалась его. — Свѣшлые взоры невинной Всемилы, обращавшіеся всегда къ одному Рапмиру, скользнули шолько по швердой груди Чернаго Впшязя и вдругъ пошешнѣли; но взоры сіи уже коснулись неприсшупнаго его сердца. Въ первый еще разъ Громвалъ почувспвовалъ дѣйспвіе

любви и чѣмъ далѣе взиралъ на прекрасную, чѣмъ болѣе вслушивался въ нѣжный ея голосъ, тѣмъ сильнѣе и порывистѣе становилась страсть его. Будучи швердъ въ своихъ начинаніяхъ и быспрѣ въ исполненіи, тогда же открылъ онъ Ярополку желаніе обладать рукою Всемилы, и честлюбивый Гремиславъ, убѣждаемый Государемъ, изъявилъ Громвалу согласіе.

Всемила, оставляя Кіевъ, еще не знала, что уже рѣшена участь ея. Возвращаясь въ замокъ съ прежнимъ спокойствіемъ и веселіемъ, принялась она опять за свои упражненія; блескъ Двора Княжескаго и шумныя удовольствія не возмущали ея духа. Одно только пріятное воспоминаніе, что видѣла мать своего Рагмира, одна только сладостная надежда, что скоро онъ посѣтитъ ее, занимали всѣ часы ея досуга: въ спарину невинныя дѣвы Царства Русскаго болѣе всего предпочитали домашнее хозяйство и рукодѣлія; преданы были вѣрѣ предковъ

своихъ, и только по вечерамъ съ подру-
гами, собравшись въ шеремъ къ почтен-
нымъ спарцамъ, рѣзвились подобно дѣ-
шнямъ, не зная, что есть скука и разсѣ-
янiе.

Громваль, мучимый любовiю, часпо
пріѣзжалъ въ замокъ. Всякій разъ наспо-
днiя его у Гремислава о бракѣ съ его
дочерью шановились рѣшишельнѣе. Ос-
щавалось только снискаль взаимную
склонность Всемилы, и по совѣшу гор-
даго спарца, опклонявшаго еще до вре-
мени родишельскую власшь свою, суро-
вый женихъ напрасно испощаль хладныя
убѣжденiя и принужденныя ласки; на-
прасно увѣрляль ее, что союзъ сей одоб-
ряется и самимъ Государемъ, что лю-
бовь его никогда не измѣнится, что бу-
дущая жизнь ея будетъ самая счастли-
вая и блисшательная и что новыя удо-
вольствiя и почести ожидающъ ее при
дворѣ Великаго Князя. Робкая дѣва съ
ужасомъ внимала его предложенiямъ; оп-
клоняла всѣ изобрѣшаемыя имъ нѣжности.

Она надѣялась, что просьбы и слезы ея подвигнутъ на жалость жестокое сердце; но когда узнала, что намѣреніе его непремѣнно, что воля родителя изрѣкла уже жребій ея, презрѣніе было опвѣтомъ на всѣ слова ненавистнаго для нея Випязя. Томно склонилась глава ея на шрепещущую грудь и смертное онѣменіе распространилось уже по сосавамъ ея; но вдругъ загремѣлъ грозный гласъ родителя, проклятія готовы были посыпаться на несчастную; чувствованія ея оживились для того, чтобы услышать приговоръ раздраженнаго отца, повелѣвающаго покорствоваться его закону. Съ послѣднимъ усиліемъ желала она открыть признаніе въ любви своей къ Рагмиру, но тяжкія снѣнанія поглощали слова — и бракъ съ Громваломъ назначенъ былъ чрезъ три дня.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М О С К В А.

Сойди Поэзія Священна;
Гармонія, магдъ Творца,
О Ты, кошорой нѣтъ конца,
Котора Богу современна!
Прійди къ развалинамъ Москвы!
Гдѣ Олтари швои и храмы
Повержены въ глубоки рвы,
Едва курятся Фиміамы;
На Лиру Амфіона длань
Просши скорѣй, просши и — грань!

Въ волшебныя струны ударяя,
 Ты чудо Эивъ возобнови;
 Москву изъ пепла воззови,
 Побѣдну пѣснь ей въ честь играя.
 Да зодчій, опустивъ свой млапъ
 И въ брусъ вонзивъ конецъ секиры,
 Спойшь, дивясь, какъ всходишь градъ
 По звуку вдохновенной Лиры:
 Сей звукъ да будетъ громъ хвалы
 Вамъ — Руски войны Орлы!

И вамъ Россіи мирны чада,
 Доселъ чпо въ безмолвіи сель
 Таили духъ Геройскихъ дѣлъ,
 Предъ коимъ палъ духъ злобный ада. —
 Пусшь ринясь въ шаршаръ, онъ ревешъ,
 Пусшь ревъ его къ сынамъ развраша,
 Къ сынамъ раздора вихрь несешъ
 И въ слухъ вдуваешъ сопосшаша.
 Внемли Вселенная! внемли,
 Какъ палъ врагъ неба, врагъ земли.

Познай всѣ замыслы ширѣна,
 Чья пища — кровь; забава — спонь;
 Не онъ ли, вышедъ какъ Писонъ
 Изъ волнъ Средземна Океана,
 Хвалился силою такою,
 Что можешь вдругъ одной рукою
 Поднять на рамо шаръ земной,
 И небо попроси другою? —
 Не онъ ли, залу спремься въ слѣдъ,
 Мечшалъ съ безумнымъ: *Бога нѣтъ!*

Не онъ ли, — въ верпоградъ священный
 Прелазя какъ полночный шашь, —
 Дерзаль въ немъ съ корнемъ испорганъ
 Лилей вышнимъ насажденны? —
 Сему чудовищу, сему,
 Крамола мечъ свой успунила,
 Когда насыпясь зломъ, во шьму, —
 Свою спихию — опходила.
 На шомъ мечъ слова вругомъ:
Губить, доколь не грянетъ громъ.

О ужась! онъ иляся Геенной
 Пронесъ шопъ мечъ чрезъ цѣлый свѣтъ,
 И ей въ дѣлахъ своихъ ошвѣтъ,
 Дашъ на развалинахъ Вселенной.
 Какъ въ дебряхъ вихрь, шакъ въ цѣли сей
 Казалось его спременье:
 Пожары мигъ его очей,
 И каждый шагъ землетрясенье,
 Дрожали Альпы, сохнулъ Ниль,
 Какъ будто часъ послѣдній билъ.

Гдѣ скиншрѣ держали полубоги,
 На пронѣ шамъ прищлецъ возсѣлъ;
 Развращъ, обманъ, измѣну ввелъ
 Бурбоновъ въ свѣплые чершогѣ. —
 Открылся въ нихъ вершеть убійць, —
 И смершь на ихъ гнѣзилась кровъ;
 Сидѣль шираць средъ блѣдныхъ лицъ,
 Свирѣпъ въ молчаньи, грозень въ словѣ;
 Онъ сонъ прогналь опъ ложа прочъ
 Чщобъ міръ губишь и день и ночь.

Какъ волкъ въ дворъ овчій чрезъ ограду,
 Такъ онъ вспунадъ въ предѣлы царствъ
 Съ огнемъ, мечемъ и шьмой коварствъ
 Опъ града бурей мчался къ граду;
 За нимъ рѣкою кровь шекла,
 Европа въ заревахъ блѣднѣла,
 Склонивъ главу, конца ждала
 И-рукъ на месъ поднятъ не смѣла.
 Увы! несчастный! каждый разъ
 Биль роковой, казалось, часъ.

Вокругъ ея печальны дщери
 Въ слезахъ, какъ горькія вдовы,
 Спряся пеплъ съ ея главы,
 Вѣщали ей свои пошери:
 Какъ съ нихъ ширанъ вѣнцы сорвалъ,
 Чшобы свое возвысилъ плѣмя,
 Какъ злопо ихъ въ добычу взялъ,
 Напавъ на нихъ въ шакое время,
 Когда на маслинахъ онъ
 Дремали въ сладкой шишинѣ.

Языкъ, какъ бризву изошренну,
 Въ устахъ вращая хипра лещь,
 Въ его спремилась сѣши ввещь
 Народъ, вельможъ, владыкъ — Вселенну.

Рабы зошли на пронъ Царей,

Цари познали иго рабства:

Не знакъ ли по послѣднихъ дней? —

Не гибнуть ли земныя царства?

Спрашись, пирань! спрашись! — на судъ

Трубой злодѣвъ призовушь. — — —

Но кто изъ чадъ Европы слезной

Величественна дщерь сія?

Не шаль, чпо прежде всѣхъ змія

Повергла палицей желѣзной?

Не шаль, чью грудь онъ грызъ, перзаль?

Но сердце, въ сей груди пронзенной,

Какъ Адаманшъ въ горѣ, позналъ,

И тщешной злосшью воспаленной,

Поползъ въ ущельи Пиреней,

Грозя изъ нихъ изышши злѣй.

Се ты, спасенная любовью,
 Иберія! своихъ сыновъ;
 Ихъ грудь твоя щипъ былъ опъ враговъ,
 Ихъ славною омылись кровью
 Твой провъ и пошъ преспольный градъ,
 Съ презрѣнемъ хищникъ твоей опкуда
 Извержень, какъ нечистый гадъ
 Изъ освященнаго сосуда;
 Гонимъ проклятиемъ бѣжалъ
 Сей новый въ звѣрствѣ Каннибалъ.

На язвы зря свои глубоки,
 Попомъ на свой кровавый слѣдъ,
 И съ Эбры слыша звукъ побѣдъ,
 По персямъ билъ себя жестокой:
 Духъ люшый мщенія потрясъ
 Въ немъ сердце злобой раскаленно,
 Изъ устъ его раздался гласъ:
 „За мною смерть въ концы Вселенной!
 Онъ рекъ, и въ испуленьи съ горъ
 Сверкалъ его на Сѣверъ взоръ.

На Сѣверь, гдѣ вѣнчанный Богомъ
 МОНАРХЪ, Монарховъ красота,
 Проводишь юныя лѣта.
 Въ святомъ его законѣ спрогомъ;
 Плѣнень Геройскимъ блескомъ дѣлъ,
 Но полонъ къ подданнымъ любви,
 Купишь онъ Лавры не хотѣлъ
 Цѣной ихъ слезъ, цѣной ихъ крови,
 И міру мира онъ желалъ,
 Какъ цѣпь народамъ Корсъ ковалъ,

Зола съ вѣтрами казалась
 Онъ въ мѣхъ огромной заключилъ;
 Чпобъ раздувань въ горнилѣ пыль,
 Желѣзо въ кремъ разжигалось.
 Подъ тяжкимъ молотомъ его
 Трещала ось земнаго шара,
 И горы съ мѣста своего
 Здвигались ошъ его удара;
 Горѣлъ ошъ искръ дремучій лѣсъ,
 Билъ Поншъ ключомъ, — рдѣлъ сводъ Небесъ.

Всякъ мнилъ болѣзнямъ зрѣть начало,
 Какъ Югъ въ оковахъ заспоная,
 И всякой съ препеномъ внималъ,
 Какъ о звѣно звѣно звучало,
 Когда сей Исполнъ повлекъ...
 Ужасныя на Сѣверъ цѣпи,
 Гдѣ грады, веси онъ прошекъ,
 Тамъ камнями покрыты снепи;
 За нимъ Орда убійць шекла.....
 Но шуча вромъ надъ нимъ несла.

Покрылся Нѣманъ пѣной бѣлой,
 И изъ береговъ плескался вонъ,
 Едва Гигантъ - Наполеонъ
 Спустилъ на нихъ пяшой тяжелой
 И взвелъ злодѣйску раць съ собой,
 Его свирѣлые Кеншавры,
 Брашая лукъ, гремя броздой,
 Алкали попирашь нѣ лавры,
 Что съ древнихъ славою времена
 Взлелѣны въ поляхъ Славянъ.

О естлибъ путь свой направля
 Къ Россіи, видѣшь могъ злодѣй,
 Какъ око Вышняго на ней
 Сіяло, солнце помрачая,
 Безгласенъ грянулсябъ колосъ,
 Покрывъ рубежъ ее собою; —
 Но чпобъ зналъ, свѣтъ, сколь силенъ Россъ,
 Сколь Царь его великъ душою, —
 На время малое Богъ силъ
 Опъ Россовъ взоръ свой отвращилъ.

И се! не мочь ли Фараонска
 Покрыла грады ихъ, поля?
 Дрожала Руская земля
 Опъ попоша коныша конска;
 На колесницахъ и коняхъ
 Триснапы гордые риспали,
 Какъ дымъ взвивали къ верху прахъ
 И въ ночь день свѣшлый прешворали. —
 Смущился чистый шокъ Невы,
 И блескъ пошускъ злапой Москвы.

Въ сей общей АЛЕКСАНДРЪ печали,

Воззвалъ къ Народу своему;

Изъ храма вышняго ему

И небо и земля внимали:

„Мужайся Россъ, за правду Богъ!

„Клянусь мечемъ оимъ вознесеннымъ,

„И слово Царское въ залогъ

„Даю предъ оцаремъ священнымъ:

„Доколь врагу здѣсь не оцмщу,

„Меча сего не опушу. — — —

„И нашъ, и нашъ равно дошолъ

„Въ влагалище не взыдешь мечъ,

„Доколь съ нимъ въ послѣдню сѣчу

„Не всступимъ на рубежномъ полѣ.“

За вѣру, за Царя, народъ,

За родину свою драгую,

Такъ клялся положишь живопъ,

Гоповся на брань свяшую,

Какъ на веселый брачный пиръ:

Гдѣ царшвуюющъ любовь и миръ.

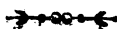
Внукъ дѣда; сынъ отца лобзая,
 Супругъ жену и чадѣ своихъ,
 Невѣсту милую женихъ
 Къ рещиву сердцу прижимая,
 Рекли единымъ гласомъ имъ:
 „Коль долженъ кто изъ насъ опъ бою
 „Пасшь мершвъ, молишеса святымъ,
 „Чтобъ прежде полтъ своей рукою
 „Самъ смершный одръ себѣ посплалъ
 „Изъ шруповъ злыхъ враговъ и — палъ.“

И пылъ, Корсь буйный, Корсь лукавый!
 Мнилъ духъ шакон поколебашъ?
 Тыль смѣль споль горду мысльъ пипашъ,
 Чшобъ Россъ спалъ чшипшъ швой ушавы?
 Ты думалъ — все ужъ превозмогъ,
 Вбѣжавъ какъ звѣрь въ Россію люшый,
 И что ужъ насъ оставилъ Богъ. —
 Но вспомни, вспомни шѣ минушы,
 Когда орловъ Россійскихъ шумъ
 Смушилъ въ тебѣ и духъ и умъ.

Одинъ орель съ осанкой гордой,
 Стрѣла въ полетѣ, въ боѣ громъ,
 Красавецъ спашью и перомъ,
 Ударивъ быспро грудью швердой
 Въ ряды злодѣевъ съ вышины,
 То билъ ихъ бурными крылами,
 То въ глубинѣ попилъ Двины
 Коней и всадниковъ полками.
 Хвала тебѣ опъ всѣхъ плѣменъ,
 О спражъ — орель Петровыхъ спѣвъ!

Другой, всей спаш воевода,
 Минервой вскормленный орель,
 Съ руки Россіи полетѣлъ
 И грянулъ опъ небесна свода
 На Бородинскія поля;
 Злодѣевъ кровь ихъ попопила,
 Поколебалася земля,
 Разрушилась волшебна сила
 Въ мечѣ его — и въ мрачный адъ
 Сопхнулъ герой пьмы сопоспашъ.

Но что во спанѣ за смяченье? —
 Какую вѣспѣ победы въ слѣдѣ
 Молва споусшная несетъ? —
 Еще опъ боя въ упоменѣ
 Подъ знаменемъ съ щипомъ споялъ
 На полѣ чести воинъ въ сѣроѣ,
 И побѣдителя лобзаль
 Одинъ герой въ другомъ героѣ,
 Какъ разгласила вдругъ молва
 По спану вѣснѣ : въ плѣну Москва.

Какъ вихрь, нечаяннымъ набѣгомъ
 Взмущивъ на морѣ шишину,
 То гонитъ волны въ глубину;
 То ихъ съ крушымъ равняетъ берегомъ:
 Такъ въ сердцѣ Рускомъ вѣспѣ сія
 Всѣ чувшва, спрасши взволновала;
 Россія къ Небу вопія,
 Къ сѣдющему на немъ зывала:
 Возспань, подвигнися на брань,
 Москва въ плѣну гдѣ громъ швой? грянь!

Москва въ пѣну!.... Непостижимый!
 Тыль произнесъ шопъ приговоръ,
 Чшобъ вдругъ изъ шоржесшва въ позоръ
 Впаль градъ градовъ побой любимый?
 Свяшныя волеюль швоей
 Попрана спала изувѣромъ?
 Или пы самъ, о Царь Царей!
 Подвигъ Москву швоимъ примѣромъ
 Спасши погибшу міра часшь,
 Предавъ себя на вольну спрасшь?

Чего Вселенна не видала;
 Чшобъ пѣнница во власши злыхъ
 Спасенья царешвъ — Владыкъ земныхъ
 Великій подвигъ совершала,
 То чудо явлено Москвой:
 Москва въ пожарахъ проешираешъ
 Сквозъ пламень миръ одной рукой,
 Другою въ огонь съ кремля бросаетъ
 Огромны свшпки чершежей
 На овладѣніе землей.

Ч. I. кн. I.

Безмолвенъ хищный обладапель,
 Какъ испуканъ, на чьихъ чершахъ
 Опчайнне, досаду, спрахъ
 И спыдъ изобразилъ ваяшель —
 Споишь весь въ пепелъ недвижимъ;
 Но шолько, скрежеща зубами,
 Глошаешъ въ злоспи горькой дымъ,
 Чшо замыслы его съ мечпами,
 Въ себѣ уносишь къ облакамъ
 И съ ними исчезаешъ шамъ.

Познай Москву, о сынъ крамолы!
 Въ ней крѣпоснь — грудь ея сыновъ,
 Законъ — къ Опечеспу любовь,
 Граждане — Курцій, Сцеволы.
 Въ ней палъ Моголь, погибъ Сармапъ,
 Въ ней пы, какъ иовая денница
 Спаль съ высопы, провидѣль адъ,
 И ошь погони какъ убійца,
 Ты ошь лица бѣжалъ Москвы,
 Чрезъ горы, дебри, попи, рвы.

Бѣжишь преслѣдуемъ Бореемъ,
 И щипъ и панцырь испребя,
 Различны виды на себя
 Приемля, кажешся Прощеемъ.
 То змиемъ вѣшся между горъ,
 То ланью черезъ скалы мчишся,
 Сапиромъ памъ вбѣгаешъ въ боръ,
 Тушь вихремъ по песку крушишся,
 Здѣсь блѣдной шѣвню межъ гробницъ
 Пугаешъ полунощныхъ пщизъ.

Бѣжишь, бѣжишь чрезъ поле Красно,
 Краснѣйше славой Росскихъ дѣлъ,
 На коемъ лервый возгремѣлъ
 Ошмщенья, казни громъ ужасной —
 Взляни на подчища, взгляни
 На мѣдяны пвои драконы!
 Псовъ алчныхъ снѣдію одни,
 Другіе сплавленны въ колонны,
 Чшобъ въ вѣки возвѣщаешъ вѣковъ
 Каковъ былъ Россъ, — и шы каковъ.

Какъ Тигръ внезапно уязвленный
 Хвостомъ себя по ребрамъ бьетъ
 И обрѣхавъ хребетъ грызетъ, —
 Жестокой болью разъяренный,
 Подъемаясь на дыбы рычитъ,
 Иль навзничь грянувшись шрепещетъ,
 Вдругъ въ бѣшенствѣ вскочивъ, бѣжитъ
 И кровь изъ устъ и пѣну мечетъ; —
 Такъ ты въ безпамятствѣ бѣжалъ
 Разбитый громомъ Рускимъ Галлѣ.

Опомнись и возчувствуй нынѣ
 Сколь суешень былъ подвигъ швой!
 Познай десницею ты какой
 Низложенъ въ прахъ, смиренъ въ гордынѣ!
 Познай кто повелѣлъ съ Небесъ
 Вънчанному Монарху славой,
 Чшобъ мечь онъ мщенія вознесъ,
 Чшобъ змѣй дванадесяти - главой
 Подъ нимъ всѣ вы поклонилъ
 И злобу АЛЕКСАНДРЪ казнилъ.

О ты! чье Царство — вся Вселенна,
 Кого наречь спрашуся я,
 Да не подвигнешся земля
 Опъ славы имени священна!
 Ты — съ чьихъ скапилось соянце рукъ,
 Ты — къмъ все движешся и дышешъ,
 Ты — къмъ ЕКАТЕРИНИНЪ внукъ
 И царствуешъ и правду пишешъ;
 Ты рекъ ему: „ Мужайся, спой,
 „Се узришь мѣръ, чшо я съ побой?

„Досель Россовъ невидимѣ
 „Щипошъ Я покрывалъ опъ бѣдъ
 „И вель къ побѣдамъ опъ побѣдъ
 „Ихъ воинство неуспрашимо;
 „За вѣру нынѣ ихъ хочу
 „Открышь мою имъ помощь въявѣ;
 „На брань природу ополчу,
 „Чшобъ ихъ содѣйствовала славъ;
 „Моя Вселенна! — повелю —
 „Спихи двинушся на прю.“

Онъ повелѣлъ — воспали вѣпры,
 Съ цѣпей мятели сорвались,
 Со свиспомъ вьюги поднялись,
 И мерзлые разверзнувъ нѣдры
 Изринулъ Нордъ чудовищъ злыхъ,
 Покрытыхъ льдомъ какъ чешуею;
 Хладъ смерпи, хладъ дыханья ихъ;
 На горьмь дунушь — кроюшь мглою,
 На рѣкиль окомъ поведушь —
 И быспры рѣки не текутъ.

Хрустяшь бутры подѣ ихъ спопами,
 Изъ успѣ клубишься паръ густой
 И въ воздухъ, какъ дымный слой,
 Ложишься ровень съ облаками.
 Бѣгущимъ кажешься, что ихъ
 Какой - то гонишь духъ всечасно
 Бичемъ изъ вервей ледяныхъ; —
 Но что за зрѣлище ужасно? —
 Они какъ испуканы въ рядъ
 Изъ льдовъ изсѣченны спояшь.

„Хвала тебѣ, о Богъ опмщенья!

Съ воспоргомъ АЛЕКСАНДРЪ въззваль, —

„На лукъ я свой не уповаль,

„Не чаяль ошъ меча спасенья;

„Мое оружіе, мой щипъ

„Противу злобы изувѣра,

„Ошъ коихъ онъ погранъ лежишъ, —

„Надежда на Тебя и вѣра;

„Ты славу мной явилъ свою —

„Твое — Тебѣ я опдаю.

Графъ Сергей Салтыковъ.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Изъ Деллиевой поэмы; L'Imagination,

НАЧАЛО IV ПЪСНИ.

Вольный переводъ.

Какъ знаетъ человекъ волшебное искусство
Природу украшать, въ нее влагая чувство!
Ахъ! безъ него былабъ Вселенная пуста,
Безъ жизни, безъ красы прелестныя мѣста.
Но онъ, въ груди нося боговъ небный пла-
мень,

Одушевляешь все — и самый хладный камень;
Веселіе въ цвѣтахъ и нѣжность въ мирсахъ
зришь;

Лунъ онъ придаетъ унынья томный видъ,
Въ кипящія моря гнѣвъ яростный вливаешь
И памяшь древнихъ дѣлъ на челахъ горъ
чишаешь;

Въ двухъ слившихся ручьяхъ, журчащихъ
межъ цвѣтовъ,

Онъ зришь согласіе и вѣрную любовь.

Безжизненный предметъ, но имъ одушевлен-
ной,

Сколь внятно говоришь душѣ воспламененной!

И кто не чувствовалъ незримой связи сей

Съ разумнымъ существомъ безчувственныхъ
вещей?

И самыя мѣста кого не восхищаютъ,

Съ кѣмъ грусти не дѣлашь, въ комъ сердце
не смущаютъ?

Онъ влекутъ къ себѣ и взоръ плѣняютъ мой

То нѣжной прелестью, то дикой красою.

Наскучивъ зрѣшь сіи роскошныя долины,

Лечу въ Норвегію, гдѣ мшистыхъ горъ вер-
шины

Громады снѣжныя возносятъ къ облакамъ;

Иль мыслью пренесусь къ суровымъ шѣмъ
спранамъ,

Гдѣ Енисей крупитъ свои шумящи воды,

Или гдѣ Гекла зришь всѣ ужасы природы:

Тамъ возвышается ущесовъ длинный рядъ,
Орель и черный вранъ надъ пропасъми ви-
сятъ,

Иль съ крикомъ носяпся надъ бездною мор-
скою,

Гдѣ бурная волна сражаеся съ волною;

И молніи лешяпъ на пламенныхъ крылахъ.

Бѣгу изъ сей сшраны, въ душѣ пипая сшрахъ,

Сшремлюся на поля Авзоніи священнои:

Вопъ бѣспрый Анію, древами осѣненной,

Съ жемчужной пѣною кипипъ между камней

И нивы злачныя поипъ волной своей,

На коихъ, мнипся мнѣ, порхаючи Зефиры

Разносяпъ шихой гласъ Гораціевой лиры!

Ошсѣль иду впередъ я медлѣнной сполой—

И зрю прелеспный Бай, шебя предъ собой,

Обишель роскоши, веселья и забавы!

Я зрю швоихъ бреговъ шѣниспныя дубравы,

Видъ коихъ мудреца къ ушѣхамъ пригласалъ,

Куда Проперцій входъ любезной запрещалъ,

Въ сихъ очарованныхъ мѣсшцахъ боясь измѣны.

Я зрю передъ собой упадшихъ зданій спѣны,

Порешіе правой ихъ гордые сполпы,
 Гдѣ Римлянъ шумныя спекались полпы
 Забышь несчастія подвласшнаго имъ свѣща
 И вдругъ явились мнѣ прошекши дивны лѣща,
 Возснали зданія, съ чела опрясши прахъ,
 И пѣсень громкій гласъ раздаеся въ сихъ
 спѣнахъ;

Черпоги древніе весельемъ озарились,
 Народы разныхъ странъ, какъ волны съеди-
 нились;

Запѣнилось вино въ сосудахъ золотыхъ;
 При кликахъ радости и пляскѣ дѣвъ младыхъ;
 Тамъ Консулы сидящъ въ блестящей багря-
 ницѣ;

Тамъ Цезарь, міра скиптръ держа въ своей
 десницѣ,

Улыбкой, взорами награды раздаетъ

Но что? . . . Куда меня мечпаніе влечетъ!

Почто мнѣ воскрешашъ сіи минувши годы? —

Я забываю ихъ—какъ скромный другъ природы;

Блуждаю взорами по зелени луговъ;

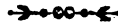
Любуюсь красошой цвѣшущихъ береговъ;

Зависятъ разныя предметовъ впечатлѣнья.
 Когда задумчивость и грусть въ душѣ моей, —
 Печальныя мѣста пріятнѣе для ней;
 Коль духъ мой озаренъ веселія лучами,
 Онъ восхищается прекрасными мѣстами;
 Но ошачченному несноснымъ итогомъ бѣдъ
 И среди райскихъ мѣстъ уже веселья нѣтъ!
 Все мрачно передъ нимъ: завѣсою ужасной
 Сокрыла ошь него печаль весь міръ прекрас-
 ной.

Напрасно онъ идетъ, чѣмъ успокоить духъ
 Въ свислый роци кровь, или на мягкій лугъ:
 Опчаянне спѣшитъ за нимъ въ сію дубраву
 И въ сердце льетъ ему смертельную оправу.
 Ахъ! для несчастнаго несносенъ счастья
 видъ!

Онъ съ мрачной зависью на все кругомъ
 глядитъ;

Здѣсь видитъ пастуха на муравѣ душистой
 Сидящаго въ пѣни подъ ивою вѣшвиспой;
 Подруга на него возводитъ нѣжный взглядъ
 И зори ихъ — объ ихъ блаженствѣ говорятъ.

Надъ ними дровеса сплешающа въ шбвьями;
 Тамъ спадо мирное пасеша межъ холмами;
 И ппички, припаясь подъ сводами лисповъ,
 Порхающъ и поющъ свободу и любовь.
 Спрадальца гореспи никшо не раздвляешъ,
 Все дышешъ счаспемъ, — а онъ его не знаешъ!
 Онъ возмущаешся, смощря на ппихй лбсь,
 На свбпмый ручеекъ, на чиспый сводъ небесъ,
 На пбвъ спруимую Зефиромъ по долинь;
 Онъ прочъ опшоль ббжипъ — скипашешся въ пу-

спынъ,

Гдб счаспливыхъ не зришь шворенй предъ собой,
 Гдб сходно все съ его душевною поской!

Тамъ взоръ его влекущъ надъ бездною скло-

ненны

Вершины черныхъ скаль, Перуномъ раздроб-

ленны,

Попоки мушные, ревуци межъ корней,

И дебри, солнечныхъ не зрбвшие лучей!

Съ опрадой смощришь онъ на дикя карпины:

Зришь ужасы вездб — и не клянешъ судьбины.

А. Крыловъ.

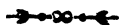
СТРАНСТВІЕ АМУРА.

Выперъ въ полъ зашумѣлъ
Пошемнѣло поле,
И полился ливня дождь,
Крупный дождь осенній.

Нѣшь на небѣ ни одной
Звѣздочки опрадной,
На землѣ сѣдой шуманъ
Зыблется какъ море.

Лѣсъ, качаяся, скрыпипъ,
Вихоръ въ лѣсѣ свищепъ
И, сверкая блескомъ глазъ,
Волкъ въ пошѣмкахъ рыщепъ!

На болошѣ огонѣкъ
Вспыхнешъ и погаснешъ —
То обманчивы лучи,
Что заводятъ къ безднамъ.

Какъ же бышь и гдѣ приспашь

Страннику въ ненастьѣ?

Онъ промокъ и весь дрожишь,

Крылья же — хошь выжми!...

Кпожь крылатый пушникъ сей,

Не Олимпдѣ жишель? —

Ахъ, шо бѣдный былъ Амуръ

На чужой споронкѣ.

Нѣшь знакомыхъ на землѣ,

До небесъ далеко:

„Семь пихонько побреду

„Все пушѣмъ дорогой!,, —

Такъ сказалъ себѣ божокъ

И пошоль горя....

Вдругъ блеснулъ изъ роши свѣшь?

И за рошу скрылся!...

Онъ впередъ — а свѣшь къ нему

Длинными лучами

И дрожишь злаяя зыбѣ

На кристальныхъ капляхъ.

—•••—

Овь 'еще впередь, — а шамь
 Пышный садь богатый:
 А за зеленю вдали
 Каменны палатны.

Мракъ опсѣль, — опшоль лучи,
 Сквозь стекло сіяюшь,
 И рисуюшь на дугу
 Рядъ златныхъ окошекъ.

Тупь мельканіе пѣней
 Въ палѣвыхъ опшѣнкахъ
 И при звукахъ, дружныхъ парь
 Быстрое круженъе.

Все дало Амуру знашь,
 Чшо въ черпогѣ пыщномъ,
 Сынъ веселья и забавъ —
 Пирь давалъ Вельможа.

„Кшожь и мнѣ шупь не велѣль
 „Опдохнушь въ раздолѣ? —
 Самъ себѣ сказалъ въ умѣ
 Пѣшеходъ усшалою

Шагъ на дворъ — и слугъ полны
 Въ оуепахъ на встрѣчу;
 Онъ пишкомъ межъ нихъ къ дверямъ,
 Но въ дверяхъ заспава!

Тамъ угрюмой трубянъ
 Весь, подъ позолошой:
 „Спой!„ Амуру закричалъ,
 „Что ты за бродяга!“

Я Амуръ и весь продрогъ
 Чуть не плачу съ горя:
 Дай скорѣе въ домъ знашь
 О моемъ приходѣ.

„Уходи докуда живь!„
 Быль ошвѣшь Амуру.
 „Въ цѣломъ домѣ здѣсь себѣ
 „Нѣтъ ни уголочка.

„Роскошь всѣмъ владѣешь пущь;
 „Съ ней причопъ ни малой!
 „Чесполобью опданы
 „Всѣ въ верху покои.

„Ревность съ подозрѣнемъ въ двухъ

„Помѣшились въ спальнѣ;

„А шоска гнѣздо свила

„Въ изголовьѣ ложа.

„Зависпѣ, знаешь самъ, у насъ

„Не въ последнемъ мѣсцѣ:

„А суешь, заботѣ, хлопотѣ,

„А спраспей, желаній!“

„Кшожь ны самъ спресишь Амуръ:

„Я кшо? — Равнодушье:

„Уходи, не по себѣ

„Здѣсь ощиплюшь крыльа!

Пригорюнился Амуръ

И пошелъ шоскуя,

Прочь съ богатого двора

Къ домику просшому:

Тамъ все тихо: ужъ давно

Милую подругу

Молодой супругъ обнявъ,

Сномъ уснулъ завиднымъ.

Объ отказъ шрепца

Подъ окно пихонько

Подошелъ Амурь: спукъ! — спукъ! —

И умильно просипъ:

„Люди добрые, меня

„На ночлегъ примите;

„Я Амурь! — Амурь! шакъ намъ

Не чужой по сердцу. —

Домъ нашъ — правда и не пуспъ;

Въ немъ живупъ издавна

Тупъ безпечность, шамъ покой;

Тупъ шруды съ забавой.

Но Амуру какъ не быпъ

Мвспа въ домъ нашемъ!

Для тебѣ ночлегъ у насъ

На супружномъ ложъ.

Такъ сказавши, пришлеца

Приняли какъ должно;

Приголубленный уснулъ

И проспаль до ушра. —

А проснувшись возопилъ;
Всѣхъ боговъ сзывая:
Дѣй услышь меня въ швоемъ
Золошомъ Олимпѣ! —

Преклонись ко мнѣ съ небесъ
Машерь Афродиша!
Я клянусь! —, услышите всѣ
Боги и богини!

Сшиксомъ грознымъ я клянусь:
(Небеса блѣднѣють,
Внемля спрашной кляпвѣ сей
И земля препенещь:)

Я клянусь, что опъ сего
Часа ни ногою
Ни въ злашой черпогъ вельможъ;
Ни въ роскошны дома.

Подъ смиреннымъ кровомъ вѣкъ
Будь мое жилище!
Гдѣ олшарь любви — въ сердцахъ:
Тамъ мой храмъ священный!,,

И съ пѣхъ поръ его ни гдѣ
 Не видашь въ черпогахъ;
 А изъ домиковъ просныхъ
 Часцо богъ сей смоприть. —

Вотъ тебѣ, прелестный другъ!
 Право былъ, не сказка:
 Разсудижь шеперь сама,
 Милая Алина! —

Для чего намъ щакъ желашъ
 Золошова дома,
 Если въ домъ золошомъ
 Мѣста нѣшь Амуру? —

Подъ угрюмою скадой
 Надъ веселой рѣчкой
 И въ сосѣдствѣ съ соловьемъ
 Домикъ мой укромной.

Все смѣется, все цвѣшетъ
 Въ околodкѣ нащемъ,
 Съ той поры какъ съ скукой грусть
 Убралися въ городъ.

Часто мѣсяць, тихо всплывъ,
 Надъ зеленымъ полемъ,
 Мнился, слушаетъ какъ пѣснь
 Филомелы льещя. . . .

И звѣнящій на зарѣ
 Жаворонка голосъ
 Изъ задальныхъ синихъ горъ
 Солнце вызываетъ.

Приходи, мой милой другъ!
 Все тебѣ сей часъ же:
 Рощу, домикъ, спадо, лугъ,
 А себя — въ придачу!

Все съ тобою пополамъ:
 Радость и упѣхи;
 А печали — зашаю
 У себя на сердце!

Приходижь! мой домъ хоть малъ,
 Но не будешь тѣсень,
 Для надежды для любви,
 Можешь быть — для счастья.

Ө. Глинка.

ВЫБОРЪ ФЛОРЫ.

Прилѣръ Экзаметровъ и Пентаметровъ Русскихъ.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕРДЕРУ.

Дій, въ началѣ, рѣшась устроишь сей міръ
веледѣпный,

Въ видахъ Эфирныхъ ему прежде пред-
сшашъ повелѣлъ.

Мириады сущесствъ, одно совершеннѣй другаго;
Вкупѣ явились на гласъ Дія, зиждителя.

Вдругъ

Все приходишь въ восторгъ: вѣчно юная цѣ-
жная Флора.

Въ сонмѣ эфирныхъ красотъ всѣхъ по-
мрачаешь собой.

„Зри! здѣсь боги, рекъ Дій; здѣсь Геніи:
есшлы желаешь,

„Флора! щы можешь избрать другомъ
изъ нихъ одного;

„Но спрашисъ ошибишься. Ошибки сей ввѣкъ
не поправишь,
Царки вѣщающъ, — и пакъ слѣдуйше волю
судебъ! „

Флора взираешъ на всѣхъ — и кто бы воз-
могъ по подумаешь?

Тутъ же пльняешся, — кѣмъ? легкимъ
Зефиромъ. Ни Вакхъ,
Ни легконогій Эрмій; ни даже самъ Фебъ
злаповласый,
Сердце къ себѣ преклонишь юной краси
не могли,

„Безразсудная! рекъ ей Дій, пвой поль и
въ эфирномъ

„Видѣ щеславенъ и слабъ, любишь за-
бавы однѣ,

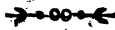
„Естьлибъ выбрала ты сего, (указуя на Феба):

„Ты и вмѣспѣ пвой поль былибъ без-
смертны., — Зефиръ

Обнялъ Флору — и вдругъ легкомысленной
болѣ не спало:

Пылью цвѣпочной она взорамъ явилась
боговъ.

Часъ шворенья насналь: родились простран-
 спво и время;
 Солнце зажглось въ небесахъ; нѣдра согрѣлись
 земли;
 Воды спѣснились въ брега, и поля покрылися
 лакомь;
 Съ сѣвера дунуль Борей, съ Юга повѣяль
 Зефиръ,
 Борятся — щещно. Зефиръ побѣжденъ, и
 уснуль, изнемогши;
 Но взоръ долу простря, щакъ воззваль его
 Дій.

„Юноща слабый воспрянь! легкомысленный!
 или забыль пы
 Преней спраспи своей нѣжно любимый
 предметъ,
 „Флору? предшавь мнѣ ея! „ онъ рекъ — и
 Зефиръ улѣтаешъ:
 Съ пылью цвѣточной попомъ вскорѣ яв-
 ляешся онъ.
 Пыль по лицу земли разсѣваешся. Фебъ пла-
 мѣнѣя
 Также какъ прежде спѣшитъ милую къ
 жизни возвапъ,

Б А С Н И.

1.

МАЛЬЧИКЪ и ГОЛУБОКЪ.

„Куда, мой голубокъ! куда ты улетаешь,
Меня въ печали покидаешь?”

Ахъ! выслушай, помедли хоть часокъ;

Скажи, за что такъ разсердился,

За что со мною раздружился,

Чѣмъ недоволенъ, мой дружокъ?

Пшеничкиль было мало?

Питьяль тебѣ не доспавало?

Или тебѣ я нелюбилъ?...

Неблагодарной!— все забылъ:

Мою къ тебѣ любовь, всѣ ласки, увѣренья

И нѣжны попеченья!....

Прощай—инь Богъ съ тобой!

Такъ мальчикъ голубка увѣщевашь спарался

И спараго дружка манишь изъ себѣ рукой.
Ужь шопъ распроголся, разгоревался,
Опъ ласковыхъ распаялъ словъ,
Ужь былъ лешѣпъ къ нему гошовъ,
Какъ мальчику пришла вдругъ мысль иная,
Чшобы поварища скорѣ заманишь, —
„Послушай: у меня и клѣпка золошая,
Какъ право весело въ ней жить! —
Тупъ голубокъ вспорхнулъ и, воздухъ разсѣкая,
Проворковалъ опвѣпъ шакой:
„Ахъ! можепъ ли свобода дорогая
„Съ шюрмой сравнишься золошой?„

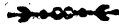
Ал. Дуропъ.

2.

МАРТЫШКА и СЛОНЪ.

Марпышка хитрая была ловка, умна,
 зашѣлива, проворна,
 Но только въ обществѣ звѣрей неугомонна
 Любила всякаго пересмѣхашь она;
 Опнюдь на привязи языкъ свой не держала:
 Ежа — всегда въ лице нескладнымъ называла,
 Кроша — безъ милоспи ругала,
 За прусость зайчику пѣняла,
 Она, перебраня всѣхъ маленькихъ звѣрковъ,
 За крупныхъ принялась скошовъ.
 И у звѣрей Зоиль пакъ почно поступаешь,
 Сперва большихъ не задѣваешь.
 Марпышка вздумала, что воля ей дана,
 Язвись и самага Слона;
 А Слоны, какъ знаютъ всѣ, не любятъ дерз-
 скихъ шупокъ,
 Терпѣль ужъ нѣсколько онъ сушокъ;

И наконецъ свой хоботъ распустилъ,
Мартышку подхвапиль
И ею любовался.

А послѣ приподнявъ злословку высоко,
Онъ съ хобота ее откинулъ далеко.
Надъ слабыми шупить и жалко и напрасно,
Надъ сильными опасно.

Графъ Д. Хвостовъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Искусный спрячій Хипролазъ
Такъ зналъ права и Уложенъе,
Что умирая, онъ еще спросилъ въ сомнѣнъѣ:
„Да гдѣжь на это естъ указъ?...
Л—о.

2.

Чу! *Бого!* изъ райка вдругъ шумъ распростра-
нился,
И Трагикъ — снова заспрѣлился.

3.

Крестьяне предъ изображеніемъ судьи.

Миронъ.

Вошь; почно какъ живой! Да, нѣтъ лихъ!
маха дали!
Не видно у Судьи перчашокъ на рукахъ.

Филатъ.

Эхъ, свашушка! да ихъ за шѣмъ не написали,
Что руки прачешъ онъ въ креспьянскихъ
кошелькахъ.

4.

„Вчера какой я вздоръ молоть!“ сказала
Дамонъ,
За чѣмъ назначилъ время онъ?

Р.—ръ.

РОМАНСЪ. *)

КЪ ДРУГУ.

Mein nicht ist vergewiss! — etc.

Тщешно плачешь другъ любезной;
Кажда радость жизни слезной,
Что намъ жребій здѣсь судиль,
Есть мечта воображенья.
Думай, что ты жилъ въ мученьи;
Позабудь, что счастливъ былъ.

Если въ жизни и бываетъ,
Что къ намъ радость прилепаетъ,
То ее любовь дарить;
Но она сама не вѣчна,
И вѣнокъ ея, конечно,
Рано сванувъ, облешишь.

*) При концѣ книжки приложены ноты.

Оросимъ юдоль слезами;
 Гдѣ пишаемся мечшами;
 Не ропщи на свой удѣлъ:
 Здѣсь, гдѣ къ скорби скорбь спремится,
 Гдѣ опрада не родилса,
 Здѣсь самой любви предѣлъ.

Краше всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ
 Милу дѣвушку во цвѣтѣ
 Назвалъ нѣкогда своей:
 Чшо же? все ошъ глазъ сокрылось,
 Сердце радостей лишилось,
 Мнѣ осталась скорбь безъ ней.

Не груспи: глупцамъ лишь можно,
 Счасье поперявъ ничпожно,
 Къ небу слезный взоръ спремись.
 Ты люби—надеждой льспися,
 Слезь не лей и не крушися!
 Сшанемъ, вѣкъ смѣяся, живь.

Спросишь ты: за чѣмъ веселья
 Премѣняюся въ мученья? —
 Знай безъ шѣни свѣта нѣшъ.
 Я и самъ подь часъ вздыхаю,
 Прошло счасье вспоминаю;
 Но швой другъ вѣдь слезъ не льпешъ!

Св. Нѣм. Н.

С М Ъ С Ъ.

Ж И З Н Ъ

Василья Петровича Петрова. *)

Знаменипые Писатели и художники подобны особеннымъ явленіямъ природы. Иногда въ продолженіи одной эпохи цѣлый рядъ сихъ Геніевъ освѣщаетъ горизонтъ Просвѣщенія; тогда природа, кажешся, испощая всю шворящую силу, разсыпаетъ щедро благошворныя дары свои; иногда напрошивъ многіе вѣки пропекающъ во мракъ, свѣшила сіи не озаряющъ человѣчество и машъ существъ, кажешся, отдыхаешъ послѣ усилий. — Благопріянные случаи, образованность нравовъ, попеченія Правительства, по-

*) При сей книжкѣ приложенъ портретъ его, гравированной на камнѣ.

кровишельство людей великихъ и похвальное соревнованіе мужей ученыхъ — вошъ причины, производящія Геніевъ.

Не каждое новое царствованіе Государей Россійскихъ ознаменовано было рожденіемъ знаменитыхъ писателей. Въкъ Петра, Елисаветы, Екатерины и *благословеннаго* АЛЕКСАНДРА, могушь только гордиться сею славою, — я говорю славою, ибо одни только ученые мужи передаюшь потомству славу своего вѣка.

Соперникъ Флакка и Марона Василий Пешровичъ Пешровъ (*) принадлежишь къ числу шѣхъ великихъ мужей, кошорыми ознаменовано было Царствованіе премудрой ЕКАТЕРИНЫ. Онъ родился въ 1736 году въ Москвѣ

(*) Родовое прозваніе его было Песпѣловъ; но дядя для различія прехъ Васильевъ Песпѣловыхъ, рожденныхъ ошъ разныхъ брашьевь, велѣлъ имъ прозывашься по именамъ ошцевъ: ошъ чего и произошла фамилія Пешровыхъ.

опть благочеспиваго Паспыря церкви.—
 Еще въ младенческихъ лѣтахъ судьба
 лишила его родителея; но она же награ-
 дила его попечительною машерью, къ
 копорой онъ вѣчно сохранялъ почшеніе
 и любовь испиннаго сына. Подъ бреме-
 немъ жестокой бѣдности возраспалъ
 юный пѣвецъ ЕКАТЕРИНЫ. — При шу-
 скломъ мерцаніи лампы, едва освѣщав-
 шей убогую хижину, онъ углублялся въ
 изученіи наукъ и какъ бы заранѣ бѣ-
 сѣдовалъ съ шѣмъ Геніемъ, копорый по-
 спепенно возносилъ его изъ среды лю-
 дей обыкновенныхъ. О естли бы въ
 сіи часы безмолвія, когда праздность и
 изобиліе покоились на ложѣ безопасности,
 истинный ревнишель Просвѣщенія при-
 шекъ бросилъ украдкою взоръ свой на
 юнаго Петрова, сидящаго за книгою, и
 на скорбную машь его, снискивающую
 пляжкою работою кусокъ насущнаго хлѣ-
 ба, копорая по нѣжному состраданію
 къ сыну, часто оставляя недокончанную
 работу, гасила свѣщильникъ и призыва-

ла изнуреннаго къ покою. Естли бы зналъ онъ, что подъ сею низкою кровлею сокрывается Геній, должнспвующій нѣкогда украситъ собою опечесвенное Слово, — какія бы чувства наполнили тогда его душу. Но кто изъ сыновъ счастья опшираетъ двери въ обитель бѣдности? —

Прошло нѣсколько времени и Петровъ лишился нѣжной родительницы, оставившей ему въ наслѣдство единое благословеніе, которое для него было драгоценнѣе всѣхъ сокровищъ міра. — Пощеря сія жестоко поразила юное осиротѣлое сердце его: въ бесѣдахъ съ родною сестрою своею онъ услаждалъ горестныя минушы, до тѣхъ поръ, пока не оставилъ опцовскаго дома и не переселился въ Законоспасскій Монастырь. Разлучась съ сестрою, онъ уступилъ ей убогое наслѣдство и одинъ шокмо вѣшій войлокъ повлекъ съ собою въ новую свою обитель. — Таковій примѣръ

братней любви показываешь доброму сердца.

Сохраняя свято наставленія родителей и помня всѣ ея попеченія, онъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ занимался науками. Успѣхи его, казалось, должны бы обратили на него вниманіе наставниковъ; но къ несчастію предразсудки и спранный образъ мыслей часно подавляють въ пиломцахъ зародыши дарованій. Смѣлосць и веселой нравъ юнаго Пешрова нашли себѣ прошивника въ главномъ его наставникѣ, кошорый за сии любезныя свойства юношесства со всею жестокосцію школьнаго деспота однажды наказалъ его немилосердно. Пешровъ на 17 мѣ году своего возраста, возмущенный сею несправедливосцію, тайно оставилъ монастырь и предпріялъ далекій, многотрудный путь въ Пешербургъ. Здѣсь нашель онъ приюсть у одного своего родспвенника, и здѣсь-по ревностно принялся за шворенія *Виргилія* и *Гомера*.

Едва достигъ слухъ до Пепрова, что мѣсто прежняго гонителя его замѣнено начальникомъ мудрымъ, умѣющимъ цѣнить и одобрять таланты, какъ онъ посѣшно возвратился въ Законоспаскій Монастырь къ самому времени испытанія пипомцевъ

Пепровъ былъ снова принятъ въ сіе училище. Быстрыя способности, неутомимое рвеніе обратили на него отличное вниманіе наставниковъ. Въ сочиненіи проповѣдей превзошелъ онъ всѣхъ сверстниковъ своихъ и изумилъ учителей. Торжество сіе обратило на юнаго оратора негодование со товарищей, между коими былъ и покойный Мишрополищъ Плахонъ. Школьная зависть, обыкновенная спутница великихъ дарованій, изыскивала всѣ средства помрачить возржадавшую славу Пепрова, выславляя шайное удаленіе его изъ Монастыря въ видѣ ужаснаго пресупленія, котораго ни талантами, ни успѣхами оправдать не возможно. Но къ счастью не всѣ люди про-

пивники дарованій, — Петровъ нашель надежнаго защишника въ новомъ Рекшо-рѣ, копорый, поощряя его, училь новы-ми успѣхами поржеспивовашь надъ со-перниками — и юный пишомецъ, быспро несясь къ благородной цѣли, приобрѣль наконецъ леспное для него пишло учи-шеля Поэзии и Ришорики.

Свободные часы ошъ сей новой обя-занноспи посвѣщаль онъ на усовершен-швованіе себя въ языкахъ Еврейскомъ, Греческомъ, Лашинскомъ и новѣйшихъ Европейскихъ. Кромъ всего курса наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, онъ зинимался съ особеннымъ рвеніемъ Медициною, подобно безмерпному Ломо-носову, копорый, паря воображеніемъ за предѣлами видимаго міра, спускался въ нѣдра горъ и, разлагая на часпи веще-сшва, вникаль въ шайнспвенный сосшавъ природы. Почшпая Славянскій языкъ сокровищемъ ошечесшвеннаго слова, Пе-тровъ сличаль Священную Библию съ подлинникомъ и съ переводами Грече-

скимъ и Лапинскимъ. — Упражнение сіе обогатило его новыми мыслями, оборотами и самыми словами, языкъ его приобрѣлъ опличительное свойство, силу и выразительность.

Въ храмѣ Законоспаскаго Монастыря, гдѣ по вѣхоспи его, богослуженіе въ давняго времени прекратилось, учитель пѣнія занимался обыкновенно съ своими учениками; шуда любители духовной музыки собирались слушать священныхъ канты. — Уединенное мѣсто сіе избралъ и юный вишій поприщемъ духовнаго краснорѣчія своего. — Проповѣди его, исполненныя познанія сердца человеческого, основательности мыслей, зрѣлаго разума, глубокихъ чувствъ, украшенныя цвѣтами истиннаго вишійства и произнесенныя громкимъ и пріятнымъ голосомъ, привлекали къ сановитому оратору многочисленныхъ слушателей. Сила шаковыхъ духовныхъ поученій превозмогла закорѣнелые предразсудки многихъ раскольниковъ и обратила ихъ на

спезю истинныя вѣры.—Любители священныя каншовъ сдѣлались любителями священныя поученій — и учительнїя, сей новый соперникъ, воспылалъ ненавистію и упощреблялъ всѣ способы избавишься ошъ краснорѣчиваго Пешрова; но Рипоръ воспоржесивовалъ: ему позволено было продолжашъ споль полезныя поученія и самъ Рекпоръ часшо бывалъ его восхищеннымъ слушателемъ. — Однажды, будучи плъненъ превосходною рѣчью Пешрова, онъ просилъ ее для разсмопрѣнїя; но Пешровъ опозвался, что духовныхъ поученій никогда не писалъ, имѣя шолько записки, въ коихъ крашко изложено одно содержаніе поученій. Тщешно любопытный Рекпоръ въ присущспвіи Архіерея пересмашривалъ въ домъ Пешрова всѣ бумага, и съ удивленіемъ убѣдилса въ справедливости его опшзыва.

Теперь оставляя поприще классическаго ученія и словопрѣнїя съ раскольниками, послѣдуемъ за Пешровымъ на

священные холмы Парнаса, куда музы и Великая ЕКАТЕРИНА показали ему знаменитый путь на 30 году его возраста. — Пѣвецъ ЕЛИЗАВЕТЫ имѣлъ перваго Мецената своего въ Шуваловѣ; а пѣвецъ ЕКАТЕРИНЫ въ Банпышъ-Каменскомъ. — Во время присущствія ИМПЕРАТРИЦЫ въ Москвѣ въ 1763 году между прочими увеселительными зрѣлищами была учреждена Карусель. Князь Репнинъ желалъ, чтобы увеселение сие было воспѣно дошстойнымъ образомъ. Банпышъ-Каменскій сообщил о семъ Пепрову. (*)

Поэтъ восхищенный великолѣпнымъ зрѣлищемъ, какова Карусель, излилъ восторгъ свой въ пламенныхъ черпахъ Позіи. — Князь Репнинъ представилъ оду сію ЕКАТЕРИНѢ Великой. Опличное благоволеніе МОНАРХИНИ, щедрая

*) Въ слѣдующихъ словахъ: „Что ты брашно все сидишь, а ни чего не высиживаешь? Напишишь ко списки на Карусель, Князь Репнинъ шебѣ за шо будешь благодаренъ.“

награда (*) и Высочайше изрѣченныя ею слова: *Я не забуду Петрова*, воспламенили его къ новымъ предпріятіямъ на поприщѣ Поэзіи. Князь Пошемкинъ, бывшій тогда Камергеромъ, случайно увидѣлъ сію Оду и пожелалъ лично узнать ея сочинителя. Онъ посѣтилъ жилище Поэта и просилъ его написать другую на случай составленія новаго Уложенія. Ода сія заслужила впорочное благоволеніе ИМПЕРАТРИЦЫ.

Князь Пошемкинъ, отдавая справедливостъ дарованіямъ Поэта и уважая душевныя его качества, почтилъ его своимъ дружесствомъ. — Каждый день посѣщалъ онъ жилище пѣвца Карусели и въ ученыхъ бесѣдахъ проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи. (**) Князь Репнинъ не менѣ

(*) Шпага и золотая шабакерка съ 200 червонныхъ.

(**) Мать Князя Григорья Александровича Пошемкина всегда пѣняла Пешрову, что онъ совсемъ завладѣлъ ея сыномъ.

уважалъ Пешрова и не менѣе любилъ наслаждаться его разсужденіями. — Прекрасныя черты покровительства, достойнаго подражанія и въ наше время! Великіе люди шворають людей великихъ. — Истинна сія оправдана всѣми вѣками и у всѣхъ народовъ; но къ несчастію челоуѣчества рѣдко встрѣчается она въ лѣтописяхъ міра. Сколько напрошивъ погибло Геніевъ опъ недоспашка покровительства, и что всего ужаснѣе — опъ предразсудковъ людей необразованныхъ. — Но обратимся къ Пешрову.

Сильная спрасъ къ пушешествію, посредствомъ котораго надѣялся онъ усовершенствоваться въ познаніяхъ, всегда занимала его душу. — При помощи нѣкоторыхъ почтенныхъ Московскихъ гражданъ *) онъ рѣшился исполнить свое желаніе и уже готовился къ отъѣз-

(*) Московскіе купцы, у коихъ онъ обучалъ дѣшей, предложили ему по тысячамъ рублей для совершенія пушешествія.

ду въ Пешербургъ, какъ Московскій Ми-
 прополишь объявилъ ему волю **МОНАР-**
ХИНИ, въ слѣдствіе коей онъ долженъ
 былъ отправишься къ **В ы с о ч а й ш е м у**
Двору. Благосклонный пріемъ, оказанный
 ему **ГОСУДАРЫНЕЮ** изображается
 въ нѣсколькихъ спрокахъ письма его объ
 опспавкѣ: „Я шопъ маленькой, поддан-
 „ной, котораго **МОНАРХИНЯ** за 30
 „лѣтъ предъ симъ взяла изъ убогой
 „жижины и посадила подлѣ себя; какъ
 „машерь, исправляя недоспашки моего
 „воспишанія, содѣлала меня удобнымъ къ
 „служенію **ЕЯ**.“ — Такъ изъясняется
 спихопворецъ о милоспяхъ **МОНАРХИ-**
НИ, которыя удоспоиля онъ пріобрѣспъ
 въ первый день своего представленія
 предъ Августѣйшимъ Трономъ *).

Онъ проводилъ по нѣскольку часовъ
 въ чшеніи **ИМПЕРАТРИЦЪ** лучшихъ

*) Тогда же пожалованъ онъ Типулярнымъ
 Совѣшникомъ и причисленъ къ Кабинету Пе-
 реводчикомъ.

писателей, и при семъ случаѣ, всегда изъ-
являлъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ стараніе свою
къ путешествію въ чужія края. Сначала
не угодно было МОНАРХИИ сіе жела-
ніе, но напослѣдокъ при отправленіи въ
1772 году Синова въ Англію, соблагово-
лила посласть и Петрова, опредѣля ему
доспашочное содержаніе. Здѣсь скоро обу-
чась Англинскому языку, онъ перевелъ
Поэму Мильтона: *Потерянный рай*. —
Здѣсь сочинилъ онъ многія шушливия и
поучительныя письма *) и снискалъ
дружбу ученыхъ Брипанцевъ, которые
тогда же сняли поршрешъ его. Изъ Анг-
ліи отправился онъ въ 1774 году съ Дю-
шессою Кингстонскою во Францію, от-
куда вскорѣ возвратился чрезъ Италію
и Германію въ Опечество, какъ гово-
рилъ онъ изъ дальнаго похода не раненъ
и не браненъ. **)

*) На припѣсненіе Турокъ за Дунаемъ, о пруд-
дахъ Спихошворцевъ и два къ Галакціону Ива-
новичу Силову.

**) По возвращеніи онъ былъ переименованъ

Спусти нѣсколько времени послѣ возвращенія Пепрова, **МОНАРХИНЯ** намѣрена была сдѣлать его своимъ докладчикомъ, но онъ опть сей милости уклонился вѣроятно для того, что бы не лишиться удовольствія приносимаго науками. — Въ сіе время въ угодность **ИМПЕРАТРИЦЫ** Пепровъ предпринялъ великій и знаменитый трудъ — перевести *Энеиду*. Каждая пѣснь сей Поэмы удостоена была особеннаго вниманія **ЕКАТЕРИНЫ**, которая благосклонно выслушивая переводъ, останавливалась на нѣкоторыхъ мѣстахъ онаго, казавшихся ей слабыми или неудовлетворительными, и сообщала мнѣніе свое объ исправленіи многихъ стиховъ и оборотовъ, мнѣніе дѣлавшее честь великимъ ея познаніямъ и тонкому вкусу. — Всѣ сочиненія сего Поэта доставляемыя къ ней въ рукописяхъ были удостоены ея замѣчаній. Она

въ Библиотекари при **ИМПЕРАТРИЦѢ** съ жалованьемъ 1200 руб. въ годъ.

исправила нѣкоторыя мѣста въ Одѣ на присоединеніе Польскихъ областей въ 1793 году и, приказавъ напечатать оную виѣспѣ съ посланіемъ Пепрова, сопровождающимъ сіе сочиненіе, отослала къ нему въ Москву нѣсколько экземпляровъ при милосливомъ письмѣ.

До путешествія и во время онаго Пепровъ чуждъ былъ всякой телесной немощи, такъ чпо въ Англии называли его *вывескою здоровья*. Природа, кажешся, щадила любимца своего. Никакія воздушныя перемѣны не имѣли на него вліянія и къ нему-то приспособить можно сіе изрѣченіе: *въ тѣлѣ здорово, здравая душа пребываетъ*; но сіе рѣдкое преимущество не было непремѣннымъ его удѣломъ. Болѣзнь внезапно поразила своего противоборника. Превосходные Медики, присланные къ нему **ИМПЕРАТРИЦЕЮ**, употребили всѣ средства къ его исцѣленію и ежедневно доносили Монархинѣ о состояніи больного; но при всѣхъ неусыпныхъ попеченіяхъ **ГОСУ-**

ДАРЫНИ и искусствѣ врачей болѣзнь его безпрестанно усиливалась. Однажды соспавлень былъ совѣщъ Медиковъ и одинъ изъ нихъ¹ объявилъ мнѣніе о невозможности изцѣленія Пешрова; приговоръ сей произнесъ на Лашинскомъ языкѣ, полагая, что оный неизвѣстенъ больному. Неоспорожностью сія во всякомъ другомъ случаѣ имѣла бы можеть быти вредныя послѣдствія; но здѣсь она, кажешся, послужила еще въ пользу: ибо едва услышавъ сіе спраждающій, какъ мгновенно бросилъ и врачей и врачество, и приказалъ веси себя, какъ всѣ полагали, умирашь въ Москву. — Здѣсь безъ всякаго лѣченія при одномъ воздержаніи Пешровъ совершенно выздоровѣлъ и чрезъ два мѣсяца возвратился въ Пешербургъ. — Послѣ сего случая онъ потерялъ всю довѣренность къ Медикамъ, и всегда соблюдая весьма строгій образъ жизни, никогда болѣе не упошреблялъ лѣкарствъ, копорыхъ вліянію приписывалъ онъ свое разслабленіе. — Такимъ образомъ, почув-

спшовавъ дополъ неизвѣспныя ему припадки болѣзни, онъ просилъ въ 1780 году увольненія изъ Пешербурга. ИМПЕРАТРИЦА, внявъ просьбѣ Пешрова, благоволила погда же исполнишь оную и повелѣла сосшояшь ему подъ непосредственнымъ ея покровишельспвомъ. (*)

Избавленный шягосщныхъ поклоновъ вельможамъ (говоришь Пешровъ), сдѣлавшись власпелиномъ поступковъ своихъ и времени—и будучи рѣдкимъ счаспливцемъ, зависившимъ въ жизни единспвенно опъ Бога и ЕКАТЕРИНЫ, онъ наслаждался злашою свободою, въ сельскомъ жилищѣ на берегахъ Черновы, **) гдѣ провелъ большую часпъ оспашка дней своихъ, воспѣвая Порфирородную Благошворишельницу свою, копорая не рѣдко оживошворяла его своимъ благово-

*) Увольненіе сіе получилъ онъ съ чиномъ Коллежскаго Совѣшника и съ оспавленіемъ при немъ жалованья.

**) Въ Орловской Губеріи.

леніемъ и изливала милоспи на Поэта, удалившагося отъ мира *).

Въ мирномъ убѣжищѣ семь поспигла его ужасная вѣсть, о кончинѣ Великой **ЕКАТКРИНЫ**, — вѣсть поразившая его ударомъ, отъ коего онъ нѣсколько минушъ былъ неподвижимъ.

Благодарность, сіе рѣдкое украшеніе человѣческаго сердца возносила Пешрова изъ среды многихъ людей, копорые, желая оправдать безчувстввенность свою, относяшъ все пріобрѣшенное ими отъ благошворителей — къ собственнымъ своимъ заслугамъ и достоинствамъ. Такой же ударъ случился съ нимъ при извѣстїи о смерти Князя Пошемкина, котораго онъ любилъ истинно, и долго оплакивалъ его пошерю. „Онъ-шо былъ „шопъ Орель, на плечахъ коего сидя, я

*) При пожалованїи ему чина Спацскаго Совѣшника, **ИМПЕРАТРИЦА** повелѣла напечатать въ Вѣдомостяхъ, что онъ находится при особо-порученныхъ отъ **ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА** дѣлахъ.

„пыль, не боясь вѣтровъ и бурь, не боясь молній и громовъ, будучи увѣренъ, что онъ меня не уронишь и онъ не уронилъ меня, но крѣпко берегъ.“ — Такъ писалъ Пешровъ о Князѣ Попемкинѣ.

Осваляя сельское уединеніе, Пешровъ ежегодно навѣщаль Москву, гдѣ проводилъ зимнія мѣсяцы въ бесѣдѣ съ друзьями, не забывая и мершвыхъ въ Библіопекѣ Зайконоспаскаго Монастыря. Спрасиль къ наукамъ не осваляла его и въ старости. Уже на боть году выучился онъ новому Греческому діалекту.

Въ семь крапкомъ начертаніи мы видѣли Пешрова, опличающагося въ ученый міръ, видѣли его приобрящающаго почтеніе современниковъ, милости ГОСУДАРЫНИ и благоволеніе Вельможей ея; теперь скажемъ нѣсколько словъ о домашней жизни и о свойствахъ его.

Будучи попечительнымъ опцемъ, онъ самъ занимался образованіемъ сыновей своихъ. Въ домашней жизни онъ наблю-

далъ спрососнѣ и попечительность, прощаль дѣшей своихъ за признаніе, увѣщеваль ихъ совѣтами и наставленіями, снисходилъ лѣности ихъ въ ученіи; но шалости вредныя нравственности — наказываль, называя лозу *расплотою*. — Онъ былъ веселъ и дружелюбенъ, проснѣ и опкровенъ въ обращеніи, умѣренъ въ образѣ жизни, не шерпѣлъ на перспниковъ Бахуса, жи и угрюмыхъ лицъ, о которыхъ вопъ какъ онъ оцѣывался;

„Сквозь знаки на лицѣ угрюмы

„Безплодныя я вижу думы.“

Во время бесѣды съ Геніемъ онъ углублялся въ предметъ свой до того, что ничего не примѣчалъ происходившаго предъ собою; въ такомъ положеніи дня при ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ. Дѣйствіе страсти изображалось тогда на лицѣ его; печальное содержаніе описываемаго имъ предмета испоргало изъ глазъ его слезы. Въ сіе время сонъ

его, который был всегда крошкѣ, дѣлался слабѣ. Пепровъ исполненный своего сочиненія не рѣдко посвящалъ цѣлительному успокоенію не болѣе одного часа и попомъ снова принимался за трудъ свой, шакъ что казалось, онъ сочинялъ и въ самомъ снѣ.

Опдохновеніемъ опъ ученыхъ занятій жерпвовалъ онъ сельскому хозяйству, въ усовершенствованіи котораго онъ во многомъ слѣдовалъ Англичанамъ; выписывалъ ихъ земледѣльческія орудія и нѣкоторыхъ изъ креспьянскихъ дѣшей обучилъ грамошъ.

Въ домѣ его сохраняемъ былъ единойды заведенный порядокъ — и ничшо до послѣдней минушы его жизни не нарушало онаго. *).

*) Въ послѣдній еще день жизни своей, когда для спокойствія его хошѣли опспуишь опъ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ въ домѣ учреждений, подозвавъ къ себѣ сына приказалъ, что бы все шло своею чередою, кошорою и его плошь умираешь.

Чувствуя приближеніе смерти, Пепровъ усердно исполнилъ долгъ истиннаго Хрисціанина; увѣщевалъ дѣшей хранишь любовь и согласіе и почиашъ добродѣтель.

Тихая кончина подобная мирной его жизни послѣдовада 4 Декабря 1799 года на 69 году его возраста.

Великаго Пѣвца могила сокрываетъ,
Но возвѣспишь о немъ краснорѣчивый прахъ.
Волшебный лиры, гласъ во вѣкъ не умолкаетъ
Потомства позднаго раздася онъ въ сердцахъ.

Можесть бышь граждане сооруженіемъ не великолѣпныхъ, но скромныхъ памяшниковъ, почтяшъ заслуги мужей ученыхъ, прославившихъ Опечесиво; шуда припекушъ юные пишомцы Музь бесѣдовашъ съ великими Геніями законодателей опечесивеннаго слова — и воскресяся ихъ славою, вознесуся къ высокой цѣли совершенства. *)

*) Спашья о жизни Пепрова почерпнуша изъ записокъ, доставленныхъ сыномъ его Г. Профессоромъ І. В. Пепровымъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е . *)

*Отъ Профессора Исторіи, Географіи и
Статистики Россійской Имперіи
при Харьковскомъ Университетѣ.*

Изъявляя благодарность почтеннѣйшей
Публикѣ за благосклонное принятіе
сочиненія моего еще недокончаннаго:
*Опытъ повѣствованія о Древностяхъ
Рускихъ*, съ тѣмъ вмѣстѣ имѣю честь
извѣстивъ, — что я намѣренъ оное со-
чиненіе напечатать вновь. Ибо прежняго
изданія экземпляры всѣ уже разкуплены;
а преобанія на оныя отъ любителей
своего Опечесства, особенно древностей
его, умножаются и служатъ для меня
дешнымъ одобреніемъ къ преднамѣре-
ваемому впорому изданію. При томъ же
теперь сочиненіе сіе выдетъ уже совер-

*) Доспавлено Г. Членомъ Корреспонденшомъ
Общесства Р. Т. Гонорскимъ изъ Харькова.

шенно конченными, исправленными и приумноженными весьма значительными. Воишь главнѣйшїя онаго сдѣланы: *Часть I. Оь обычаяхъ Россїянъ въ частной жизни. Вступленїе:* О происхожденїи Россїйскаго народа и его наименованїи. Глава I. О языкѣ, разныхъ нарѣчїяхъ, именахъ и прозванїяхъ Россїянъ. Гл. II. О художестввахъ, ремеслахъ и домоспроишельствѣ. Гл. III. О дорожныхъ экипажахъ, одеждѣ и обуви. Гл. IV. О ястввахъ, напишкахъ и пиршесвахъ. Гл. V. О забавахъ и увеселенїяхъ. Гл. VI. О бракахъ и супружесствѣ. Гл. VII. О родахъ и младенцахъ. Гл. VIII. О погребенїяхъ и бывшихъ при оныхъ обрядахъ. *Часть Вторая. Оь обычаяхъ Россїянъ въ гражданскомъ ихъ состоянїи и правительствѣ. Отдѣленїе I.* Глава I. О раздѣленїи Россїйскаго народа и о Государственнхъ чиновостоянїяхъ. Гл. II. О Царскомъ Дворѣ, коронованїи и Титулѣ Россїйскихъ Государей. Гл. III. О посольстввахъ и Государственномъ Гербѣ.

Гл. IV. О Царедворцахъ и знакахъ опличія. Гл. V. О начальствахъ, присущственныхъ мѣстахъ и гражданскихъ чинахъ. Гл. VI. О военномъ сословіи, вооруженіи и образѣ войны. Гл. VII. О военныхъ укрѣпленіяхъ, сословіи военно-плѣнныхъ и мѣстничествѣ. Всѣ вышеприведенныя списки во многомъ исправлены и прошивъ перваго изданія довольно приумножены. *Отдѣленіе II. Глава I. О языческомъ и Христіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ:* Гл. I. О законахъ и ихъ достоинствѣ. Гл. II. О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ. Глав. III. О возпианіи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части. Гл. IV. О Полиціи градской и земской и размежеваніи. Гл. V. О торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водяныхъ сообщеніяхъ. Гл. VI. О численіи и раздѣленіи времени, о монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. *Прибавленіе.* О бывшихъ прежде въ Малороссіи Присущственныхъ Мѣстахъ и чинахъ. Послѣ всего приобщена будетъ самая подроб-

ная азбучнымъ порядкомъ разположенная роспись достопамятныхъ лицъ и вещей. Имяна шѣхъ, кои благоволяшъ на сіе сочиненіе подписашся, будучъ въ концѣ книги припечатаны. Все сочиненіе составишъ гораздо болѣе пятидесяти печатныхъ листовъ мѣлкими буквами. Сочинишель рѣшаенся подпискою пригласишь любители Древности своего Ощещства къ пособію на изданіе шаковой книги: Цѣна изданію сему здѣсь безъ переплеса 8 р. съ пересылкою въ другіе города: въ бумажкѣ 9 р. а въ полуфранцузскомъ переплестѣ 10 руб. Цѣна, по оппечатаніи, на книгу сію возвысися. Печатаніе 1й часни уже началось и скоро кончися.

Съ подпискою желающіе благоволяшъ адресовашся въ городъ Харьковъ; *на имя Сочинителя, также къ Издателямъ Украинскаго Вѣстника и Издателю Харьковскихъ Извѣстій.*

Гавріиль Усленскій.

РОМАНСЪ

Andantino.

Музыка Г. де Гельда.

Голосъ.

Форте
Піано.

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is for the voice, starting with a treble clef, a key signature of two flats (B-flat and E-flat), and a 2/4 time signature. The music begins with a quarter rest, followed by a quarter note G4, a quarter note A4, and a quarter note B4. The piano accompaniment is written on two staves (treble and bass clefs). The right hand starts with a quarter note G4, a quarter note A4, and a quarter note B4, followed by a series of sixteenth notes. The left hand starts with a quarter note G3, a quarter note A3, and a quarter note B3, followed by a series of sixteenth notes. The word "dolce" is written above the vocal line. Dynamics markings "p" and "fp" are placed below the piano accompaniment.

The second system of the musical score consists of three staves. The top staff is for the voice, which is mostly silent. The piano accompaniment is written on two staves. The right hand features a series of sixteenth-note runs, while the left hand plays a steady accompaniment. Dynamics markings "fp" and "p" are placed below the piano accompaniment.

The third system of the musical score consists of three staves. The top staff is for the voice, which is mostly silent. The piano accompaniment is written on two staves. The right hand features a series of sixteenth-note runs, while the left hand plays a steady accompaniment. The word "Щетно" is written above the vocal line. A dynamic marking "f" is placed below the piano accompaniment.

The fourth system of the musical score consists of three staves. The top staff is for the voice, with the lyrics "плачешь, другъ лю-без-ной! каждая радость жиз-ни" written below it. The piano accompaniment is written on two staves. The right hand features a series of sixteenth-note runs, while the left hand plays a steady accompaniment. A dynamic marking "fp" is placed below the piano accompaniment.

сле-зной, что намъ жребій здѣсь судилъ — что намъ

жребій здѣсь судилъ. есь мечпа воо-браженья думай

что пыжилъ въ муче-ны, по-забудь что счастливъ

былъ позабудь что счастливъ былъ.

Da Capo

П Р О З А.

Д У Х Ъ

Россійскихъ Государей Рюрикова Дома.

(Окончаніе.)

Россійскіе Государи не любили вводить новыхъ законовъ для того, чтобъ не переменить нравовъ народныхъ. Они при законодательствѣ заботились о поддержаніи болѣе природныхъ, или коренныхъ постановленій, нежели частныхъ, зная, что землетрясенія, наводненія и другіе въ природѣ несчастные случаи не разрушаютъ общихъ законовъ. Въ Россіи не учредили, какъ во всей почти Европѣ, покоя Божія, который состоялъ въ томъ, чтобъ четыре дня въ недѣлю мстить своимъ личнымъ врагамъ, а въ

прочіе три дня очищашь свою совѣсть; не держались правила, что сполько же нужно продолжашь наслѣдственную вражду, какъ и дружество; не знали феодальной, или помѣщичьей войны, въ копорой долженствовали за одного вступашься всѣ родственники до седьмого колѣна и всѣ подчиненные за своего начальника, мстящаго своему лично врагу; рѣдко испытывали невинность шѣмь, чтобъ вынимашь кольцо изъ горячей воды, и во время Священнослуженія держашь руки вверхъ распроспершыя. Не прощали человѣкоубійць за то, что приносили они определенное число волчьихъ языковъ. Не наказывали смертію за убіеніе звѣря въ Царскомъ звѣринцѣ, что дѣлали въ Англіи, гдѣ между шѣмь за Цареубійство полагалась сполько пеня, двойная прошивъ убіенія чашнаго человѣка; Господинъ не имѣлъ власпи въ живощъ своего раба; не было шакихъ разбоевъ, какіе производились въ другихъ земляхъ изъ господ-

скихъ замковъ; Монашпыри не служили пресшупникамъ убѣжищами, неприкосновенными для правосудія.

О Россійскихъ законахъ самыя порицашели Россіи такъ опзываются: „Не „большое число Русскихъ законовъ, ихъ „просшота, ихъ шочность, наказанія о „предѣленные для каждаго рода пресшуп „пленій, предспавляющъ образъ законода „пельспва первобышнаго и первообразна „го въ шакомъ вѣкѣ, въ копоромъ про „свѣщенныя въ Европѣ Государспва не „имѣли шоль просшата, шоль яснаго и шоль ушвержденнаго положенія.“ *)

Въ Россіи первые законы были опъ шого основашельны, что они почерпну шы изъ свойспвѣ ея народа, а не заимспвованы опъ чужеземцевъ; при шомъ Русская Правда писана не Боярами и Дьяками, но сынами Ярослава Iго Изяславомъ и Всеволодомъ. Владиміръ Мономахъ дополнял ея по собспвенной

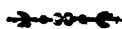
*) Леклеркъ. Рос. Исторія. Ч. I. стр. 358.

опытности. Судебникъ начертанъ въ такое время, когда Царь Іоаннъ Васильевичъ въ молодыхъ лѣтахъ дышалъ невинностію, чистосердечіемъ, челоѵколюбіемъ и безприсрасшіемъ ко всѣмъ состояніямъ; слѣдоваль внушеніямъ мудраго Митрополиа Макарія и Казанскаго Архіепископа Гурія Святаго, и Совѣтъ Бояръ и Спарѣйшинъ считалъ выше воли своей. — Сего же Царя граматы о доходахъ Архіерейскихъ, Успавъ паможенный и вексельный, граматы губнымъ спароспамъ или уголовнымъ Судьямъ, одолжены безприсраспному сужденію Спарцевъ, соопсвѣспвовавшихъ свободному и благорасположенному духу Царя-Героя, преславнаго завоеапеля обширнѣйшихъ Тапарскихъ Царспвъ.

Если будемъ о Россійскихъ Госуда-ряхъ судить не по одной только мудрости ихъ законоположеній, но и вообще по собспвенной ихъ образованности и на-родному просвѣщенію: то и сіе начерпа-

нѣе предсказавши намъ ихъ не только не въ худшемъ видѣ проиивъ современныхъ Вѣнценосцевъ, но еще превосходнѣйшими. Рѣчи, говоренныя ими на Соборахъ и сѣздахъ, предъ походами, предъ сраженіями, послѣ побѣдъ и привѣтствій Мишрополиновъ; ихъ разныя Граматы и завѣщанія, переписка съ оныиными Архіереями и монаспырскими Наспопашелями и бесѣды съ умными мужами, свидѣпельспвуюгъ собшвенную ихъ мудрость. Греческій Императоръ Конспанниѣ Багрѣнородный, ученѣйшій мужъ своего вѣка, послѣ бесѣды на Славянскомъ языкѣ съ Россійскою Великою Княгинею Ольгою, ходившею въ Царьградъ для принятія Святаго Крещенія, произносилъ: *Умудри мя Ольга своимъ словесы.* Владиміръ Великій не спѣдился своего ума въ состязаніяхъ съ разнонародными посланниками о вѣсѣхъ вѣрахъ и правленіи. Дочь Ярослава I. Анна, бывшая супруга Французскаго Короля Генриха I, почишалась и въ чу-

жомъ: Государспвъ Государынею мудрою. Великая Княжна Анна Всеволодовна, дочь писателя Русской Правды, своею умною бесѣдою доставляла удовольствіе ученымъ Мишрополишамъ родомъ изъ Грековъ. Владиміръ Мономахъ былъ украшеніемъ своего времени. Смоленскій Князь Романъ Роспиславичъ не кошѣлъ имѣнь въ своихъ владѣніяхъ неученыхъ Священниковъ. Ростовскій Князь Констанцинь Мудрый, будучи свѣдущъ въ языкахъ Греческомъ и Лапинокомъ; имѣлъ въ своей библіотекѣ однихъ Греческихъ книгъ до тысячи и сочинилъ Россійскую Испорію; но жаль, что она вскорѣ послѣ его кончины сгорѣла съ библіотекою. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій изложеніемъ правилъ Греко - Россійскія Церкви, въ опрѣшъ Папскимъ Легатамъ, которые склоняли его къ принятію Римскаго Исповѣданія, показалъ великую мудросшь. Два Царя Іоанна соспавляли какъ бы срединный опблескъ

Царствованія Свяшаго Владиміра и Петра Великаго. Борисъ Годуновъ за обученіе сына своего плащилъ одному ученѣйшему Англичанину 8000 рублей.

Когда многіе изъ Россійскихъ Государей были сами въ себѣ просвѣщены, но всякой можетъ думать, что они уже любили распространять просвѣщеніе въ своемъ Царствѣ. Сіе предположеніе оправдывается многими Историческими свидѣтельствами.

Свяшій Владиміръ ознаменовалъ начало народнаго Россійскаго просвѣщенія Граматою къ первому Россійскому Митрополиту Михаилу, которая могла бы собою доставить честь Государямъ даже просвѣщеннѣйшихъ вѣковъ. *)

*) Преосвященный Митрополитъ! Призывайте къ себѣ всѣхъ учителей грамотныхъ и наказывайте имъ правду и благочинные учения юныя дѣти, яко словесамъ книжнаго разума, также благонравію, правдѣ, любви и зачалу премудрости, спреху Божію, чистотѣ и смиренномудрію. Учиши же ихъ не

Въ слѣдствіе мудраго наказа его были въ разныхъ городахъ Россіи открыты при Церквахъ Училища, а преемники перваго Просвѣпителя Россіянъ умножили и распространили оныя. Ярославъ I. завелъ въ Новѣгородѣ библиотеку, Училище въ родѣ Кадепскаго Корпуса для 300 дѣшей Боярскихъ, Славянскую и Греческую школу для дѣшей Священническихъ и Спароспскихъ, Общество для преложенія Церковныхъ книгъ съ Греческаго языка на Славянскій. Великая Княжна Анна Всеволодовна учредила въ одномъ

просвію, ни гнѣвомъ, но радостновиднымъ спрахомъ, любезнымъ обхожденіемъ, сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ, да не унывають, ни ослабѣвають; прилѣжно и часно послушиваши и наказываши ихъ, предаваши комуждо урокъ ученія съ разсужденіемъ прошиву каждо силы и со ослабленіемъ; но лаче же всегда прилагаша имъ ученіе оупъ закона Господня на пользу души и шѣла, оупъ безумныхъ же и неподобныхъ словъ всячески ошяашия,

Видлюеики Россійской. Ч. I. стр. 70.

изъ Кіевскихъ монастырей Дѣвическое училище. Князь Смоленскій Романъ Россиславичъ въ своихъ училищахъ открылъ вышніе классы для языковъ Россійскаго, Греческаго и Лашинскаго, и всѣ свои избытки обращалъ въ жертву Церкви и Просвѣщенія. Въ Новгородѣ, со времени вступленія Его въ союзъ Ганзейскій, находилось Нѣмецкое Училище.

Заведеніе Училищъ, попеченіе о нихъ Архіереевъ и покровительство Государей, оказываемое просвѣщенію, имѣли желанный успѣхъ. Училиши Церковные въ бесѣдахъ и проповѣдяхъ своихъ поучали существеннымъ добродѣтелямъ безъ примѣси суесвятства. Паперикъ, или жипія Кіевскихъ Чудотворцевъ и Святыихъ Опцевъ и похвалы онымъ, писанныя Преподобнымъ Неспоромъ и Епископомъ Суздальскимъ Симономъ, знаменуютъ обширное свѣденіе въ Нравственной Философіи, въ Догматической Богословіи, въ Герменевикѣ или толкова-

ні Священнаго Писанія. Несторъ въ лѣтописцѣ своемъ обнаруживаетъ пылкое воображеніе, основательное сужденіе, точное изображеніе предметовъ, языкъ крапкій, плавный, высокій, Библейскій, предубѣжденія своего вѣка и монашескаго званія самыя легкія. Шлецеръ такъ оцозвался о немъ: „Сей Руссъ, въ сличеніи даже съ позднѣйшими Сѣверными Писателями, такъ превосходень, какъ разсудокъ, иногда только замѣвающійся, въ оравненіи съ безпреснанною глупосшію.“*)

Въ героической пѣсни на походъ Игоря Святославича Князя Новгородскаго, слогъ сильный и богатый, чувствованія высокаго героизма и изображенія предметовъ, соотвѣствующихъ природѣ, оправдываютъ существованіе Владимірова Барда Бояна, о которомъ Пѣвецъ Игоря

*) Несторъ Сличенный Шлецеромъ. Введенія стр. 22.

гласить: *Боянь вѣщій, аще кому хотяше лѣсъ творити, то растекается мыслью по древу, сѣрбымъ волкомъ по земли и сизбымъ орломъ подѣ облаки.*

Россія съ двенадцатаго вѣка имѣла уже собспвенныхъ искуспныхъ живописцевъ, зодчихъ и другихъ художниковъ и масперовъ. Огромныя каменныя церкви, позлащенные царскія двери, дски съ лицами Свяпыхъ, серебряныя и золошыя паникадилы, гробницы украшенныя кованымъ серебромъ, мраморныя полы въ черпogaхъ и палапахъ, узорчашой ошдѣлки золошыя и серебряныя мисы, чаши, блюда, кунганы, чары, кубки, брашины и другая споловая драгоценная ушварь, предспавляюща всякаго рода звѣрей и пшиць съ золошыми крыльями, знаменовали значительную спепень искусствъ въ Россіи.

Иноспранные Сѣверные Писатели свидѣпельспвуютъ, что Новгородскому дворцу Ярослава не было подобнаго на

всемъ Сѣверѣ, а Кіевъ есть великій соперникъ Царя-Града. *)

О если бы Ташары не господствовали въ Россіи два вѣка съ половиною, то благословенное Опечество наше давно бы предспавляло собою обновленную Грецію, а Москва была бы всеобщей Сполицею наукъ, художествъ и вкуса! И самое военное соспоянiе при Государяхъ Рюрикова Дома показывало ихъ образованность, искусство и знаніе правъ мира и войны. Великіе Князья до принятія Христіанской Вѣры, возходя на престоль, вмѣсто кляпвы лобызали мечъ. Дѣши ихъ съ юныхъ лѣтъ приспособлялись къ войнѣ; Священныя книги Царствъ и Маккавейскія научали ихъ быспро и искусно напасть на непріятеля, а знавшіе языки Греческій и Латинскій, изъ Ксенофонша, Поливія, Ливія, Курція и Плутарха напишывались бранноноснымъ духомъ. Со времянь Велика-

*) Bismark. Hist. Beg. Holmgardicorum.

го Князя Ярослава грядни составляли пѣлохранишельную спражу и дружину, гошовую всегда и всюду сопровождашь Государя.

При Царѣ Іоаннѣ Грозномъ одни стрѣлки составляли всегдашнее войско. Во всякое время военная сила раздѣлялась въ нашемъ Опечесствѣ на шесть полковъ, или опдѣлений. Россійскіе Государи полагали, что рѣшительный успѣхъ на войнѣ зависить болѣе опъ пѣхоцы, нежели конницы и стрѣлковъ, и не сполько опъ длины копій, сколько опъ коропкости мечей, вознаграждаемой быспрошою ногъ, проворствомъ рукъ и напоромъ швердой груди. Они знали, что Македонская фаланга и Римская пѣхоша овладѣли почти всѣмъ Свѣпомъ. Впрочемъ и все шо заводили въ Россійскомъ войскѣ, чѣмъ непріатель на войнѣ опличался. На моряхъ Черномъ и Балшійскомъ долгое время имѣли важную морскую силу. Противъ Польской конницы выславляли Хозарь, Печенѣговъ,

Половцевъ, Торковъ, Берендеевъ и наконецъ Козаковъ. Войны съ Поляками, Шведами и Греками не начинали безъ предварительныхъ сношеній; но другіе Государи не держались сего правила. Рѣдко случалось, чшобъ Россія сама вызывалась на войну. Въ рашныхъ ея Уставахъ было сказано: *тотъ недругъ славы, кто ведетъ неправедную войну.*

Самодержцы Россійскіе предъ объявленіемъ войны предлагали мнѣніе свое объ оной не только Священноначальникамъ, Боярамъ, Окольничимъ и Дворянамъ, но и приказнымъ, госпямъ и купцамъ. Сіе обыкновеніе наблюдалось даже до половины Царствованія Іоанна Грознаго. Они знали, чшо легче завоевать полсвѣта, нежели образовать совершенно даже малѣйшій народъ. О мудрости и добродѣтеляхъ Царскихъ думали, чшо гдѣ спрана цвѣшетъ и народъ ликуеть, шамъ Правители мудры и добродѣтельны; а о народѣ судили, чшо одни не-

счастливые бывающъ легковѣрны и жадны до переменъ и завоеваній.

Великіе Князья и Цари предъ походомъ говорили къ войску рѣчи и, надѣясь на правоту, часто оканчивали оныя такъ: *аще Богъ ло насъ, кто на ны?* или: *не въ силъ Богъ, но въ правдѣ.* Обычай и собственное мужество заспаляли ихъ лично предводительствовашъ войскомъ. Иоаннъ Грозный Мишрополишу и Боярамъ, когда они опсовѣщывали ему иппи самому подъ Казань, сказалъ: какъ же я могу изрещи: *Се азъ и дѣти мои, яже ми даль есть Богъ.*

Государи, остававшіеся въ Столицѣ, писали свои повелѣнія на имя старшаго Воеводы съ прибавленіемъ: *и всѣмъ Воеводамъ*; равно и главный Воевода въ донесеніяхъ своихъ прибавлялъ къ своему имени: *и всѣ Воеводы теломъ бьютъ.* Предъ самымъ сраженіемъ Государи и Воеводы говорили къ войску рѣчи не сколько для возбужденія мужества, сколько для оказанія оному чести, на-

зываютъ воиновъ друзьями и шоварищами, и часпо напоминали имъ: *Воинъ имѣй въ сердцѣ Бога, въ рукахъ оружіе, а непріятеля въ глазахъ.* Изъ рѣчей ихъ особенное заслуживаешь вниманіе гово- ренная Свяпославомъ І при вылазкѣ изъ Доросшеля. (Силиспрія). *) Государи, зная неперпѣніе и чрезвычайную храб- рость Россіянъ, любили всегда дѣйство- вать наступательно въ чужой землѣ, а въ нѣдрахъ своего Опечешва вели вой- ну съ внѣшнимъ непріятелемъ уже обо- ронительно и нерѣдко, для спасенія всей Россіи, жертвовали своими споліцами. На открытомъ полѣ сражаясь, не люби- ли воинскихъ хитроспей, кошорыя по-

*) О мужіе намъ некуда дѣваться. Болею и неволею должно уже намъ спашь прошивъ: да не посрамимъ земли Русскія. Всѣ ляжемъ коспами нашими рядомъ. Мершвые срама не имушь. Единый и вѣчный срамъ бѣжашь съ поля; спанемъ же крѣпко. Я самъ предъ ва- ми пойду. Когда же моя глава ляжешь, пог- да помышляйше уже о себѣ. (Неспор. Лѣшон.)

чипались ими принадлежноспію слабо-
 сильныхъ. Не пергѣли самоличныхъ пое-
 динковъ, зная, что воинскія достоин-
 ства Государей и Воеводъ состоятъ не
 въ силѣ и крѣпости тѣлесной, но въ му-
 жествѣ, прозорливости и искусствѣ у-
 правлять храброспію воиновъ. Рос-
 сійскій Ахиллесъ Свяпославъ Игоревъ,
 на вызовъ къ единоборству ошвѣ-
 чаль Греческому Императору Іоанну
 Цимисхію: *разныхъ дорогъ къ смерти
 огонь много, Царь Греческій можетъ
 изъ нихъ выбрать любую, буде ему
 жизнь накутила; а то мнѣ полезнѣе,
 я то самъ лучше знаю, нежели мой
 неприятель. *)*

Всѣ почти рѣшительныя сраженія
 оканчивались въ пользу Россіянъ. Пер-
 выя битвы съ Ташарами Калькская и
 Сипская были гибельны для Россіи
 единственно отъ несовокупнаго дѣйствія
 Князей. Мамаево побоище доказало, что

*) Никон. Лѣтописи Ч. I. стр. 52.

соединенная Россія можетъ и огромнѣйшей непріятельской силѣ пропировспашь и испребить ее.

Россійскіе Государи поступали съ плѣнниками несравненно челоѣколюбивѣе, нежели другіе Европейскіе Монархи. Если они и въ началѣ войны любили прекращашь оную мирными переговорами, какъ большею частію вызываемые на брань и какъ всшупающіеся за припѣсненную невинность: шо безъ сомнѣнія при счастливыхъ успѣхахъ искренно желали мира и заключали оный безъ дальнихъ выгодъ при врашахъ Конспаншинополя, Кракова, Вильны и древней Шведской столицы Сигпуны. Они спарались сохранишь шолько достояніе первыхъ седми Великихъ Князей, копорое проспиралось опть Кюмени и западнаго Буга до рѣкъ Серети и Кубани, и имѣшь учаспіе въ плаваніи по морямъ Черному и Балшійскому; но непріятели, вызывавшіе ихъ на войну неправедную, какъ бы сами приближались къ порабо-

щению. Греческіе Императоры долгое время плашили Россіи дань, и Шведскіе Короли присылали оную, но только подь видомь даровъ. — Поляки и Ливва нерѣдко плашили ей золопомь за нарушеніе ея спокойствія. Россія до нашеспвія Татарь при самыхъ междоусобіяхъ шоржеспвовала надь всѣми сосѣдами.

Когда же враги впоргались въ нѣдра Россіи, шо всѣ сосѣднія Державы радовались бѣдспвію Россіянъ, и ни кошорая изъ нихъ не только не подумала подашь имъ помощь и заплапншь за прежнія ихъ вспоможенія въ подобныхъ обспояшельсшвахъ, но еще всѣ спарались увеличншь ихъ бѣдспвія и обрѣзашъ владѣнія всегдашней ихъ защитницы. Такимъ образомъ были опшпоржены опъ Россіи: Малороссія, Бѣлоруссія, Лифляндія, Еспляндія, Ингерманландія и Корелія. Россійскимъ Государямъ оспавалось надѣяпсья на одного только Бога, на собственное благоразуміе и мужество своихъ подданныхъ.

Въ то время, когда два Царя Іоанна свергли иго съ Россіи на самихъ поработителей ея и освобожденный ими народъ воспрянулъ отъ своего униженія, вся почти Европа сослѣдила противъ нее заговоръ. — Ганзейскій Союзъ подъ смертною казнію запретилъ ввозить въ Россію все то, что служило къ образованію ея народа и усовершенствованію оружія. Шведы и Поляки изощали всякія средства, чѣмъ бы возставшую и утвердившуюся Россію низринуть въ прежнюю пропасть.

Французскіе Министры употребили всякія мѣры возводить на Польскій престолъ своихъ Принцевъ съ тѣмъ единственно, чѣмъ бы удобнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Внушали Полякамъ: „сколько возможно удерживайше за собою „Малороссію и старайшесть овладѣть самою Москвою, иначе вы погибнете, или „потеряете политическое самобытіе и „свободу.“ Твердили Шведамъ: „заботьшесть „не столько о прибрѣшеніяхъ въ Герма-

„ни, сколько о томъ, чтобъ удержашь
 „за собою Лифляндію, Еспляндію, Ингер-
 „манландію, Корелію, и не допускайше
 „Русскихъ до сообщенія съ Балпійскимъ
 „моремъ.“ Увѣряли Турковъ: „не бойшесь
 „Цесарцевъ, у васъ одни враги—Русскіе;
 „вамъ предлежитъ, или низвергнушь ихъ,
 „или самимъ погибнушь съ пошеркою
 „Крыма.“

Россійскіе Великіе Князья и Ца-
 ри не радовались, шакъ какъ другіе Го-
 еудари, бѣдспвіямъ сосѣдей, а считали
 ихъ войну пожаромъ подлѣ своего дома;
 не заготовляли для другихъ Державъ
 самозванцевъ; не подкрѣпляли чужезем-
 ныхъ мяшежниковъ; не шерпѣли измѣн-
 никовъ; не подкупали Миниспровъ; не
 выдумывали злоухищренныхъ правилъ на
 униженіе другихъ народовъ; не любили
 двусмысленности въ договорахъ; не при-
 сылали къ враждующимъ Государямъ по-
 носительныхъ грамагъ; при разрывѣ со-
 юза не оппускали въ чужія земли сво-
 ихъ произведеній, напишанныхъ ядомъ, и

не приказывали на границы раздружи-
 вшагося народа пригоняшь зараженныхъ
 псовъ; не хошѣли опшь собственныхъ Ца-
 редворцевъ слышашь худыхъ опшывовъ о
 другихъ Государяхъ; не сооружали въ
 воспоминаніе побѣдъ пакихъ памятни-
 ковъ, копорые бы могли увѣковѣчить
 вражду между соперничеспующими на-
 родами; не хошѣли знашь Агезилаевой
 системы: *гдѣ только есть польза,*
туть и истинная слава; ненавидѣли
 любимое другими Государями правило:
кто не знаетъ притворяться, тотъ
не умѣетъ царствовать; проклинали
 Махиавелеву полипику, чшобъ всѣ сред-
 ства счишашь священными, были бы
 шолько онѣ полезны.

Благодѣшельныя правила Россійскихъ
 Государей происходили опшь того, что
 у нихъ благочестіе и правота со-
 сшавляли право ешеспвенное, Цар-
 ское, народное, право войны и мира.
 Хишресшь почитали слѣдспвіемъ сла-
 баго ума и свойспвомъ Царей и на-

родовъ малосильныхъ и коловрапныхъ. Они видѣли, что по большей части только слабые звѣри ходящъ на добычу украдкою и по ночамъ; но левъ и слонъ, какъ прямые звѣриные цари, усремляюся опкрышо и нападающъ на соперниковъ, достойныхъ себя; а малыхъ звѣрей имѣющъ, какъ бы прислужниками. —

Совѣщъ Государей состоялъ изъ природныхъ Россійскихъ Боярь, единовѣрныхъ, умудравшихся по большей части Священнымъ Писаніемъ, не знавшихъ хитрой Италіанской полипики и Французской ушонченности, не расплившихъ себя чужеземными обычаями и почипавшихъ свое Опечесство блаженнѣйшею спраною. Іерархи проповѣдывали воевать не какъ искуснѣ, но какъ безгрѣшнѣ. Государи, дорожа чловѣчствомъ, желали лучше спасти сто чловѣкъ своихъ подданныхъ, нежели у непріяшеля погубить тысячу. Имъ совѣсно было обращать въ рабочее вре-

мя орашаевъ въ рашники. Они были довольны спариннымъ своимъ доспоянїемъ. Возходя на пресполь законнымъ образомъ, не искали случаевъ къ войнѣ, чѣшобъ народъ заняшь ею и обольсшишь своими побѣдами, къ чему обыкновенно прибѣгають одни похипшители пресполовь и Цареубійцы, чѣшобы прикрышь свои неомышныя злодѣянїя и малыя способности царсшвовашь и управляшь сердцами въ мирное время, когда виднѣе бывають доспоинсшва прямо Царскїя.

Свяшый Владиміръ, Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Благовѣрный Александръ Невскїй и Іоаннь Даниловичъ Московскїй, ублажаемые Церковїю и Ошечесшвомъ, служа во всешь для своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ примѣромъ, нечувсшвищельнымъ образомъ побуждали ихъ опличашься благочесшїемъ, правошою, мудросшїю, благосшїю и мужесшвомъ.

Опъ сего-шо въ особенносш произходило, чѣшо изъ пшшдешаши Великихъ

Князей и Царей, рѣдкій не заслуживаетъ бытъ въ кивошѣ благословляемыхъ Государей. Пошомснво и объ Іоаннѣ Грозномъ должно воспоминашь съ Великимъ почченіемъ, хошя иноспранные писашеди по примѣру Россійскаго лѣтописца Князя Курбскаго, убѣжавшаго отъ казни въ Польшу, представляющѣ онаго Царя въ ужасномъ видѣ; но онъ быль спрашенъ для однихъ припѣснителей народа, грозенъ для властолюбивыхъ Священноначальниковъ, ужасенъ для буйныхъ Новгородцевъ, испинный Ошець Ошечества и благодѣшель для спранъ покоренныхъ.

Самъ Пепръ Великій такъ ошзывался о семъ Самодержцѣ: *я въ весьма многомъ подражаю ему, но еще не въ востояннн сравниться съ нимъ. Одно только невѣжды, незнающіе обстоятельство времени, сего Государя называютъ тираномъ.*)*

*) Допол. къ Дѣніямъ Пешра Великаго.

Когда пріятно для насъ углубляясь въ духъ Государей предковъ нашихъ, которые мужествомъ своимъ дали Россіи исполинскій ходъ; при междуусобицяхъ удѣльныхъ Князей благоразуміемъ сохранили ее въ цѣлости; при владычествѣ Ташарь, своею твердосцію спасли Церковь отъ разрушенія, а Ошечествомъ совершеннаго водворенія иноплеменнаго владычества, по соединеніи же удѣльныхъ Княжествъ въ одну Державу, мудросцію и оружіемъ покорили подъ свою власть обширнѣйшія прежнихъ власти-пелей Царства: то сколь плѣнительно должно быть изображеніе преславно царствующаго Дома Романовыхъ!

Вѣнценосцы сего благословеннаго поколѣнія; доспойно превозносимаго пятидесяцію племенами, подвинули Россію впередъ нѣсколькими вѣками и не только посшавили ее на ряду съ давно-превозносящимися Державами; но еще содѣлали мирошворною избавительницею Европы. Къ Россіи весьма прилично воз-

звашь: поревнують тебѣ язвы и ни-
 тоже возмутъ; а къ Самодержцамъ
 ея воскликнушь сими Священными сло-
 вами: *милость и истина срѣтостася,
 правда и миръ облобызастася.* *)

Я. Орловъ.

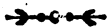
*) Сія спашья естъ сокращеніе рукописнаго
 Сочиненія Дѣйствительнаго Члена Общества
 Я. Орлова подъ названіемъ: „*Духъ Государей
 Рюрикова Дома, Россійскаго Народа и Европей-
 скихъ Государствъ.*“

СТРАНСТВОВАНИЕ ГУМБОЛЬДТА

ПО СТЕПЯМЪ И ПУСТЫНЯМЪ НОВАГО СВѢТА.

(Продолженіе.)

Осѣвѣдимъ Азійскія соляныя степи, безплодныя Европейскія страны, украшающіяся въ лѣтнее время разнообразными цвѣтами, и Африканскія обнаженныя пустыни, и возвратимся на равнины Южной Америки, коихъ зрѣлища я началъ изображать дикими чертами.

Удовольствіе, которое наблюдатель чувствуетъ при семъ созерцаніи, есть чистѣйшее удовольствіе, самою природою дарованное. Ни одинъ оазъ не напоминаетъ здѣсь о преждебывшихъ обитателяхъ, ни одинъ песчаный камень, ни одно

одичавшее плодовитое древо, свидѣтельствующее пруды и раченія погибшихъ поколѣній, не вспрѣчается любопышному взору. Сей уголокъ земли какъ бы чуждый въ судьбинахъ людей и существующій шокмо для насъ настоящаго времени, являешь дикое зрѣлище свободной жизни живошныхъ и прозябаемыхъ.

Опъ прибрежной Караккаской цѣпи до Гванскихъ лѣсовъ, и опъ горъ Мерида, на коихъ кипящіе сѣрные ключи выспунаюшъ изъ подъ вѣчныхъ снѣговъ, до великой Дельшы, образуемой успьями рѣки Ориноко, спешъ сія просшираешся подобно морскому рукаву. Она идешъ на Югозападъ, по шу спорону береговъ Мешы и Вихады, до неизслѣдованныхъ еще Гавіарскихъ источниковъ, или до уединеннаго хребта горъ, копорый Испанскими воиншвенными народами, въ игрѣ пылкой ихъ мечшашельности, наименованъ *блаженнымъ жилищемъ вѣчнаго мира* (Paraiso de la summa paz.)

Спешъ сія занимаешъ пространство

на 14.000 квадратныхъ миль. Опъ незнанія мѣстоположенія сей земли нерѣдко изображали ее непрерывно проспирающеюся до Магелланскаго пролива, не упоминая о томъ горномъ хребтѣ, отъ котораго идетъ на Воспокъ цѣпь Андоевъ и копорый на Сѣверѣ и Югѣ опдѣляетъ лѣсиспую равнину рѣки Амазонской опъ изобилующихъ правою степей Апуры и Лаплашы. Последнія степи, называемыя Помпасъ - де - Буэносъ - Айресъ, почти въ шрое обширнѣе первой (Льяносовъ). На Сѣверѣ ограничиваюшся они пальмовыми кустарниками, а на Югѣ вѣчными льдами.—Туйу, похожій на Казуара, водится въ семь Помпасъ, равно какъ и одичавшіе псы, живущіе спадями въ подземныхъ пещерахъ и часпо съ люшпсію нападающіе на челоуѣка, за безопасность коего предки ихъ сражались.

Подобно пустынь Заары, лежатъ Льяносы или Сѣверная равнина въ жаркомъ поясѣ Южной Америки. Но въ каждой половинѣ года они перемѣняющъ

видъ свой: по являюся опустошенными, какъ Ливійское песчаное море; но уподобляюся зеленымъ лугамъ возвышенной степи средней Азіи.

Сравнивая естественное свойство отдаленныхъ странъ земныхъ между собою, и представляя въ краткихъ чертахъ всѣ слѣдствія, изъ сравненія сего извлекаемая, есть полезное, но прудное занятіе въ общемъ землеописаніи. Многообразныя, а частію еще мало изъясненныя причины, уменьшаютъ засуху и шеплошу въ новой части свѣта.

Узкое положеніе швердой земли, въ безчисленныхъ изгибахъ проспирающей; великое ея пропяженіе къ Ледовитому полюсу; отккрытый океанъ, подъ коимъ непрерывно вѣяютъ Тропическіе вѣтры; плоскость Воспочныхъ береговъ; быстрое печеніе холодныхъ морскихъ водъ, спремящихся на Сѣверъ отъ Огненной земли до Перу; многочисленность богатыхъ источниками горныхъ хребтовъ, коихъ снѣгомъ покрываются верши-

ны возвышающія надъ облачною спраною; множество величайшихъ рѣкъ, безчисленными излучинами въ оидаленнѣйшія спраны пропекающихъ; непесчанья, а пошому менѣе знойныя степи, непроницаемыя лѣса, покрывающіе богатую рѣками близъ Экватора и во внутренности спраны лежащую равнину, гдѣ горы и океанъ находящія въ оидаленности, испаряютьъ величайшія массы часпю поглощаемой и часпю возраждаемой воды. — Все сіе производитъ въ низменныхъ часпяхъ Америки климатъ, влажностію и прохладою своею весьма прошивоположной Африканскому. Сіи-шо сущь единственныя причины шoliko роскошныхъ прозябеній, составляющихъ опличительное свойство маперой земли Новаго свѣша.

Если говорятъ, что на одной споронѣ нашей планеты воздухъ влажнѣе, нежели на другой; шо созерцаніе настоящаго положенія вещей, довольно достапочно къ разрѣшенію мнѣнія о шаковомъ

несходствѣ. Естество - испытатель не имѣеть нужды облакать изъясненіе паковыхъ явленій природы въ покровъ Геологическихъ баснословныхъ догадокъ, и предполагашь, что на древнемъ земномъ шарѣ не въ одно время окончилось гибельное бореніе стихій, или что Америка, сей болонный, зміями и крокодилами обишаемый оспровъ, вышпунила изъ водныхъ нѣдръ послѣ другихъ спранъ свѣша.

Нѣтъ сомнѣнія, что Южная Америка имѣеть по виду, очершанію и направлению береговъ своихъ великое сходство съ Юго-западнымъ полуостровомъ древняго маперика; но внутреннее качество почвы и относительное положеніе къ сосѣдственнымъ спранамъ производящъ въ Африкѣ удивительную засуху, кошорая на неизмѣримыхъ пространствахъ препящспвуетъ развишію органической жизни. Чешыре пашыхъ доли Южной Америки лежатъ по шу спорону Экватора; слѣдовательно Южная поло-

вина земнаго шара, по множеству воды и другимъ разнообразнымъ причинамъ, холоднѣе и влажнѣе Сѣверной, и къ сей по послѣдней принадлежишь значительная часть Африки.

Южная Американская степь (Льд-носы) имѣеть просяженіе отъ Востока къ Западу почти въ шрое менѣ Африканскихъ пусынь. Первая бываетъ прохлаждаема Тропическимъ морскимъ вѣтромъ; а послѣдняя, лежащая подъ одною широкою съ Аравією и Южною Персією, подвергается вихрямъ, проходящимъ обширныя и жаркія пространства матерой земли. Древній историкъ и великій созерцатель природы Иродотъ, коего достоинствамъ не ошдавали долгое время должной справедливости, предсѣавилъ всѣ пусыни Сѣверной Африки, Гемана, Кермана и Мекарана (Гедрози Грековъ), даже до Муллана въ Верхней Индіи, въ видѣ одного непрерывно идущаго песчаного моря.

Въ Африкѣ къ дѣйствію знойныхъ

вѣтровъ присовокупляешся, сколько намъ извѣстно, недоспашокъ въ большихъ рѣкахъ, озерахъ и высокихъ горахъ. Вѣчные льды покрываютъ шокмо западную часть Апласа, коего узкій горный хребтъ, смотря со стороны, казался древнимъ прибрежнымъ мореходцамъ уединенно-спящею воздушною подпорою небесъ. Сей горный кряжъ идетъ на Восшокъ до Дукала, гдѣ лежалъ шокмъ гордый повелишель морей Карфагенъ, коего даже и развалины нынѣ исчезли. Подобно далеко проспирающейся прибрежной цѣпи или Гепульской преграды, осшанавливаетъ онъ хладные Сѣверные вѣтры, а съ ними и пары изъ средиземнаго моря исходящіе. Лунныя горы ал Комгі, вѣроятно возвышающія шакже надъ нижнимъ слоемъ снѣговъ и образуютъ, какъ повѣшвуется, паралельную цѣпь горъ между Африканскимъ Квишо, возвышенными Габешскими равнинами и пошоками Сенегала. Самые Кордиліерскія горы Лупапа, идущія вдоль по воспоч-

нымъ берегамъ Мозамбикскимъ, подобно хребту Андовъ, на западныхъ Перуанскихъ берегахъ проспирающемуся, покрыты вѣчными льдами. Но сіи водами изобилующіе горные кряжи лежатъ весьма далеко отъ величайшей пустыни, которая, начинаясь отъ Южной пологости Апласа, достигаетъ Нигра на Воспокъ спремещагося.

Вѣроятно, что всѣ сіи изчисленные причины засухи и зноя, не могли бы превратить Африканскія равнины въ ужасное пѣсчаное море, если бы не было въ природѣ великаго переворота, когда вшоргнувшійся океанъ испребилъ въ сей странѣ плодородную почву и растѣнія. Но когда произошло такое явленіе и какая сила дѣйствовала при семъ изверженіи — сіе погребено во мракѣ первобытныхъ временъ. Можетъ быть оно было слѣдствиемъ великаго водоворота, который влечетъ теплыя воды Мексиканскаго залива чрезъ опмѣль отъ новой Фундландіи до древняго материка,

и приносятъ къ Ирландскимъ и Норвежскимъ берегамъ кокосы Анпильскихъ острововъ. Еще и нынѣ рукавъ сего морскаго попока направляетъ свое теченіе отъ Азорскихъ острововъ на Юго-Востокъ, и ударяетъ съ ужасною силою о Западные берега Сѣверной Африки. Такъ же доказываютъ всѣ приморскіе берега, (я привожу здѣсь въ примѣръ Перуанскіе, между Амопале и Комвимбо), что потребны цѣлыя сполѣнія на то, дабы въ жаркихъ безводныхъ странахъ движущійся песокъ покрылся какими либо растѣніями.

Таковыя созерцанія могутъ служить къ поясненію, почему, не взирая на наружное сходство положенія Африки и Южной Америки, страны сіи являютъ великую противоположность въ климатѣ и различное свойство прозябаемыхъ. Хотя степь Южной Америки покрываема весьма тонкимъ слоемъ плодоснѣйшей земли, орошается періодическими дождями и украшается роскошнѣй-

шимъ лакомъ; однако народныя племена, на границахъ ея живущія, не обольстились ею и не оспавили прекрасныхъ горныхъ долинъ Караккасскихъ, или приморскаго берега, или величайшей рѣки Ориноко, дабы блуждать въ сей безлѣсной и источниковъ лишенной пустынѣ. Прибывшіе сюда Европейскіе и Африканскіе поселенцы нашли ее почти безлюдною.

Хотя Ляносы и способны для скотоводства, однако хожденіе за млекопитающими животными было совершенно неизвѣстно первоначальнымъ обитателямъ Новаго свѣта. Никакое народное племя не знало употреблять въ пользу шѣхъ выгоды, какія природа и въ семъ отношеніи ему даровала. Два рода воловъ пасутся на зеленыхъ лугахъ Западной Канады и около колоссальныхъ развалинъ Ацтекскаго замка—сей Американской Пальмиры, уединенно въ пустынѣ на берегу рѣки Гилы возвышающейся. Длиннорогая кабарга, коренной родъ овецъ,

блуждають по швердымъ и обнаженнымъ известковымъ скаламъ Калифорніи. Верблюдообразныя вигони, алпаки и ламы свойственны шокмо Южному полуострову. Но всѣ сіи полезныя живошныя, исключая ламы, въ шеченіи нѣсколькихъ столѣтій сохранили свою природную свободу; ибо употребленіе молока и сыра, равно какъ обладаніе и обрабошываніе различныхъ родовъ мучнистыхъ распѣній, составляють опличительную черту народовъ, въ древней части міра обитающихъ.

Если нѣкоторыя изъ сихъ народовъ перешли чрезъ Сѣверную Азію на западный берегъ Америки и, не любя холода, продолжали путь свой на Югъ чрезъ высокій хребетъ Андовъ; то шакое спраншвованіе должно было происходишь по дорогамъ, по коимъ ни спада, ни нивяныя распѣнія (Cerealien) не могли сопущшвовашь новымъ пришельцамъ. Можешь бышь поколѣніе народа *Гіонену*, которое, какъ повѣспвуютъ Кишайскія

лѣпописи, подѣ предводительствомъ своего военачальника Пунона, изчезло въ Сѣверной странѣ Сибири, перешло въ Америку и явилось въ Мексикѣ подѣ названіемъ Тулшекъ или Ацшекъ, подобно другимъ племенамъ, поселившимся въ Панноніи подѣ именемъ Гунновъ, въ Корей подѣ названіемъ новыхъ Японцевъ. — Таковое смѣлое предположеніе, которое до сего времени, по неудовлѣшворительному сравненію языковъ, оспалось неизслѣдованнымъ, могло бы по крайней мѣрѣ изъяснить, отъ чего въ Новомъ свѣтѣ производишь сей удивительный недоспашокъ въ нивяныхъ расшѣніяхъ; ибо даже и обитатели Азіатскихъ степей не были земледѣльцами.

Если пастушеская жизнь, сіе благошворительное средство, привязывающее кочующихъ звѣроловцевъ къ богатой произрашѣніями землѣ и приугошворяющей ихъ въ то же время къ земледѣлю, не было извѣстно кореннымъ народамъ Америки; по сіе самое невѣденіе

и соспавляло причину безлюдности Южно-Американскихъ степей, гдѣ шѣмъ свободнѣе развились силы естественнаго во много различныхъ породахъ живописныхъ. Будучи свободны, онѣ ограничивающася сами собою, какъ распѣнія въ Оринокскихъ лѣсахъ, гдѣ аминна и величественное лавровое дерево, спрашивая не опусшощительной руки челоуѣка, но сильнаго спѣсненія прозябаемыхъ. Агуши, маленькіе песпрые олени, лапами покрышые армадиллы, кошорые, подобно мышамъ, пугающъ зайца въ подземномъ его жилищѣ, стада лѣнивыхъ гигировъ, полосашыя, воздухъ заражающія виверры, большой безгривый левъ, Бразильскіе шигры и многіе другіе звѣри блуждающъ по безлѣсной равнинѣ, кошорая ими полько можетъ бышь обитаема, и не привязывала бы къ себѣ по сей причинѣ ни одного изъ кочующихъ народовъ, ежели бы не росла по ней мѣспами вѣрообразная пальма (*Mauritia Flexuosa*). Благопшорительныя свойшва се-

го жизненнаго дерева почти всѣмъ уже извѣсны. Оно одно пираетъ при успѣхъ рѣки Ориноко независимое племя Гварауновъ, копорые между пнями деревъ искусно расплывающъ койки изъ листовенныхъ жилокъ сей пальмы сопканныя, дабы въ дождливую пору, во время наводненія Дельпа, жить на деревьяхъ подобно обезьянамъ. Си качающіяся жижины покрывающя по мѣстамъ глиною; на сырѣмъ же ихъ основаніи женщины разводящъ огонь для домашнихъ потребностей. Плывущій по рѣкѣ мимо пѣхъ мѣстцъ видитъ въ ночное время огни, высоко пылающіе въ воздухѣ. Гварауны обязаны сохраненіемъ своей физической, а можетъ быть даже и нравственной независимости, болотной и рыхлой землѣ, по копорой бѣгающъ они съ большею легкостію, и пребыванію своему на деревьяхъ—сему воздушному жилищу, куда набожное изсупленіе никогда не направитъ шопъ Американскаго Сполбника.

Пальма сія доставляетъ имъ не только надежное жилище; но и служишь также къ приуготовленію различныхъ яствъ. Прежде нежели мужеская пальма начнетъ цвѣсти, по естѣ въ время превращенія прозябаемыхъ, сердцевина дерева содержишь въ себѣ муку, похожую на саго. Скусившійся сокъ сего дерева естѣ сладкое, крѣпкое вино Гварауновъ. Свѣжѣ въ скорлупѣ плоды, уподобляющіеся красноватымъ еловымъ шишкамъ, служатъ разнообразною пищею, подобно какъ пизангъ и всѣ почти плоды снранъ подѣ Тропикомъ лежащихъ. Такъ на низшей степени челоѣческаго образованія (подобно насѣкомому на одной части цвѣшка ограниченному) находимъ мы народное племя, вѣчноприкованное къ одному дереву.

Съ открытія Новаго свѣта равнина содѣлалась обитаемою. Для удобнаго сообщенія берега и Гваяны построены мѣстами города при степныхъ рѣкахъ. Въ опшдаденіи же опшь оныхъ пасушся сна-

да на неизмѣримомъ пространствѣ. Въ разстояніи на нѣсколько дней пупи лежатъ уединенно изъ ремней сплетенныя и звѣриными кожами покрышыя хижины, между коими блуждаютъ безчисленные стада одичавшихъ быковъ, лошадей и муловъ. Чрезвычайное размноженіе животныхъ древняго свѣта доспойно особеннаго примѣчанія въ сей странѣ, — гдѣ должны онѣ бороться съ многоразличными опасностями.

Когда подъ вертикально-успрямленными лучами непомрачаемаго шучами солнца переуглившаяся права разпадается въ прахъ, тогда зашвердѣлая земля даетъ широкія шрецины, какъ будто отъ сильныхъ ударовъ землетрясенія. — Если въ сіе время коснутся до нее дующіе съ другой стороны вѣтры, отъ сопрошвденія коихъ разпространится круговое движеніе; но степь сія являетъ удивительное зрѣлище. Песокъ воронко-образными облаками, коихъ узкій конецъ носится по землѣ, подымается

въ видѣ дыма сквозь разряженную и можешь быть электрическо - заряженную средину вихря и походишь на шумящія водные столпы, коихъ обьынный мореплавателъ избѣгать старается. Мутный палевый полусвѣтъ отражается отъ видимо-понизившагося небеснаго свода на поля пустынныхъ. Внезапно горизонтъ сближается, спѣсняетъ степь и душу странника. Носящаяся въ Атмосферѣ въ видѣ шума горячая пыль умножаетъ удушливый жаръ воздуха. Восточные вѣтры, пролетая долгое время жаркія страны, вмѣсто пролады наносятъ еще большій зной.

Тогда высыхаютъ болота, защищаемыя отъ солнечныхъ лучей сими пальмами. Какъ на ледовиномъ Сѣверѣ живонныя засыпаютъ отъ спужи, такъ здѣсь крокодилъ и полозъ (boa) спятъ безъ движенія, зарывшись глубоко въ изсохшую землю. Повсюду засуха предвѣщаетъ смерть и повсюду преслѣдуетъ она помятагося жаждою и обмань-

ваемого игрою преломленія лучей, изображающихъ картину зеркальныхъ водъ. Въ густыхъ облакахъ пыли, изнуренные голодомъ и жаждою быки и лошади сжимаются по степи. Первые длинно пропянувши шею прошивъ направленія вѣтра, спараются посредствомъ спремленія влажнаго воздуха, открывъ вблизи какое нибудь еще неиспребленное болото.

Мулы гораздо прозорливѣе и хитрѣе. Они ищутъ другимъ образомъ утолить жажду. Круглое расптнѣе Мелонь. Какшъ содержишь подь колючею кожею своею водяной сокъ. Муль обламываетъ шипы передними ногами и тогда уже приближаясь осторожно къ оному, пьетъ сей прохладительный сокъ. Но не всегда можешь онъ безъ вреда утолять жажду изъ сего расптнѣянаго испочника; ибо часто случается видѣть муловъ изувѣченныхъ сими шипами. Когда послѣ дневнаго зноя наступаетъ прохлада, когда начинается равноденствіе и тогда

оїи живонцыя не имѣють покоя. Величайшіе нешопыри нападають на нихъ во время сна, сосушь изъ нихъ кровь подобно вампирямъ, вѣццясь въ спину, на кошорой производяшь гноющія раны, гдѣ поселяюшся рои насѣкомыхъ. Такъ проводятъ живонныя спраждующую жизнь, когда воды изчезають на землѣ оцѣ солнечнаго зноя.

Когда же наконецъ послѣ долговременной засухи насшупаешъ благошворительное дождливое время, тогда зрѣлище на степи мгновенно перемѣняешся. Гуспая синева безоблачнаго дополъ неба спановишся свѣшлѣе. Едва во время ночи можно примѣшпшть черное пространство въ созвѣздіи Южнаго креста. Нѣжное фосфорическое сіяніе облаковъ надъ Магелланскою землею пошухаешъ; даже споящія въ зеницѣ созвѣздія Орла и Зміеносца сверкають дрожащимъ свѣшномъ, непохожимъ на сіяніе планетъ. Подобно опдаленнымъ горамъ показывающся въ Южной споронѣ опдѣльныя

облака; пары въ видѣ тумана разширяющіяся надъ землемъ; удары опдаленнаго грома возвѣщаютъ приближеніе благошворнаго дождя!

(Окончан. въ слѣд. книжкѣ.)

ДОЛЖНОСТЬ ПОЭТА.

Изъ Шиллера.

Распространеніе круга познаній, отдѣленіе должностныхъ занятій отъ прочихъ упражненій человѣка, препяшсвуютъ душевнымъ силамъ дѣйствовать соединенно. Одна только Поэзія, занимая вмѣстѣ умъ, сердце и воображеніе, собираетъ развлеченныя силы и возстановляетъ человѣка во всей его цѣлости. Но для сего попребно, чшобы она не опспавала отъ успѣховъ своего вѣка и пользовалась всѣми его преимуществами. Сокровища ума и опытности, собранныя просвѣщеніемъ, должны отъ шворческой руки ея получить жизнь и плодовишность, и явиться въ видѣ пріятномъ. Собрать во-

едино нравы, характеръ, всѣ познанія своего времени, она должна очистишь, облагородспвовать ихъ и съ помощію искусства, творящаго Идеалы, сдѣлать изъ настоящаго столѣнія образецъ для столѣнія будущаго. Для сего же необходимо, чшобы поэтъ, кто ею занимаешся, былъ зрѣль и образованъ. Доколѣ сего не будетъ; доколѣ нравспвенно-образованный, ошъ всѣхъ предразсудковъ свободный умъ не находится еще съ Поэтомъ въ тѣснѣйшемъ соединеніи, Поэзія не можетъ на столѣніе свое имѣть благошворнаго вліянія и каждый успѣхъ въ наукахъ уменьшишь число ея починашелей. Не возможно, чшобы просвѣщенный человекъ находилъ пищу для духа и сердца своего въ произведеніяхъ како-го нибудь, еще незрѣвшаго юноши; чшобы ему пріятно было найши въ стихопвореніи шѣже самые предразсудки, обыкновенные нравы, пушопу души, которыхъ онъ убѣгаетъ въ жизни. Онъ имѣеть право желать, чшобы Поэтъ,

долженствующій бытъ вѣрнымъ его со-
 путникомъ, находился съ нимъ на одной
 сщепени просвѣщенія; потому что онъ
 и въ часы опдохновенія не хочетъ уни-
 зиться. Ипакъ недовольно для Поэта
 выражашься возвышенно; онъ долженъ
 имѣть и возвышенныя чувства. Обыкно-
 венный воспоргъ недоспапочень: ну-
 жень воспоргъ образованнаго духа. Все,
 что Поэтъ сообщаетъ намъ, есть оппе-
 чатокъ свойствъ его, копорымъ по сему
 и слѣдуешь бытъ достойными современ-
 никовъ и попомства. Сій-по свойства
 сколь можно облагородить, очистишь и
 усовершенствовать есть его первое и
 важнѣйшее занятіе; иначе онъ не дости-
 гнетъ цѣли своей: прогашь образованна
 души. Величайшее достоинство шворе-
 нія его состоить въ томъ, чтобы бытъ
 чисмымъ, довершеннымъ оппечаткомъ
 великаго духа. Такому только духу слѣ-
 довало бы отражашься въ произведени-
 яхъ искусства: тогда и по одной уже
 чертѣ можно было бы узнать его; а

обыкновенной челоуѣкъ щещно спарал-
 ся бы ищощипрь всѣ способы ищущива
 для прикръпшя сего недоспашка. О Эс-
 щещической сферѣ можно щожє сказащъ,
 щто и о нравспвенной. Какъ въ сей по-
 слѣдней превосходспво характера озна-
 меновываещъ каждыѣ поступокъ чело-
 вѣка печашю нравспвенной добро-
 пы; шакъ въ первой одинъ щолькѣ
 зрѣлый, совершенный духъ ещъ ищоч-
 никъ всего зрѣлаго и совершеннаго! Ни-
 какое дарованіє, какъ бы оно велико ни
 было; не въ соспояніи сообщивъ произ-
 веденію щого, чего не достаещъ щворцу
 его; погрѣшности опъ сего ищочника
 происпекающія, не замѣняющя никакою
 опдѣлкою. Необходимая должностъ каж-
 даго Поэща ещъ возведеніє своего пред-
 меша на спепень Идеала; безъ чего Поэщъ
 не будещъ имѣщъ права на достоинспво
 Поэща. Ему слѣдуещъ все превосходное
 въ своемъ предметѣ (хощя бы оно со-
 спояло въ фигурѣ, чувспвованіи или
 дѣйспвіи, въ немъ или внѣ его находи-

лось) освободить отъ грубѣйшей, поспоро-
 нной примѣси; разсѣянные лучи совер-
 шенства собрать въ единый; частныя,
 соразмѣрности нарушающія черпы, под-
 чинить согласію цѣлаго; личное и мѣст-
 ное возвысить до всеобщаго. Всѣ Идеа-
 лы, копорые онъ, такимъ образомъ изо-
 бражаетъ отдѣльно, суть, такъ сказать,
 отраженіе Идеала, находящагося въ ду-
 шѣ его. Чѣмъ болѣе онъ очистишь и
 распространишь сей послѣдній, тѣмъ бо-
 лѣе и первыя, отдѣльныя, приближаются
 къ высочайшему совершенству.

В. Бриллеръ.

РАТМИРЪ и ВСЕМИЛА.

ДРЕВНЕЕ ПРЕДАНИЕ.

(Окончаніе.)

Ратмиръ, удерживаемый при Дворѣ Великокняжескомъ различными дѣлами, порученными отъ Государя, въ продолженіи двухъ недѣль не имѣлъ возможности быть въ замкѣ Гремислава. Наконецъ, по совершеніи своихъ обязанностей, поспѣшаетъ шуда. Уже онъ на дворѣ замка, — но все тихо и никто не идетъ принять отъ него усалаго коня; онъ въ длинныхъ переходахъ бѣлокаменныхъ палатъ Гремиславовыхъ, — но и тамъ все безмолвствуетъ; ему слышится только звукъ доспѣховъ его, повсюрьемый глухими отголосками въ мрачныхъ сводахъ

замка; уже достигаешь онъ отдѣленія Всемилы — и одни споны и рыданія привѣспвуютъ его; съ препеномъ открываетъ онъ дверь въ ея шеремъ, но какое зрѣлище поражаетъ Рашира? Блѣдная, изнемогающая Всемила разпросперна на ложѣ своемъ, а подлѣ въ мрачной задумчивости суровый опецъ ея. Опчальный юноша преклоняется къ охладѣвшей рукѣ ея, покрываетъ ее пламенными поцѣлуями и румянецъ озарилъ помершвѣлое лице Всемилы. Прелеспная! вѣщаетъ Раширъ, въ какомъ состояніи нахожу я себя? Ясныя очи швои померкли, свѣжестъ лица увяла, алая кровь, кажешся, спынешъ въ жилахъ швоихъ; не ужели люшая смерть жаждетъ опъять себя шакъ рано опъ моего сердца? Нытъ! вѣчная любовь моя удержишъ занесенную надъ главою швоею косу смерти, или дапоразишъ она единымъ ударомъ обоихъ насъ. Такъ, мой возлюбленный, опвѣспвуетъ слабымъ голосомъ Всемила, ты еще не поздно прибылъ сюда,

чтобы принявъ послѣдній вздохъ мой; все переѣнилось: я чувствую, что должна разлучиться съ тобою навѣки; лучъ надежды угасъ въ душѣ моей, осталась одна только любовь, и шу понесу я съ собою въ хладную могилу; но умоляю тебя, когда меня не спанешь, почпи прахъ мой слезою и священнымъ обѣщаньемъ щадишь жизнь свою для блага. Опечесъва и для упѣшенія почпишаемаго мною родинеля.

Ужасно было положеніе Рашира, но еще ужаснѣе казались сердечныя мученія Гремислава. Онъ лишался дочери, единой опрады въ спароспи, и вопіющая совѣсть не пресъавала укоряшь, что жеспокосердіе его разрываетъ узы родства и любви. Безопрадный спарець повѣдалъ Раширу о любви Громвала къ его дочери и что рука ея уже обрѣчена ему; но, добрый юноша, продолжалъ онъ, и ты милая, любезная дочь, прѣспшите слабаго опца, коего честолобіе влекло васъ къ вѣчной разлукѣ. Ахъ!

я не зналъ еще, что законъ любви; пишасмой съ юныхъ лѣтъ, сильнѣе власни родипельской, сильнѣе всѣхъ законовъ человѣческихъ; не зналъ, сколь мучительна поперя дочери, которая одна только подкрѣпляетъ ослабѣвающія мои силы. Несчастный Спарецъ! что было бы съ тобою тогда, когда бы ты, безопраднй, осшался одинокъ въ мирѣ, семь? Чья рука поддержала бы съдую главу твою въ послѣднй мигъ жизни? Кто закрылъ бы угасающія твои очи и съ миромъ опушилъ бы хладное тѣло твое въ сырую землю? Никто, можетъ быть, не оросилъ бы могилы твоей слезою признательности; вѣчныя проклятія носились бы надъ нею и спранникъ препеналъ бы предъ обипелью чадоубійцы. Да исчезнетъ спрашная мысль сія въ самомъ ея рожденіи! Пусть лучше спыдъ помрачитъ опасокъ дней моихъ, какъ нарушилеля даннаго Громвалу слова, но да не коснется никогда сердце твое и самая тѣнь злополучія. Будь-

ше счастливы милые дѣти; любите другъ друга искренно, вѣрно, доколѣ тихій Ангель смерти не воззоветъ васъ къ другой жизни и дѣтскою любовію покойте и услаждайте спаросць мою.

Послѣднія слова нѣжнаго ошца и присунувшіе Рашира оживили умирающую Всемилу. Надежда, неоцѣненный даръ неба, искра Божества, снова блеснула въ душѣ ея и опасность миновалась. Между тѣмъ Гремиславъ опправиль нарочнаго съ извѣстіемъ къ Громвалу, что дочь его, будучи не въ сосшояніи прошивипись сшрогому вельнію раздраженнаго ошца и шерзаема мыслию о ненависшномъ ей бракѣ, впала въ жестокую болѣзнь; что онъ принужденъ опложись бракъ сей до выздоровленія ея и просишь Громвала не посѣщашь замка до шого времени, пока дочь его совершенно не успокоишсь.

Всемила медлѣнно возвращалась къ жизни; Раширъ не разлучался съ нею; нѣжныя ласки его и увѣренія ошца, что

скоро они будутъ соединены навѣки, разсѣяли и послѣднія облака печали. Она уже не чувствовала болѣе ни малѣйшей слабости; пріятнѣйшія воспоминанія прошекшихъ ечастливыхъ дней ихъ дѣтства, тогдашнія занятія и удовольствія; очаровательныя мечты юности — все въ распроганномъ живомъ воображеніи ихъ представляло опдаленную будущность въ прелестнѣйшихъ картинахъ. Но вдругъ тихая радость ихъ нарушена была прибытіемъ гонца оного Великаго Князя къ Рагмиру съ повелѣніемъ, немедленно возвратишься въ Кіевъ, по причинѣ важныхъ происшествій. Въ этотъ же день въспревоженный жоноша долженъ былъ оставишь Всемилу, обѣщавъ скоро увидѣться съ нею.

Болеславъ, Король Польскій, извѣстившись тайно о приугововленіяхъ Ярополка съ прочими Россійскими Князьями къ войнѣ прошиву него и бывъ ослабленъ въ сіе время двумя кровавыми войнами съ Венграми и Богемцами,

собрать своихъ Сенаторовъ , открывъ имъ угрожавшя опеческву ихъ опасности. Польскій Вельможа Графъ Влосповичъ , участвовавшій тогда въ совѣщаняхъ , предложилъ Собранію , что зло сіе надлежитъ предупредить плѣненіемъ самаго Ярополка , и что исполненіе сего принимаетъ онъ на себя. Тотчасъ отправленъ онъ былъ съ полною властію въ Кіевъ. По прибытіи туда , хитрый Влосповичъ умѣлъ снискать довѣренность любимцевъ Ярополковыхъ и пользуясь опличными ласками и почестями Великаго Князя , приворною печалію успѣлъ обратитъ на себя особенное вниманіе добродушнаго Государя. Въ присутствіи всѣхъ Бояръ Россійскихъ живо описалъ онъ свои несчастія , услуги оказанныя Польшѣ , неблагодарность Болеслава , опнышіе у него всего имѣнія , изгнаніе изъ опеческва , тайный побѣгъ въ Россію и единственное желаніе быти вѣрнымъ подданнымъ справедливаго Ярополка. Великій Князь , не подозрѣвая въ

посупкѣ Влосповича никакой измѣны, общалъ ему свое покровительство и чинобы болѣе увѣришь въ шомъ соучастіи, какое принимаеишь онъ въ бѣдствіяхъ его, Графъ Влосповичъ допущенъ былъ даже въ шайныя совѣшны Княжескіе. Тогда рѣшишельно положено было, не упуская времени собрати Россійское войско, для чего и Раширь призванъ въ Кіевъ. Ярополкъ, успроивъ все къ началію войны, выступилъ въ походъ. Влосповичъ, будучи при немъ не оплучно, по доспихеніи границъ Польскихъ, убѣдилъ Ярополка оплучишься на нѣкоторое разстояніе отъ спана, подъ предлогомъ важныхъ шайнъ, касающихся до безопасности его особы, копорыя сообщилъ ему при лицѣ Боярь онъ опасался. Князь, довѣряя словамъ новаго своего любимца, приказалъ всѣмъ Боярамъ ошасться въ спанъ, а самъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ съ Влосповичемъ. Сей лукавый человекъ спарался заняшь Ярополка по различными сомнѣніями о согласіи

союзныхъ Князей Россійскихъ, по вычисленіемъ способовъ нападенія, и когда доспигли они кусповъ, прикрывавшихъ рошу конныхъ Поляковъ съ заводными лошадьми, Графъ подавъ знакъ — и Яроподкъ захваченъ и опхвезенъ былъ въ Краковъ.

Союзные Князья Россійскіе, щещно ожидая возвращенія Ярополкова и наконецъ узнавъ хищрый обманъ Влосповича, долго пребывали въ нерѣшимости, что начашъ; но безчеспный поспупокъ со спороны непріятелей подвигъ сердца ихъ къ мщенію. Подобно свирѣпой, быстрой рѣкѣ, разрушающей швердѣйшіе оплошы, воинство Россійское ринулось за рубежи своего опечеспва. Справедливая мѣспь храбрыхъ воиновъ загремѣла въ спранѣ чуждой; пролились рѣки кровавыя и ужасная вѣспь опустошенія промчалась въ столицу Болеслава. Уже нѣкошорыя мѣспа захвачены были Русскими, уже многія штысячи Поляковъ легли на мѣспѣ и шрепещущій Болеславъ

прибегнуль къ послѣднему средству освобо-
дидишь Ярополка отъ плѣна, взявъ съ
него обѣщаніе съ миромъ возвратишься
въ свою отчизну. Появленіе Великаго
Князя предъ воинствомъ было новымъ
знакомъ къ побѣдѣ. Радосно воскликну-
ла рать ему преданная, съ неперпѣні-
емъ ожидала его рѣшенія — и Ярополкъ,
презирая обѣщъ изпоргнушый коварнымъ
непріятелемъ, указаль карашельнымъ
мечемъ своимъ на обласпи иноплемен-
ныхъ. Съ вѣрною дружиною успремилсъ
онъ къ спроямъ непріятельскимъ, сра-
жавшимся подъ предводительствомъ Ко-
роля своего. Черный Вишязь — могучій
Громваль и пылкій неустрашимый юно-
ща Рапмиръ ударили съ другой сторо-
ны. Возгорѣлась битва ужасная. Зазву-
чали мечи булашныя — и сокрушились
щипы прошивниковъ; полетѣли копья о-
спрыя прямо въ сердца вражія, засви-
спѣли калены стрѣлы — и зашмили небе-
сный сводъ; заспонала шупъ сыра зем-
ля. Побѣда была уже на сторонѣ Яро-

полка, но вдруг новыя силы Польскія подоспѣли на помощь къ рашующимъ. Съ неизъяснимою быспрохою оба воинства соединились и производили спрашную сѣчу; хоругви Россійскія переходили изъ рукъ въ руки. Поляки пѣснили и врубались въ ряды мужеспвенныхъ враговъ своихъ. Громваль какъ люшая смерть носился полешомъ молніи; по здѣсь поражаль онъ новыя приспѣвшія полчища; по шамъ всесокрушительный мечъ его указываль свободный пущь своимъ рашникамъ; онъ горилъ Геройскимъ неперпѣніемъ; необузданный, быспрый конь его порывиспо разсѣкаешъ воздухъ, шопчешъ груди неприяшелей; Громваль наносилъ сильныя удары; еще собираешся съ исполинскими силами; еще заносилъ губишельную десницу свою — и Чернаго Вишязя уже не спало. Мгновенно пролешѣла молва по дружинамъ соошечешвенниковъ, что беспрашнаго Громвала уже нѣшъ съ ними: смушились воины Русскіе и въ безпорядкѣ, упомленныя,

ощсупапъ начали. Трупъ его принесенъ былъ въ спавку и кругъ преданныхъ ему оруженосцевъ, оберегавшихъ окровавленные оспашки славнаго Героя, мало по малу увеличивался; но юный Раимиръ, сподвижникъ славы его, видя опчаяніе опсупающихъ Россіянъ, поржеспвующихъ Поляковъ и опасность Государя, окруженнаго непріателемъ, обращающаго къ убиенному Громвалу, совлекающаго съ него доспѣхи и облекшись въ оныя, дерзосно спремился подъ хоругви Ярополка и восклицаетъ: „Храбрые соощчичи! Черный Вишязъ живѣ еще, чшобы веспи васъ къ рѣшишельной побѣдѣ. За мною друзья мои! Поспавимъ швердую гудь свою щипомъ любезному нашему опечеспву; опспразимъ гибельный ударъ, или падемъ съ чеспію; славная смершь лучше посспыдной жизни.“ Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ Русскіе орлы съ невѣрояшною быспрошою вспспрепенулись и полетѣли, съ шумомъ распилая вдаль крыле свои. Со-

дрогнулись Поляки чудесной силъ прошивниковъ. Полки Россійскіе изспребляли пысячи и сокрушали все, что встрѣчалось имъ. Черный Вишязь, какъ мрачная ночь, повсюду разносилъ страхъ и ужасъ; казалось, что самъ богъ брани мещетъ громаы свои. Трепещущіе враги падали подобно листвіямъ, бурею съ древесъ срываеымъ. Наконецъ воинство Ярополково подобно кремнистой скалѣ обрушилось и подавило поборниковъ Болеслава— и Русскіе одержали совершенную побѣду надъ Поляками.

• Въ продолженіи битвы вѣспники изъ спана Россійскаго увѣдомляли Гремислава о всѣхъ произшесшвіяхъ. Съ какимъ воспоргомъ внималъ почтенный спарець повѣшвованію о геройскихъ подвигахъ своего воспшанника и прочихъ начальниковъ дружины; съ какимъ ужаснымъ ожиданіемъ встрѣчала всегда робкая Всемила вѣспника и узнавъ, что милый другъ ея сражается мужеспвенно, возсылала съ благоговѣніемъ молишвы ко пре-

сщолу Вездѣсущаго о сохраненіи его жизни. Въ самую рѣшительную минушу сраженія, когда храбрый Громваль палъ подъ ударами непріятели и когда Рапмиръ, ошдѣлясь ошъ дружины своей, въ образѣ Чернаго Вишязя ошмщаль смершь убіеннаго Героя, воины его, не срѣшая нигдѣ своего начальника, обманулись въ видѣ переодѣвшагося лашника и полагали, что Рапмиръ уже убишь. Вѣрный оруженосецъ его, не сомнѣваясь въ смерти юнаго вишязя, израненый съ поля сраженія едва успѣлъ достигнуть замка Гремиславова съ симъ извѣсшiemъ и палъ мерпвъ къ ногамъ ошчаяннаго сшарца. Безъ чувспвъ поверглась несчастная Всемила въ объашія ошца; долго не примѣшно было ни малѣйшихъ признаковъ жизни; ударъ казался бышь послѣднимъ, но печенія окружавшихъ спасли дни ея для новыхъ бѣдшвій.

Солнце склонялось къ Западу, сизыя облака неслись ошъ Воспока и скоплялись въ грозныя шучи; яркій лучъ бли-

спаль на небѣ; слышны были опдаленные раскаты грома и порывистый вѣспрь завываль по сводамъ замка. Унылая Всемила тихо оспавляель свой шеремъ, удаляелься на крупый берегъ шумящаго Днѣпра; шамъ, склоняелься на дрожащую руку, предаелься жеспокой своей горести. Чувспвованія души ея согласовались съ ужасными явленіями природы; ни одна слеза не канула изъ очей; спѣнанія волновали бѣлую грудь и бурный вѣспрь разносилъ ея жалобы на судьбу неумолимую. Здѣсь — пѣнисшыя валы свирѣпаго Днѣпра, воздымаяелься изъ клочущей пучины, съ шумомъ ударялись о высокій берегъ и рассыпались въ бѣлыхъ брызгахъ; шамъ — спольшніе дубы и сосны преклоняли кудрявыя вершины и съ шрескомъ, раздробленные ударомъ грома, повергались къ своему корню; а шамъ на гладкой равнинѣ сыпучій песокъ холмовъ Кіевскихъ крушилъ вихремъ и соспавляя шуманныя облака, разспилался по воздуху. Спра-

шно было все вокруг Всемилы, но несчастная содрагалась только своего сердца. Блеснула молния — и дикимъ взорамъ опчаянной дѣвы предспала шѣнь ея друга, парящаго надъ волнующимся Днѣпромъ; кровавая рана въ сердцѣ, улыбка на устахъ, распроспершыя объятія призывали Всемилу; она произносила любезное ей имя Рашимира и готова уже низринувшись въ ярящіяся волны, но грозный ударъ загремѣлъ и разсыпался надъ ея главою; препещущая, оспанавливается, внимаешь со стороны замка смѣшенные голоса и зришь отца своего поспѣшающаго къ ней. Жесткая! что ты дѣлаешь? произнесъ Гремиславъ, одинъ мигъ — и осиропѣвшій родитель швой не возвратился бы уже никогда въ жилище свое. Въ ужасную бурю, одна, здѣсь на краю гибели, тогда какъ грустное сердце мое щепно искало себя повсюду! Я слышалъ пронзительный голосъ швой — и дряхлыя стопы мои едва поддерживали брнное шѣло, я видѣлъ

себя при блескъ молніи спремляющуюся погрузишься въ пучину водную—и душа моя замерла опть ужаса. Но очи швой померкли; власы извиваются въ безпорядкъ, грудь швая волнуется; невѣріе, порожденіе ада, гнѣздишься въ преступномъ сердцѣ швоемъ. О! не взираи шакъ спрашно на несчастнаго опца; не обвиняи его въ жестокости; ни одного упрека не услышишь шы опть слабаго шарца; успокойся милый, единспвенный другъ, здѣсь на біощейся груди въ моихъ объятіяхъ.

Ужасное изспупленіе примѣшно было во всѣхъ движеніяхъ. Всемилы; медленно удалялась она опть береговъ Днѣпровскихъ; шо прижимаясь къ спраждущему сердцу опца, казалось, хотѣла вдохнушь въ него свои чувспвованія; шо снова опщоргаясь, произносила имя Громвала и какъ будшо преслѣдуема его шѣнію, страшными заклинаніями умоляла оспавишь несчастную; шо повергаясь снова въ объятія Гремислава, призывала

милаго своего Рагмира принявъ издешающую ея душу и погружалась въ безчувственность. Уже приближались они къ замку, вдругъ раздаются попопъ и ржаніе конское; Всемила содрагається, обращаетъ робкій взоръ на дорогу Кіевскую; изъ за-древней роши показывается всадникъ; онъ подъѣзжаетъ ближе, и опчаянная дѣва препенещетъ; еще ближе, и Всемила узнаетъ Чернаго Вишязя, вскрикиваетъ и падаетъ на хладную землю. То былъ Рагмиръ, упомянутый, въ пылу и пошѣ, поспѣшавшій съ поля битвы въ замокъ Гремислава. Юноша спремился къ возлюбленной и находитъ ее умирающею; прижимаетъ къ груди своей; пламенные уста его касаются хладнымъ уснамъ Всемилы; слезы лиются на помершвѣлыя ея щеки, онъ произноситъ любезное ему имя, и померкшія очи ея на минушу открываются; въ образѣ Чернаго Вишязя она узнаетъ своего друга. Ангельская улыбка появилась на лицѣ ея, но смертный хладъ и

небесная радость разлилась по жиламъ несчастной, крѣпко сжимаетъ она руку Рашмира, глава ея склоняется къ сѣрцу юноши и — Всемила навѣки заснула.

На семь мѣсѣвъ предано было землѣ пѣло злополучной Всемилы. Прослая ограда, небольшой холмъ и могильный крестъ — были памяшникомъ крошкой ея жизни. Не долго осиротѣвшій Гремиславъ оплакивалъ смерть своей дочери; сларость и печаль въ видѣ мирнаго Ангела возвѣсмили и ему послѣдній часъ. Одна могила соединила прупы опца и дочери. Неушѣшный Рашмиръ беспреспанно боролся съ опчаяніемъ; сколько разъ орудіе смерти вращала десница его, но свяшая вѣра приводила къ раскаянію. Вдругъ безвѣспно скрылся онъ и никшо изъ спарыхъ служишелей замка никогда не вспрѣчался съ нимъ. Окреспные жишели рассказывали, что всякій день при возхожденіи и захожденіи солнца видали они челоувѣка въ одеждѣ пуспынно-жишеля, бесѣдующаго на могильномъ холмѣ

Всемилы и опца ея, или съ благоговѣ-
ніемъ молящагося; они догадывались, что
пустынный сей былъ Рапмиръ, ибо ни-
кто и при дворѣ Великокняжескомъ не
зналъ объ его участіи; догадывались, что
жилищемъ несчастнаго юноши была въ
древней роцѣ, прилегавшей къ замку
Гремислава, часовня, нѣкогда обишаемая
спасавшимся опшельникомъ; но никто не
дерзалъ посѣщать его и нарушать спо-
койствія. Воины Кіевскіе увѣрили, что
всегда при нападеніи враговъ на землю
Русскую, появлялся между ими Черный
Вишязь, производилъ чудеса храбрости,
и послѣ одержанной побѣды, мгновенно
скрывался. Долго потомъ не видно уже
было ни Чернаго Вишязя въ спрояхъ
храбрыхъ воиновъ, ни пустынного на
могилѣ Гремиславовой. Жители Кіевскіе,
не сръшая нигдѣ почишаемаго ими Рап-
мира, рѣшились проникнуть въ шаин-
ства древней роци, и въ вѣшхой часов-
нѣ нашли шрупъ юноши, въ одеждѣ
спарца. Слезы признательности ороси-

ли прахъ его, заключенный вмѣстѣ съ прахомъ Всемилы. Замокъ Гремислава никѣмъ не былъ обитаемъ; всеокрушительная рука времени и нападенія непріятелей на области Кіевскія наконецъ изгладили и самые слѣды его существованія.

Ан. Дуроль.

ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ?

Неизбѣжное сцѣпленіе нуждъ удовле- шворенныхъ, нуждъ вновь рождающихся, страха и надежды, желанія и раскаянія, продолжительной скуки, крапскаго удовольствія, — вотъ жизнь.

Человѣкъ перзаемый всегдашнимъ безпокойствомъ, шакъ сказашъ, живешъ или въ прошедшемъ или въ будущемъ, ш. е. въ воспоминаніи или въ надеждѣ. — „Наспоящее, говоритъ Паскаль, не ешъ „цѣль наша; прошедшее и наспоящее „сущъ шолько одни способы, а будущее „предметъ нашъ.“ — Но Философъ сей поступилъ несправедливо, прибавя къ оному: „Ишакъ мы не живемъ.“ — На- прошивъ, по мнѣнію моему, сіе шо и со- ставляешъ наспоящую жизнь нашу.

Жизнь человеческая есть плаваніе по быстрой рѣкѣ, копорая послѣ нѣкопорыхъ изгибовъ шеряется въ безпредѣльномъ Океанѣ. Рѣка сія для каждаго изъ насъ имѣетъ разное направленіе: для иныхъ прошекаетъ она между утесисныхъ и безплодныхъ скалъ, для другихъ между значныхъ береговъ; но всѣ часпо бывающъ игралищемъ порывисныхъ вѣтровъ, и ушлая наша ладья разбивается о подводные камни, коихъ и прозорливое око видѣшь не можетъ. Иногдажъ, движима шихими зефирами, не колыхаясь капишся она по зеркальной равнинѣ; намъ бы хонѣлось оспановишья; но чинъ природы не преложень: рѣка не удерживаетъ сводего спремна, и мы влечемъ къ опредѣленной почкѣ.

Вопъ образъ жизни нашей! Рѣка — время; Океанъ — вѣчность; порывисные вѣтры — спраспи; а Зефиры — спокойствіе души.

Мы почпи всегда недовольны наспоющимъ, и со всѣмъ шѣмъ часпо сожалѣемъ

о прошедшемъ, котораго каждое мгнове-
ніе было наспоющимъ. — Не странно ли
это? Кажется, что воспоминаніе прида-
етъ красочу предметамъ, которые въ
сущесствѣ ее не имѣли.

Каждый день жизни нашей ничто
иное есть, какъ повтореніе вчерашняго
и вѣрнѣйшій образъ завтрашняго. „ Кто
„ жилъ одинъ день, шонъ жилъ цѣлый
„ вѣкъ; говоришь Лабрюеръ. Тожъ солнце,
тажъ земля, шѣжъ люди, шѣжъ ощущенія.
Ничто шакъ не сходно, какъ сего дня
и завтра. Въ самомъ дѣлѣ: вснавашъ,
удовленворяшь нуждамъ, опяшь ло-
жишься, опяшь спашъ: вошъ шонъ
кругъ, который мы ежедневно пробѣга-
емъ. Кажется, что сіе единообразіе долж-
но бы бышь намъ въ шягосшь? Но мы
хопя не рѣдко опъ эшаго вздыхаемъ; со-
всѣмъ шѣмъ, когда смерть приближается
пресѣчь сію скуку, шо какихъ мы не
упошребляемъ способовъ удалишь ее; и
кшожь изъ насъ не согласилсъ — ску-
чашъ безконечно, лишъ бы шолько жившь?

Ежели жизнь есть зло, то мы должны желать конца ея. Ежели добро, то по какому праву хотимъ мы одни наслаждаться ею на счетъ тѣхъ, кои должны существовать послѣ насъ, и которые къ прибытію своему ожидаютъ только минуты нашего отсутствія. Ибо едва только человѣкъ появляется въ свѣтъ, другой спускается въ гробъ и уступаетъ ему свое мѣсто. — Творческой силѣ угодно было древо жизни привить къ корню древа смерти.

Время жизни нашей раздѣлено почти на двѣ равныя части. Одна проходитъ во снѣ, а другая въ бдѣтельность. Въ продолженіи первой мы мечтаемъ; въ продолженіи другой мы также мечтаемъ. И такъ вся наша жизнь ничто иное какъ сонъ.

Можно ли иначе назвать всѣ сіи обширныя намѣренія наши къ снисканію мнимаго щастія, которое сколько сильно насъ занимаетъ? — Но увы! извѣстно ли намъ, что завтрашній возходъ солнца

будеть восхищать насъ? Сердце наше, кошорое шенерь споль сильно бьешся, не будетъ ли холодно, какъ камень? Мы не можемъ приучить себя къ мысли, что поверхность земли не есть вѣчное наше достояніе. Мы госпи, и госпи скоропреходящіе.

Мудрый никогда не живетъ въ будущемъ; онъ всегда пользуется настоящимъ часомъ. Ежели онъ пріяшень, — то наслаждается имъ; ежели непріяшень; то съ равнодушіемъ проводитъ его, находясь въ полномъ увѣреніи, что ни шопъ ни другой не можетъ быть поспоянно продолжителень. Ишакъ не лучше ли намъ никогда не шеряшь изъ памяти, что мы путешешвенники? и счастливь шопъ, у кого въ кошомкѣ запасено все, что во всякомъ случаѣ пригодится!

Сравнивая шеченіе чешырехъ времени года съ лѣтами жизни человѣческой, находимъ удивительное сходство. Младенчество есть счастливьшій періодъ

въ жизни, подобно какъ и Весна естъ пріятнѣйшее время года. Они оба представляють картину невинности и удовольствій. Никакія бури не нарушають ихъ спокойствія. Каждый день открывается новую въ нихъ прелесть. — Въ отрочествѣ способности человѣческія начинаютъ открываться и мало по малу созрѣвать, равно какъ произведенія земли во время Лѣта, и оба подвергаются бурямъ. Первые не рѣдко пожираемы бывають свирѣпыми спрасками, а другія попадаемы огненными лучами солнца, и сокрушаемы сильными вѣтрами. — Въ совершенныхъ лѣтахъ человѣкъ, какъ и Осень, приноситъ плоды. Но нерѣдко случается, что многіе изъ нихъ бывають весьма вредны. Наконецъ, когда печальная и болѣзненная старость опягчашъ человека и клонитъ его къ землѣ, ощутишельно кровь его хладѣетъ, память гаснетъ, воображеніе шупѣетъ, всѣ органы слабѣють; не представляетъ ли онъ тогда живой образъ Зимы? Или,

лучше сказать, полумертвой природы, сменяющей подъ снѣжными буграми?

Что же такое жизнь? — Жизнь есть наслаждаться самимъ собою, благомъ себѣ подобнымъ и вселенною. Мы наслаждаемся собою, когда къ добру употребляемъ наши физическія и нравственныя способности; мы наслаждаемся благомъ себѣ подобнымъ, когда стараемся совокупляясь съ ними человеколюбиемъ и благотвореніемъ; мы наслаждаемся вселенною, — когда, восхищаясь красою ея, пользуемся благими ея дарами. — Пошребны ли для сего неисчетныя богатства? множество слугъ? огромныя чертоги? — Наши способности намъ принадлежатъ, братья наши прозираютъ къ намъ свои объятія; а вселенная — не есть ли каждого изъ насъ собственность? Не всякой ли имѣеть равное право восхищаться восхожденіемъ или захожденіемъ величественнаго солнца, освѣщающаго всю землю, и созерцать сей безконечный сводъ вѣнчающій горы, лѣса,

моря, и сколько чудесныхъ красотъ? Не ужель то, что насъ упѣшаетъ, должно непременно быть собственностію нашею? Не ужель только то древо даетъ намъ прохладительную тѣнь, которое растетъ на собственной моей землѣ? — Увы! что есть насюющая собственностію челоуѣка? Можно ли даже и спяжаніе его назвать собственностію? Нѣтъ! все принадлежитъ природѣ. Наши обладанія и самая жизнь наша ничто иное есть какъ заемъ, который мы опъ нея получаемъ и она не пропускаетъ срока опъ насъ пребовать его обратно. Сего дня этотъ уголокъ земли принадлежитъ мнѣ, а завтра можетъ быть я буду принадлежать ему. — Гдѣжь моя собственностію?

Итакъ вмѣсто того, чтобъ прашить дни наши въ тщетномъ исканіи мнимаго счастья, научимся лучше умѣрять наши неограниченныя желанія; постараемся быть справедливыми, челоуѣколюбивыми и безкорыстными исполните-

лями возложенныхъ на насъ обязанно-
стей: и тогда хотя жизнь наша и кон-
чится, но останушся слѣды бышя на-
шего въ мѣрѣ. —

Въ самую ту минуту, когда я соо-
бражалъ сіи мысли, порывъ сильнаго въ-
пра отворилъ окно мое и погасилъ свѣ-
чу: — подобно сему дыханіе смерти по-
гасилъ нѣкогда свѣшильникъ моей жиз-
ни! Чшо нужды? — Онъ возгорился
снова въ селеніяхъ вѣчнаго блаженства. —

П.....скій

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч Е С Л А В Ъ.

(ЭПИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ.)

Возспанъ изъ шьмы вѣковъ, возспанъ краса
Славяновъ!

Какъ холмы предъ зарей восходящъ изъ шу-
мановъ.

Синглишь великихъ душъ, Герои древнихъ
дней!

Кшо сонъ вашъ усладить Гармоніей своей?

Уже ли, о сыны опчизны знамениты!

Вы мракомъ вѣчнаго забвенія покрывае?

Се лирный голосъ мой васъ будишь ошо сна;

Да въ славны наши дни, съ фіалою вича,

О дивной древности бесѣдуя межъ вами,

Вашъ подвигъ возвѣщу звончашыми спрунами.

Возстань!—И се вдали кто съ мощныхъ
 шамъ рамень
 Спрясаешъ прежде всѣхъ угрюму ношь
 временъ?

Двухъ юношей я зрю на башнѣ шой высокой,
 Чшо Кія съ древнихъ спѣвъ на Борисфенѣ
 глубокой (*)

Склонила мшистый верхъ . . . Какъ гуль
 осенній съ горь,
 Ко мнѣ несешся въ слухъ ихъ дальный раз-
 говоръ.

Единого чело унынье омрачаешъ,
 На бердышь опершись, содругу онъ вѣщаешъ:

„Радвиль! воззри на пирь въ неистовый
 сей станъ;

Не такъ ли восхищенъ добычей гладный вранъ?
 Воззри на Печенѣгъ, какъ шамъ они вращающя:
 Облогомъ нашихъ спѣвъ злодѣи веселятся!
 Спропшивы ихъ Князья и Курей и Гильдей,
 Кичащясь броньми въ ристалищѣ коней,

(*) Древнее наименование Днѣпра.

Изъ луковъ къ небесамъ калены стрѣлы ме-
шущь

И тысячи полковъ движеньямъ ихъ соплещущь.

Воззри на Печенѣгъ въ неисповый ихъ станъ,

Не шакъ ли восхищенъ добычей гладный вранъ?“

„Но алчность ихъ, Чеславъ! не тщешноль
пѣмъ кичипся,

Что скоро имъ самимъ въ погибель обратятся?

Ты вѣдаешь, чьи шамъ подъ пѣнью боровой

Бѣлѣются шапры за Днѣпрскою спраной;

Не храбрыхъ ли Полянъ, попомковъ Меланх-
лена, (*)

Пришекшихъ насъ спасши отъ пагубнаго
плѣна?

Тамъ Препичь, сей ихъ вождь спрегущій Пе-
ченѣгъ,

(*) Митрополитъ Римско - Каполическихъ церквей въ Россіи, Спаниславъ Сеспренцевичъ Богушъ, говоря въ книгѣ своей: *Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves* (812 стр. 547) о пусшынѣ Герро, проспирившейся до самаго Кіева, упоминаеть, что городъ Меланхленовъ, или Черно-одежниковъ, былъ Черниговъ, и. е. Черный городъ.

Готовишься покрышь ихъ кровью здѣшній
брегъ.

Не се ль добыча ихъ? — Ахъ онъ пого не
знаешь,

Какъ медленность его нашъ жребій опягчаешь.

Сколь много спража спѣвъ, безводіе и гладь

Избраннѣйшихъ сыновъ лишили ужъ сей градъ;

Сколь многи шерема въ немъ каждый часъ
пусшвюють,

И часно безъ гробовъ пѣла по спогнамъ
плвюють;

Но бѣдспвія сіи предъ пѣмъ еще сущь пѣмъ,

Какое весь народъ избралъ уже въ сей день.

Внимай, что предпріять рѣшилъ онъ на
вѣчъ. “—

„Конечно умереть съ мечемъ въ кровавой свѣчъ,

Иль опъ паденья Тронъ, Опечесиво спасши?“

Онъ всѣхъ древнѣе въ Россіи, ибо Геродотъ за 444 года до Христіанскаго лѣтосчисленія описываетъ Меланхленовъ, обипающихъ къ Сѣверу на 20 дней разспояніемъ опъ Азовскаго моря, гдѣ сіе разспояніе 660 верспъ, проспирающеся до Чернигова опъ онаго моря, сошвѣшспвуентъ совершенно вышеозначенному счешу дней.

„Нѣшъ, спыдъ ему, Радвиль! и гибель нане-
спи.

Коль Прешичъ упредитъ враждебныя движенья,
Сюда въ грядущу ночь не двигнешъ ополченья,
Заушра, лишь взойдешъ надъ Кіевомъ звѣзда,
Онъ долженъ быть опверснъ злодѣю навсегда.
Заушра, о мой другъ! година несказанна,
Погибнешъ громка Chesнъ, Славянами снѣ-
жанна;

Священи храмовъ сихъ полынью зараснутъ,
Подъ игомъ супоспашъ могучіе падушъ;
Придешъ Свяпославъ (*) въ разграбленны чер-
тоги,

И спроситъ: гдѣ мой возлюбленны, гдѣ боги?
Но будешъ опвѣчашъ на спонъ его за нихъ
Свиспящій шокмо вѣспръ въ ущеляхъ спѣн-
ныхъ.

О день погибельный! помедли, да съ побою
Не узримъ плѣнъ Гражданъ, пекущу кровь
рѣкою.“—

(*) Свяпославъ съ полководцами своими былъ тогда въ Болгарии.

Тутъ юноша склонилъ главу свою къ землѣ ;
Утрюмоспъ важныхъ думъ простерлась на
челѣ.

„Хошя и для меня опечесство пакъ мило,
Опѣшпспивуешъ Радвиль,—какъ въ полдень сей
свѣпило,

Но чпожъ намъ предпріятъ? „ — Едва онъ
произнесъ,

Чеславъ возводишь взоръ исполненный угрозы,

Булашнымъ копіемъ прикрашно попрясаешъ

И громко, внѣ себя: „возрадуйся! взываешъ,

Се мысль въ моей душѣ великая спѣшишь

Погасшую опять надежду воскресишь.

Она, какъ въ шемну ночь блескъ молніи мгно-
венный,

Бросаешъ яркій свѣшь на разумъ мой сму-
щенный.

Возрадуйся, мой другъ! . . но прежде да съ
шобой

Я шайну раздѣлю, внушенну мнѣ судьбой. —

Повѣдай, если духъ шоль робкій ты имѣешъ,

Чшо слѣдовашь за мной въ сей подвигъ не
посмѣешъ,

Не спанешъ ли меня удерживать пвоѣй
спрахъ? “—

Онъ рекъ— геройства огонь сверкнулъ въ его
очахъ.

Радвилъ себѣ на грудь десницу возла-
гаешъ ;

Въ черпахъ его лица согласіе сіяешъ.

„Простри же смѣлый взоръ , гласишь ему
Чеславъ ,

Туда , гдѣ грозный холмъ надъ берегомъ
подъявъ

Превыше всѣхъ громадъ песчаную вершину ,

Въ ревушую подъ нимъ сконяешся пучину .

Когда съ побою насъ судьбы благословяшъ ,

Облекшись на зарѣ въ одежды супоспашъ ,

Мы хинроспью одной пройдемъ ихъ спанъ
безъ бою ,

И шамъ въ шумящій Днѣпръ низвергнемся
съ побою ;

Пускай одинъ изъ насъ погибнешъ опъ вра-
говъ ,

Послѣдній доплыветъ прошивныхъ береговъ .“

О мужество! — Радвиль воскликнулъ удив-
ленной —

Нмѣренье швое велико, несравненно:

Ты къ Прешичу тогда направить хочешь
пушь,

Когда къ нему поднесь ништо не могъ дерзнуть;

Но можноль, не предавъ врагамъ своей свободы

Проникнуть между нихъ ко спану воеводы?—

„Такъ я иду одинъ“ — На тысячу мечей?

На гибель?— „Не пейсь о жизни швоей;

Что наше бытие безъ доблести и славы?

Пушь врагъ изъ сей груди изшоргнетъ токъ
крававый;

Пушь я не буду живъ!—Ошеческа страна

Почшишь мой хладный прахъ гробницею.“—

Она

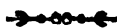
Почшишь себя, но ахъ! родными и друзьями

Сшязанный Мавзолей зашмился ихъ сле-
зами.

Взойдетъ еще заря—и болъе швой видъ

Ея прѣшный свѣтъ для насъ не оживишь.

Когда же ни родство, ни дружбы убъж-
денье

Не сильны превозмочь къ бѣдамъ швое стрем-
ленье,

Вспомни ты хощя то время, о Чеславъ!

Котораго залогъ священнѣ всѣхъ правъ;

То счастье, что въ моемъ семействѣ обитало,

Какъ сердце у тебя къ сестрѣ моей пылало.

На спрашенный швой вопросъ въ супруже-
ство вступишь,

Она не опреклась швоею вѣчно бышь.

День брака наступалъ, свѣшильникъ возжи-
гался;

Но вдругъ вдалека смерть, и—съ нею ты
разстался.

Въ то утро, какъ припавъ къ одру ея безъ
силъ,

Твой слухъ ея слова послѣднiя ловилъ:

Творецъ; она рекла, мои кончая лѣша,

Зовешь меня изъ нѣдръ прекраснѣйшаго свѣта;

Ты сердца моего любезнѣйшая часть,

Избранный мной супругъ, къ кому нишаю
спрашъ,

Скажи, въ сей тяжкiй часъ могу ли я ла-
скашъся,

Чтобъ въ памяти швоей по смерти оста-
вашься?

Когда сей лесный даръ гошовишь мнѣ
судьба,

Когда свяща людей послѣдняя мольба,

Уважь моей души помящейся прошенье!

Вошь брашь мой! съ нимъ однимъ сближаетъ
насъ рожденье:

Во счастья ли ему, иль въ скорби жишь чреда,

Будь другомъ,—не оставь Радвила никогда.

Тутъ взоръ ко мнѣ проспря, къ тебѣ дро-
жащу руку,

Примолвила: проси! я чувствую разлуку.

И какъ исполнишь все ты клялся передъ ней,

Погась послѣдній лучъ ея цвѣшущихъ дней.—

„О долгъ! — воззвалъ Чеславъ, о слово не-
возвратно!

Мнѣ рѣчь швоя, мой другъ! копье сіе булашно.

Хотя во мнѣ кипишь къ Опечеству вся
кровь,

Противное велишь къ сестрѣ швоей любовь;

И небо и земля, всѣ связи, власи свѣща

Не могутъ премѣнить ей даннаго обѣща;
 Я долженъ для нее оспашься при тебѣ.
 Да будешь же! когда угодно те судьбѣ.“

Такъ юноши свою бесѣду продолжали
 О бѣдствіяхъ, что ихъ опчизнѣ угрожали.
 Помалу между тѣмъ скрывавшійся опъ глазъ
 Вечерній солнца кругъ на западъ погасъ.
 Осення мрачна ночь, со звѣздной колесницы
 На смертныхъ сыпя макъ сомкнула ихъ звѣ-
 ницы.

Но Кіевъ!—больше сна спокойства не вкушалъ:
 Въ немъ часпо помный вопль молчанье пре-
 рывалъ.

Друзья, внимая те съ душою сокрушенной,
 Нисходящъ наконецъ съ бойницы возвышенной;
 Текущъ къ своимъ домамъ и граждань - Ге-
 рой

Радвилу поклялся оставищъ подвигъ свой.

Онъ въ храмину съ шакимъ намѣренемъ
 вступаешъ;

Но щещно мирный сонъ на ложе призы-
 ваешъ;

Бѣжишь его покой; спеченье разныхъ думъ,
 Какъ буря легкой чолнѣ, его колеблешь умъ.
 Межъ шѣмъ глубокой мракъ полночь распро-
 спранила,

Дрема его крыломъ волшебнымъ осѣнила.
 Незапно передъ нимъ являешь мечша:
 Разцѣпанны власы, уныла красота,
 Слезащіе глаза, на персяхъ помны длани;
 „Ужели, вопіешь, ужель добычей брани
 Оставишь пы меня, безпрепетный Че-
 славъ?“ —

И юноша съ одра главу свою подъявъ,
 Глазами ищешь вокругъ, чьи слышишь онъ
 упреки?

Все шихо—сонъ опять его смыкаетъ вѣки;
 Но скоро вновь ему видѣнье предстаетъ,
 Оковы на рукахъ, изъ сердца кровь течетъ:
 „Возстань! не дай мнѣ пашь—спечаетъ—я
 Россія!“

Чеславу сей призывъ,—удары громовыя.
 Онъ съ ложа внѣ себя спремился за копье,
 Сбираетъ весь огонь, все мужество свое,
 Смущается, скорбишь, въ душѣ своей сми-
 ряетъ

Буншующу любовь, и что начашь—не знаешь;
 Но вдругъ вооружась доспѣхами враговъ
 Лепишь изъ хранины, какъ пльнникъ изъ
 Оковъ:—

Въ полуденномъ краю, въ дальнѣйшей ча-
 сли града

Высока естъ гора—песчаная громада;
 Опъ Южныя спраны даешъ она восходъ,
 Воспочной съ облаковъ глядишся въ безднѣ
 водъ.

На гордомъ семь верху опдревле смершь
 уныла

Безмолвное свое селенье учредила,
 И съ гимномъ первый храмъ къ Создашелю
 небесъ

На мѣспѣ лжебоговъ чело свое вознесъ.

Туда возшелъ Чеславъ. Все въ мракъ ушопало,
 Мерцаніе луны чупъ гробы освѣщало,
 Шумѣлъ въ припшворахъ вѣпръ, споналъ хоръ
 вѣщихъ ппиць

И неусыпный червь почилъ внушри гробницъ.

Въ подошвѣ на Днѣпрѣ пороги завывали;

Тамъ молніи вдали изъ за-лѣсу сверкали:

Казалось все бѣды искало возвѣспить.

Чеславъ не можешь скорбь въ душѣ своей
вмѣспить:

Ко гробу онъ своей любезной упадаешь,

И руки вверхъ воздѣвъ: „О Ксенія!—взываетъ,

Возлюбленная дѣнь! услыши ты мой спонь!

Любовь швоя мнѣ пошь назначила законъ,

Чтобъ съ брапомъ я швоимъ во вѣкъ не раз-
лучался,

И свяшо швой завѣтъ до нынѣ соблюдался.

Но ахъ! шеперь сей долгъ мнѣ сердце шяго-
питъ:

Погибель моему отѣчеству грозить:

Проглянешь шолько день, и сонмища суровы

Сей градъ бнущошашъ, повергнушь насъ въ
оковы.“—

Еще своихъ рѣчей Чеславъ не окончаль,

Надъ прахомъ Ксеніи вдругъ камень вспре-
пешаль;

Нѣмъешь вѣшровъ гуль, ошверзся храмъ свя-
щенный

И слышенъ шихій масъ: „Супругъ мой наре-
ченный,

О коемъ не могу забыть 'и въ смерпномъ
снѣ!

Твой спонь меня подвигъ въ могильной пи-
шинѣ.

Когда шебя бѣда опечества смущаешь,
То Ксенія шебѣ, Чеславъ! не воспрещаетъ:

Спасай его, спасай!—Едва произнесла,
Рѣвка послѣдній звукъ прикрапно опдала.

Раздвиглась шемноша, въ бѣвлющемъ хи-
шонѣ

Явилась милой шѣнь, какъ ушро въ небо-
склонѣ;

Ея небесный взоръ Чеслава ободриль,

Просшерся мракъ—и вновь видѣніе сокрылъ.

Уже изъ за-вершинъ' гуспова древня бора

Являла первый лучъ всходящая Аврора.

Исполненный Чеславъ Геройскаго огня

Изъ Кіева лешить на рашныя поля.

Не радоспнѣй женихъ къ невѣстѣ прибѣгаешъ,

Какъ юноша во сманѣ злодѣйскій доспигаешъ.

Съ повѣщенной браздой чрезъ рамо на доспѣхъ

Проходишь онъ полпы ужасныхъ Печенѣгъ;

Языкомъ ихъ гласишь ко всемъ мимоидущимъ:
 Не зрѣлъ ли кто предъ шѣмъ коня его бѣ-
 гущимъ ?

И хитроспью такой спасаясь отъ нихъ,
 До берега наконецъ Днѣпровскаго доспигъ.
 Тамъ быспро съ высопы, опважноспью го-
 рящій

Бросается, плывешь въ спихи водъ шу-
 мящей.

Незапно пучи спрѣлъ отъ тысячи враговъ

Чеслава погубишь взвилися изъ шапровъ.

Едина издали въ хребетъ его сражаешь,

И кровію за нимъ шокъ водный обагряешь;

Но юноша собравъ всю крѣпоспью новыхъ
 силъ,

Теченіе свое по влагъ ускорилъ.

Вошце надъ нимъ свистящъ орудія пернапы:

Къ опечеспву любовь—Герою шверды ланы.

Ужъ кликъ его вшорящъ прошивны берега,

Уже онъ поднялся на красны ихъ луга;

Бѣгушь къ нему шолпой соопчичи въ опрадъ,

Чшобъ слышашъ отъ него о царспвенномъ
 ихъ градъ;

Объемлють, ищущь кровь текущую пресѣчь;
И храбрый Славянинъ сію вѣщаетъ рѣчь:

„Воздвигнишесь на бой, могущіе Поляне! (*)
Водвигнишесь, пока заря еще въ шуманѣ.
Лишь ушрени лучи сшолуцу освѣщаютъ,
На жшеляхъ ея оковы загремятъ.
Безводіе и гладь, осадой причинены,
Свирѣпспвуютъ по ней, какъ Гидры разъ-
аренны;
Тамъ тысячи падушъ народа и Бояръ,
Повсюду люша смерпъ наноситъ имъ ударъ.
Взирая на сіе Елена слезнымъ окомъ,
Со внуками сама въ опчаянши жеспкомъ.
Но ужасъ наконецъ шерпѣнне превозмогъ:
Собравшійся народъ предъ Княжеской черпогъ
Назначилъ своему спраданію границы,
И Кіевъ будешъ зданъ съ возшеспвіемъ ден-
ницы.

(*) Народы обшавшіе по низменному про-
спранспву опъ Чернигова до Кісва, называ-
лись вообще Полянами.

Се дадній край небесь она уже зашишь ;
 Ударыше поскорѣй, о други! въ грозный щипь:
 Да къ граду по волнамъ возбѣишя знамена;
 Да храбро опразимъ поспыднѣй плѣнь опъ
 прона.

Страшишьясь ихъ числа? мы въ биввахъ
 рождены;

Мы кровію враговъ опъюна вспоены ;
 Взлелѣяны, взрослые на оспрїяхъ булаповъ —
 Попщимсяжъ, полепимъ, разсыплемъ супо-
 спашовъ.“

При сихъ его словахъ, какъ горный водо-
 падъ ,

„Ко брани! всѣ полки за Препичемъ шумящъ ;—
 „Ко брани! многокращъ въ воспоргѣ повпо-
 ряющъ ,

И съ дровъ свои щипы со щлемами срывающъ.
 Въ минушу пронеслось по дальности полей
 Звучанье мѣдныхъ шрубъ, булаповъ и брони;
 Спенаешъ Днѣпрскій брегъ, суда одушеви-
 лись ,

И скоро за рѣкой зашишники явились.

Тупь рашь лепишь на рашь, удариль мечь
объ мечь,

Возглася люша брань, шокъ крови началъ
щечь,

Россiяне вездѣ, какъ мощны великаны,

Противниковъ разяшь, наносяшь пшажки раны,

Уже они бѣгутъ укрышья въ ближній лѣсъ,

Какъ силамъ ихъ судьба даруешъ перевѣсъ;

Дружнѣе обращайся къ Полянамъ восхищен-
нымъ

На часши ихъ сѣкушь со взглядомъ воспалиен-
нымъ.

Въ то время: „О друзья! мужайпесь, побѣ-
димъ!“ —

Возкликнули Чеславъ и Прешичъ ко своимъ.

„Мужайшесь!“ со стѣнъ сно гласовъ опозва-
лось.

И въ войскѣ: „побѣдимъ!“ поржешвенно
промчалось.

Кидаются межъ пѣмъ Герои въ самый пылъ.

Тамъ Прешичъ цѣлый кругъ злодѣевъ раздро-
билъ;

Здѣсь грознымъ осприемъ Чеславъ ихъ разсѣ-
каешъ

И храбростью въ Полянъ безстрашіе все-
ляешь.

Слѣсненные враги препенушь, возмечшавъ,
Что съ воинствомъ своимъ подходишь Свя-
тославъ ;

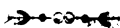
Волнуются, бѣгутъ, собираются обратно ;
Противились—и вдругъ оставивъ поле рашно,
Сомнѣнной предпочтя побѣдѣ жизнь одну,
Побѣгомъ ко свою спасающся спрану.

Тогда сполнца всѣ врага свои опкрыла ;
Россійска храбра рашь съ вождемъ въ нее
вспунила ;

Княгиня, Княжій домъ, Бояре и народъ
Спокрашнымъ кликомъ вдругъ привѣспивуюшь
сей входъ.

Но Прешичъ указавъ народу на Чеслава:
„Ему сія хвала! спаслася имъ держава!“
Воскликнуль, и вездѣ раздался громкій гласъ:
„Чеславъ освободиль опечештво и насъ ;
Онъ жизнь намъ возврашилъ!“ Въ сихъ чув-
спвіяхъ опрады

Несушь къ его спопамъ несчешныя награды ;
Торжешвенный вѣнецъ чело его облекъ ;

Признательность ему: гоповинъ новый вѣкъ
 Богатство, славу, честь, — Увы! судьба
 уныла!

Бросается Ирой въ объятія Радвила;
 Въ груди его весь духъ спѣсняется ошъ
 ранъ

И скоро кончилъ дни спасишель Кіевлянъ.

О жертва своя опчизны добровольна!

Забвенья люпый мракъ, пучина лѣшь бездонна

Не можешъ никогда швой подвигъ погловишь!

Тебя Россіанъ родъ великимъ должень чшисшь,

Доколѣ славныхъ дѣлъ преданія предляпся,

Ты будешъ, другъ Славянъ! въ сердцахъ бла-
 гословляпсья!

И можно ли забышь Опчешству шого,

Кшо жизнь свою на смерпшь мѣняешъ для него!

Е. Люценко.

П Ъ С Н Ъ

На могилѣ павшихъ за Отечество,

Сокрылся день и ночь мгновенно
На крыльяхъ мрака принеслась ;
Съ земли поднялся парь сгущенной ;
Ревущая рѣка лилась
Съ горы увѣнчанной древами ;
Лѣса густой шумань повиль ;
Носился гуль между холмами ,
И въспрь въ ущельяхъ грозно выль .
Лишь мѣсяць — ночи снѣжь унылой —
Одинъ, какъ, сирота, свѣпиль
Надъ возвышенною могилой ,
Надъ холмомъ павшихъ ранныхъ силъ .
Онъ освѣщаль усердья жертвы ,
Что за Царя и край родной

Со вѣрой въ сердцѣ пали мершвы,
Ударъ пріемля роковой.

Спокойствомъ чела ихъ блискающъ,
Подобяся лицу морей,

Какъ грозны бури упирающъ

И вѣпръ не хмуришь водъ зыбей.

Тамъ — Вишязь, дряхлостью согбенный,
Подпершись слабою клюкой

Сидишь, печалью удрученный,

Смотри на падшій рапный спрой:

Власы сѣдые вѣпръ взвѣваешь,

Слеза спруишься изъ очей;

Несчастный шажко воздыхаешь:

Троихъ онъ ищешь сыновей.

Надеждой сладкою питаешься,

Не столь опчаянъ былъ въ пущи,

Когда, ко шрупамъ приближаясь,

Не мнилъ межъ ими чадъ найши.

Но вдругъ ихъ мершвыхъ обрѣшаешь!

Увы! надежды лучъ угасъ.

Спрадалецъ кровныхъ собираешь

И пихій возсмаешъ гласъ :
 Такъ! сердце наше въшунъ несчастный;
 Я слышалъ ночью на спѣнахъ
 Оружья предковъ громъ ужасный;
 И звуки арфы на струнахъ.
 Мечпы въ умѣ моемъ полпились:
 Вдругъ чадъ моихъ внимаю сонъ;
 Предчувствія въ душѣ носились ;
 Я съ ужасомъ покинулъ сонъ.
 И се, сбылись мои видѣнья!
 Лишень подпору чадъ моихъ.
 Но я не буду безъ призрѣнья ;
 Опечесиво замѣнишь ихъ.

О вы, надмѣнные владыки!
 Чшо значишь слава вашихъ дней?
 Вы лишь щеславіемъ велики ;
 А подвиги — сей сонъ спраспей,
 Какъ шаръ на воздухъ горящій,
 Свѣпящійся сквозь ночи мракъ,
 На время въ ужасъ приводящій
 И исчезающъ какъ призракъ.

Опустошая цѣлыя страны,
 Рвкою льется смертныхъ кровь,
 Нанесши тяжкія имъ раны,
 Приобрѣтешель ихъ любовь? —
 Такъ, ваши имена забудушь;
 И Барды въ пѣсняхъ вѣковыхъ
 Тирановъ прославяшь не будешь;
 Ихъ лиры — славашь лишь благихъ,
 Сего дня власвуйя вселенной;
 Гордишесь славою пустою;
 А завтра — вамъ, о напыщенны!
 Домъ шѣсный будетъ подъ землей,
 Чертогъ злодѣевъ сокрушится;
 Всѣ обелиски упадутъ,
 И камень славы развалился;
 А вѣпры прахъ его снесушь;
 Тронъ дикой заросщешь правою;
 Кичливости сопрется рогъ,
 Такъ низкихъ изверговъ душою
 Всегда караетъ мстящій Богъ!
 Но добродѣшель гдѣ на тронѣ,
 Тамъ прочно счастье живешь; —

Гдѣ Ангель благости въ коронѣ,
 Тамъ — капля крови не падешъ ;
 Тамъ — пылью шлемъ лежить покрытый ;
 Тамъ — мечь преобращень во плугъ ;
 Тамъ — старцы, вдовы не забышы ,
 И сиротѣ найдется другъ. —
 Царь добрый, украшая вѣки,
 Пребудеть съ славой живъ въ сынахъ.
 Пускай льда текутъ какъ рѣки :
 Онъ не умреть въ своихъ дѣлахъ.

Но се! печальный гласъ несется
 Во слѣдъ за мертвою пищиной ;
 Рѣка едва изъ урны льется ;
 Умолкъ шумѣвшій боръ гуспой !

Слава! слава! храбрымъ воинамъ ;
 Чадамъ вѣрнымъ грозна Сѣвера,
 Что, увы! съ зарей вечернею,
 При закатѣ солнца краснаго,
 За Царя и Церковь Божию
 И за славу землю Рускую
 Пали мертвы на сырой землѣ ;

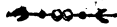
Какъ опъ бурн палъ весенній знакъ!
 Вы жь утѣдшьшесь потерывшіе
 Кровныхъ сердцу и друзей своихъ:
 Ихъ, счастливицы! славной смернцю
 Избѣжали мы неволи злой,
 Не брячимъ цѣпями пляжкими
 Подъ ярмомъ иноплеменника;
 Но спупаемъ по родной землѣ
 И роднымъ мы дышемъ воздухомъ.

Такъ, попомки надъ могилою
 Убиенныхъ храбрыхъ Вишязей
 Не пирамиды роскошны здѣсь,
 Не колонны возвышенныя,
 Имъ воздвигнушь въ память вѣчную;
 Но положашъ камень просшь и бѣлъ;
 А на камнѣ да предспавяшся
 Не шрофеи, — но зелень вѣнокъ;
 Посреди вѣнка щипъ серебряной;
 Средь щипа же сердце червлено;
 Среди сердца золошой свашъ крестъ.
 Пущь пришлецъ изъ края чуждаго,

Поклоняся праху доблестныхъ ;
Соплеменникамъ повѣдаешь ;
Что былъ камень надъ усопшими
Означаетъ непорочность ихъ ;
Золотой крестъ — вѣру истинну ;
Сердце червлено — любовь къ Царю,
За него ихъ проліяну кровь ;
Щипъ серебрянъ — крѣпость, мужество ;
А зелень вѣнокъ — честь вѣчную.

Соберись, дѣвы юныя!

Вкругъ холма сего священнаго;
Изукрашайте, о любезныя!
Вы цвѣтами мавзолей драгой.
Вы пѣвцы, Бояны Рускіе !
Вы ударите по злымъ спрунамъ,
И воспойте пѣснь побѣдную.
Какъ роса цвѣшны увядшіе
Прохлаждаетъ въ зной полуденный,
Такъ священны пѣснопѣнія
Услаждаютъ сердце горестно. —

Спите мирно, храбры Виязи!
 Скоро, скоро заря упрення
 Изъ за-синихъ горъ покажешся,
 Скоро солнце освѣтитъ вашъ грѣбъ.

Но се, свѣсило дня блиспаешъ!
 И упреннымъ лучемъ своимъ
 Бершины горды позлащашъ;
 Уже надъ холмомъ гробовымъ
 Трава гуспая зеленѣшъ;
 Вдали ручей спремился съ горъ. —
 О пы, — Кѣмъ духъ мой пламенѣшъ,
 Кого встрѣчаешъ всюду взоръ,
 Кто правымъ, вѣрнымъ Покровишель!
 Услышь къ Тебѣ молящій гласъ:
 Будь вѣкъ Россіи Ты хранишель,
 Которую ошъ бѣдсвѣй спасъ! —

А. Н.....ъ

СЪТОВАНІЯ ЕЛЬВИРЫ.

(ПОДРАЖАНІЕ ГЕЮ.)

'Twas when the seas were roaring —

With hollow blasts of wind. etc. —

Шумѣль порывисто въспрѣ ярый,
Гналь бурно море изъ береговъ,
И грома сшрашные удары
Разили древнихъ рядъ дубовъ;
Дубрава мрачна шрепетала.
И мгла сводъ неба покрывала.

При грозной бурѣ и жестокой
Одна Ельвира со скалы
Взирала въ горести глубокой
На шѣ кипящія валы,
Что съ ревомъ въ камни ударялись,
И въ мѣлки брызги раздроблялись.

Ч. I. кн. 2.

17

„Вотъ цѣлый годъ прошекъ, о горе!
 „Какъ я, скитаясь сиротой,
 „Сможду и день и ночь на море —
 „Куда пустился милой мой“ —
 Ельвира бѣдная вѣдала,
 И друга вѣрна ожидала.

„Смирися, Океанъ жестокій!
 „Дай милому безвредный пушъ!
 „О какъ валы швыи высоки
 „Мою приводяшь въ препешъ грудь!
 „Твой видъ для счастливыхъ прекрасенъ;
 „Но для Ельвиры онъ — ужасенъ.

„Богачъ сокровища вырешъ
 „Морскихъ непостоянству вѣдъ;
 „Въ душѣ опчаянъе пишаешь,
 „Спяжанія перья плодъ.
 „Поперяжь друга съ чѣмъ сравнишь?
 „Какимъ богачствомъ замѣнишь?

„Бышь можешь, нищетию лью шокъ слезный!
 „Или надежды лучъ погасъ?
 „Бышь можешь странникъ мой любезный
 „Уже приплыль въ сей самый часъ.
 „Къ брегамъ цвѣшущимъ красотою,
 „Гдѣ льетса золото рѣкою.

„Ужели оны перемѣнились,
 „Оставивъ родину предѣлы?
 „Богатой дѣвой обольстима,
 „И сердцу злано предпочель?
 „Она богашствомъ пустьъ гордится!
 „Въ любви жь со мною не сравнится.

„Но ахъ! почти помлюсь сомнѣваемъ,
 „Напрасно милаго вина?
 „Онъ вѣрно — вѣрно съ восхищеньемъ
 „Лепишь обрадовашь меня;
 „Опасность, бурю презираешь;
 „Подъ кровь родимой поспѣшаешь.

„На что, чудесная Природа!
 „Ты скрыла камни подъ водой?
 „Или на гибель смертныхъ рода
 „Они назначены тобой?
 Такъ дѣва юная взывала,
 И слезы горьки проливала.

Но вопль корабль къ скаль спремился
 Какъ быспрый съ высоты пошокъ;
 Ельвира бѣдная спрашился,
 Чшобъ не поспигъ его злой рокъ.
 Завоешь вѣпръ — она вздыхаешь;
 Волна ударилъ — обмираешь.

И гдѣжь корабль? — Оцъ буря жернва,
 О швердый сокрушень ужасъ,
 Ельвира милаго зришь мертва,
 И свѣшь въ очахъ ея начесть,
 Какъ лилія главу склонила,
 И море спало ей — могила.

А. Боровковъ.

ТРИ БРАТА ИСКАТЕЛИ СЧАСТІЯ.

С К А З К А

Оймось, Ойлемонь и Ойлонь, шпри брата,
шпри паспыря,— спудо

Въ шихой долинь пасли; не послали имь боги
богашства:

Спудо, свирѣли, шалашь: все добро, все на-
слѣдье ошь предковъ! . . .

Юности ранніе дни, какъ волшебные сны,
пронеслися:

Зрѣють желанья въ груди и мечшы ихъ умы
взволновали:

Славой Ойлемонь плѣненъ; все гремящія биш-
вы, все лавры

Только и видишь онъ днемъ и въ спокойномъ
безмолвіи ночи;

Зыби морскія Ойлонь возлюбилъ и, предавшись
имъ сердцемъ,

Весело, въ мысляхъ своихъ, по лазоревой вла-
 гѣ кристальной
 Плыль и лешвъль! . . . Видѣшь свѣшь и коры-
 стей и золота жадный,
 Счасще съ богатствомъ найди, онъ хошвъль
 непременно!—безумецъ!
 Золошу съ счасльемъ души мудрено уживашъ-
 ся! . . . Ахъ, часпо
 Часпо надъ златомъ сидашъ и на злато
 льюшъ горькія слезы! . .
 Други! корошкѣй напъ въкъ золошисся лю-
 бовью и дружбой!—
 Филосу въ шайнѣ опирль 'по самъ Зевсъ,
 докровищель смиренья.
 Старшійе брашья въ пущи, а юнѣйшій гдѣ
 жилъ, шамъ оспался . . .
 Съ длиннымъ въ десницѣ копьемъ и въ гремя-
 щемъ доспѣхъ красуясь
 Шлемомъ; съ мечемъ на бедрѣ и шума и бли-
 ская Филемонъ,
 Быстро въ сосѣдни края, гдѣ война, воспы-
 лавъ, загремѣла,
 Шесшвуецъ; вскорѣ въ поляхъ шумъ и ро-
 пошь ошь шопоша коней
 Строи на строи пошли.. И шьма спрѣль
 вверхъ какъ вихрь понеслася;

Тяжко вздымала земля и мечи о мечи сокру-
шались;

Копья ломали, жужжа и прещали щипцы . . .
Тутъ Оилемонъ

Славой и кровью накрывъ, бой окончилъ; но
рокъ посылаетъ

Смерть!!! . . . Копіемъ прободенный онъ валь-
днѣ и его родинѣ вспомнилъ.

Поздо онъ вспомнилъ о ней! . . . А межъ шѣмъ
ужь навлажныхъ пущыняхъ

Оилонъ спокойно зреть водъ и волненье
То яснымъ зеркаломъ

Кажутся бездны; но вмгъ, вмгъ запынися!
спрачно подъ бурей!

Въпрямъ испоргнися изъ горъ и распоргниувъ
преграды гранисны

Волны на волны валащъ и кипящей ихъ пѣ-
ной ввнчающъ! . . .

Съ скрипомъ шасалася онаспъ и въ глубь
бздны корабль погружаясь,

Вновь возникалъ! . . . Но и смерть и вол-
нение ревущей пучины

Оилонъ презрѣлъ: онъ алкалъ лишь богатыхъ
корыстей и злаша! —

Скоро пристали къ спранамъ, гдѣ родятся
и злашо и перлы:

Камни драгіе изъ горы на долины каплясь
съ ручьями.

Филонъ богаиство загрѣвъ и, спяжайной но-
рысшью красуясь,

Жаждешъ возврапа; но, вопль и шумишь и
кипишь—зновь на морѣ

Двинулись бездны! волна, межъ границовъ
хлебещишь;— и буря

Носишь корабль, какъ перо, и то бьещишь, то
вздываетъ, по шопишь! . .

Ночь замѣняешся днемъ; день оиашъ премѣ-
няешся ночью,

Буря шумишь на моряхъ!—И внезапно, при-
брегъ безвѣспномъ,

Спрашннй о камни ударъ; и корабль разще-
пился со прескомъ!

Вопли и споня кругомъ, все погибло! . . Ко-
брегу волною

Съ клокошомъ щоглу клубишь! . . Тупъ за
щоглу хващаетъ Филонъ—

Сильнаго вихря порывъ, вмигъ къ ушесамъ
пол-мершва приносишь.

Филонъ оспадся въ живыхъ; но и жизнь средъ
пустыни безлюдной

Бремя для сердца; одинъ и печалень, воэсѣд-
ши на брегъ,

Тяжко вздыхая спеналь онъ по роднѣмъ
 мой! — О боги!

Слезно взывалъ: «Ахъ смѣтчише вражду раз-
 преннаго рока:

„Дайше увидѣшь мнѣ край, — край бездѣлной
 мой — дѣлспва обипель;

„Родину — родину мнѣ воважите, всемошны
 боги!

„Дайше завидѣшь ее жошь вдали, — жошь
 какъ радугу въ небѣ;

„Дайше увидѣшь жошь дымъ, што надъ ку-
 щами предковъ клубится!

„Вѣспры! повѣйте ко мнѣ онѣ цвѣнуцаго
 брега роднаго:

„Волны! примише мой спонъ и скажигия бре-
 гага гамъ, въ рожденъ я:

„Вдалоя безумецъ мечпамъ, и погибнулъ въ
 спранъ неизвѣспной!

„Шилось услышишь ваша гласъ! — Что въ ей
 Шилось? — Ошавписъ при спадъ,

Тихо спокойно живешъ; онъ далекъ онъ оуенъ
 и воленей: —

Шилось незнапешъ, убогъ; а всегда ли шопъ
 счаспливъ, кто знапешъ? —

Счаспие въ блескъ ль богашспвъ. — Но имвешъ
 богашспиво и Шилось

Види милой Филины оно! . . . О Филена, дочка
 . . . младая неба!

„Радость моя!“ — Так поешь, восхищенный
 . . . Филеную, Филосъ:

„Други мой, вы все мнѣ, приди! Здѣсь веесе-
 . . . лямь воды туляюшь,

„Съ снопомъ плещешь ручей и плещешь
 шумящая пѣна!

„Взянемъ шеплоу вѣсны оживилась филои
 . . . младя,

„Милыхъ, влюбленныхъ пѣвцовъ благовоныя
 . . . лины дѣлюшь:

„Горлицы, нѣжно дѣлюясь, другъ другу про
 . . . радость воркуюшь;

„Тузъ и душистый цвѣшны, и пушистые за-
 . . . лень въ семь долъ;

„Тузъ и людей не видашь! . . . О Филена!
 . . . любовь ихъ боишь,

„Ясно пылаешь заря и алое небо ал-
 . . . ешь!

„Росы спустились въ луга и заискрилось ба-
 . . . серомъ поле:

„Смогла вечерня свирѣль, посмотри ужъ
 . . . шѣмнѣюшь долины,

„Даль заснилась . . . спиши! Ахъ, весеннія
 . . . ночи шакъ крашки! . . .

„Слашъемъ же полны часи и тогда намъ ми-
ръ лъвъ печальныхъ!

„Вопль ужь высоко луна! . . . Пустынь бросаетъ
намъ Цинпія съ неба

„Взгледы зависны; ахъ нѣтъ! И богиня за-
блещетъ свѣплѣ

„Нѣжа чепу молодую . . . Повѣрь мнѣ, что
счастіе смертныхъ

„Небу пріятно;—приди жь! . . . Благовонное
ложе насъ манишь:

„Сладко забышься въ цвѣсахъ, пиховѣйнымъ
лобзаясь Зефиромъ! . .

„Лили пычны лѣлютъ здѣсь очи; а пѣснь
фиомелы

„Чувства и слухъ мой пѣвила! . . съ фіа-
ломъ блаженства небсна

„Нимфѣ Эилена подобна, спѣщи!—Вопль идешь!
. . . Ахъ она ль-по?—

„Шелестъ и шумъ . . . вижу пѣнь . . . ю зна-
комая пѣнь мнѣ мелькаетъ!..

„Сердца по сильну бѣнью, по пѣни, по по-
сшупи легкой,

„Другъ мой, узналъ я себя!“ — Такъ, любовь
выражаючи въ пѣсняхъ,

Эилось супругу встрѣчалъ! . . . Но могуть
описать ихъ блаженство?..

Шопшъ плесканье ручьевъ и вокругъ говоръ
ворующихъ горлицъ,

Сонъ къ нимъ ведешь; а съ зарей соловьиные
свисты ихъ будяшь;

Сырасины, счастливы всаюшъ! — И высо-
кому небу, пенапамъ,

Моляшя оба, а шамъ—шамъ о снадъ и шопъ
и другая

Порознь хлопчуть, но съ пшмъ, чпобъ имъ
плодъ опъ прудовъ былъ умвспной,

Вошъ заскрыпли вороша, лъниво и мърно
спунаюшъ.

Тучны вола; а попомъ вдруть толкаясь, шес-
няшя овечки

Съ громкимъ блъяньемъ впередъ, и пасутся
въ прохладъ; но въ полдень

Зноя боясь; следкомлечныя кровы влекушя
къ дубравъ.

Томко, съ прошяжнымъ мычаньемъ; а другъ
передъ друтомъ проворно

Къ машкамъ ягнячки бѣгуть . . . У журча-
щихъ ключей залегаюшъ . .

Филось же съ милой своей подъ навъсисной,
млечной черемхой

Счастливиъ, не вѣря, чпо ешъ и чпо можеть
бышь счастье иное! —

Оилось съ Оиленой шакъ жиль! ... Такъ два
юные пальма сплѣшаясь

Въ сѣни прохладной лѣсовъ, при серебряномъ
зеркальнѣи пока,

Долго, спокойно цвѣшуть! ... И гроза, низ-
вергающа кедры,

Зноя палящи лучи неопасны пуспынникамъ
милымъ! ...

Благо шому, кто въ ниши проживешь небо-
гашъ, но покоенъ!

Счастья въ далекихъ спранахъ и богатствъ
за морями не ищешь!

(Счастье, повѣрьте, само въ шалашѣ шихо-
молкомъ заходитъ! ..)

Низкихъ свободенъ спрасшей, позлащеннымъ
кумирамъ не служишь:

Сердцемъ же преданъ добру, всѣмъ и брашъ
онъ и другъ и помощникъ:

Онъ-шо богатъ и счастливъ и ему да поешъ
моя лира!

Федоръ Глинка

ПРИХОДЪ И РАСХОДЪ ДЕНЕГЪ.

Медленно, въ пошѣ, въ прудахъ, доспаемъ
мы звѣняющія деньги

Плугомъ, шоргами, мѣной; или съ спрашнымъ
усильемъ подъ землю

Входы опкрывъ, извлекаемъ блестящія руды
и плавимъ....

Вошъ какъ лѣниво, съ прудомъ, и нескоро къ
намъ деньги приходятъ!

Толькожь пришли,—и въ пошѣ мигъ, какъ изъ
спарова невода рыба,

Рвущся — шуда и сюда; хоть держи не держи — все напрасно:

Точно вода въ рѣшеть!... Изъ подъ пальцевъ,
сквозь пальцы, ныряя,

Въ разсыпъ бѣгутъ и лешають и, разсѣясь,
какъ дымъ исчезають!....

Ө. Глинка.

СОЛНЦЕ И РАДУГА.

Васильевъ БАСНЬ.

Различными цвѣтами
Сіяла Радуга подъ облаками,
И всякъ хвалилъ и удивлялся ей;
Но похвалою сей
Она чрезмерно возгордилась,
И столь превозносилась,
Что спала всѣ планеты оуждашь,
И солнце презирашь.
„Что значишь ты передо мною
„Съ своей ничтожной красою?“
Сказала Радуга, вспуивши съ Солнцемъ въ
споръ,
И бросивъ на него презрѣнья взоръ;
„Доспоишество пвое все въ помъ, что согрѣ-
ваешь
„Да чуть сквозь облака мелькаешь —
„И по однимъ и тѣмъ же все лучемъ;
„Межъ тѣмъ, какъ я различными цвѣтами,
„И палевымъ огнемъ,

„Подъ сизыми сією облаками.“ —

„Гордись, гордись своей красой,

„Я спорить не хочу съ побой!

Тако Солнце Радугъ сказало. —

(И ахъ!)

Сокрылось въ облакахъ. —

Лишь Солнце скрылося и Радуги не спало!

Какъ часно, Радугъ подобно сей,

Того мы презираемъ,

Кому одолжены бываемъ

Блаженствомъ нашихъ дней.

А. Дуроль.

С М Ъ С Ъ.

*Извлечение изъ сочиненія: „Catherinens
der Grossen Verdienste um die verglei-
chende Sprachkunde, von F. Adelung.
St. Petersburg, 1815. 4. XIV. 210.
(Заслуги ЕКАТЕРИНЫ Великой
въ сравнительномъ языкознаніи)
съ элиграфомъ:*

*La posterité étonnée verra qu'Elle a été née et orga-
nisée pour toute espèce d'Empire, et que par Son vaste
et immense génie Elle est allée à l'immortalité sur toutes
les routes de la gloire.*

Zimmermann.

Твореніе сіе, заслуживающее особенное
вниманіе ученыхъ, издано Г. Аделунгомъ
еще въ началѣ 1815 года. Мужъ сей, съ
давняго времени извѣстный въ ученое

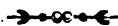
свѣтъ знаніями и шрудами своими, собралъ множество драгоценныхъ предметовъ для составленія полной исторіи сравнительнаго словаря и для новаго сочиненія онаго; — предпріятіе великое, ибо оно раскрываетъ подвиги Безсмертной **ЕКАТЕРИНЫ** на пользу просвѣщенія, подвиги, приносящіе плоды человечеству. Великій духъ сей Монархини во всемъ блескъ являешся въ разсмашиваемомъ нами швореніи, которое почестъ можно новымъ для Нее памяшникомъ. Сочинитель въ посвященіи сей книги **ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ** говоритъ, что подноситъ Ему листокъ изъ бессмертнаго вѣнка Великой Ея Прародительницы. — Кто цѣнитъ не одинъ успѣхъ, но и сильное рвеніе ко благу человечества въ предпріятіяхъ Владыкъ вселенныя, шопъ найдетъ въ семъ произведеніи шуже величіе, которымъ ознаменованы и прочія Ея дѣянія.

Сшремленіе къ общей пользѣ руководствовало **Г. Аделунга** при изданіи сего со-

чиненія, которе напечатано иждивеніемъ знаменитаго покровителя наукъ, Его Сія-тельства Графа Николая Пешровича Ру-мянцова, и которе въ чужихъ краяхъ принято съ живѣйшимъ участіемъ 1).
Сообщая извлеченіе изъ онаго чинаше-лямъ нашимъ, мы покажемъ, кто изъ уче-ныхъ въ Россіи мужей, занимался изслѣ-дованіемъ языковъ до изданія Сравни-тельного Словаря, попомъ приступимъ къ исторіи составленія, разбора и влія-нія его на занятія сего рода во времена послѣдующія и наконецъ сообщимъ извѣ-стія о трудахъ новѣйшихъ языкоизслѣ-дователей.

Мысль о соединеніи всѣхъ языковъ земнаго шара въ одно цѣлое, дабы пояс-нить изъ шого происхожденіе, связь и переселенія народовъ, столь обыкновенна,

1) Сужденія о семъ швореніи видѣшь мож-но въ *Jenaische Allgem. Litt. Zeit.* 1816, Juli No 130. *Leipziger. Litt. Zeit.* 1816, August. N. 130. *Hallische Allgem. Litt. Zeit.* 1816. September. N. 224. *Wiener Allgem. Litt. Zeit.* 1816. September. N. 224.

что уже съ давняго времени занимала ученыхъ всѣхъ странъ. Но она могла приведена бытъ въ дѣйство съ нѣкошорымъ успѣхомъ тогда только, когда по возстановленіи общей безопасности, познанія о народахъ болѣе распространились путешесвіями и когда съ возрожденіемъ наукъ пробудилась также любовь къ изслѣдованіямъ сего рода 2). Однако сіи многотрудныя предпріянія о сравненіи

2) Ранніе о семъ опыты довольно извѣсны изъ Mitridates, изъ швореній Эйхгорна и другихъ писателей. Монархи Россійскіе наиболѣе способствовали къ обогащенію познаній о народахъ и ихъ языкахъ. Пётръ Великій бесѣдовалъ съ Лейбницемъ о познаніи челоуѣчества, что можно видѣть въ письмахъ сего Философа изъ Вѣны отъ 26-го Октябрия 1713, и изъ Цирмонпа отъ 22 Іюня 1716 годовъ. Сіи драгоцѣнныя письма ясно доказываютъ, что успѣхамъ въ языкознаніи положено первое основаніе распространенія Слова Божія во всѣхъ концахъ свѣта и польза сихъ успѣховъ изліялась шокмо въ наши времена учрежденіемъ Россійско-Библейскаго Общества.

языковъ, долго оспавались несовершенными по причинѣ великихъ и нераздѣльныхъ съ ними препящствій, пока удивленный свѣтъ не получилъ въ концѣ прошедшаго столѣтія шворенія Безсмертной Екашерины. До сего времени, одни изъ ученыхъ спарались обогатиться полезными свѣдѣніями, пушешествуя какъ по Россіи, такъ и внѣ оной; а другіе посвящали жизнь свою на усовершенствованіе Русскаго слова и на изученіе языковъ нѣхъ народовъ, которыя обитають въ пространномъ опечесствѣ нашемъ.

Таковыя пушешествія служили предугоповленіемъ къ изданію сочиненія, въ пользу коего ни кто не усумнился. Мужи съ отличными дарованіями пріѣзжали изъ иноземныхъ Государствъ въ Россію и, обозрѣвая оную, много содѣйствовали успѣхамъ просвѣщенія.

Первый пушешественникъ какъ по своимъ замѣчаніямъ вообще, такъ и особенно по множеству собранныхъ имъ

опышовъ о языкахъ былъ *Николай Витзенъ* 3), который находился въ Россіи съ 1666 по 1677 годъ и занимался сравненіемъ языковъ Средней и Съверной Азіи, бывшей тогда еще въ совершенной неизвѣстности. Твореніе, надъ коимъ прудился онъ двадцать пять лѣтъ, обрашило вниманіе Пешра Великаго: оно издано было вновь въ 1706 году; но оспалось почти забытымъ. За симъ послѣдовали ревностныя изыскашели *Штраленбергъ*, *Мессершмидтъ*, *Шоберъ*, *Патронъ Бауданъ*, *Фишеръ*, *Миллеръ*, *Дюмарескъ* и *Бакмейстеръ*. оказавшіе Россіи великія услуги въ исторіи и собраніи свѣдѣній о многочисленныхъ ея народахъ. Послѣдній изъ нихъ наиболѣ заслуживаетъ вниманіе и уваженіе; ибо онъ первый съ основательно-

3) Подробныя извѣстія о Витзенѣ находятся въ *Samml. Russ. Gesch.* (Миллера) В. I. S. 196. В. VI. S. 29. и въ сочиненіи Аделунга въ *Mitridates*. В. I. S. 660—662.

спію началъ приводишь въ исполненіе высокую мысль о сравненіи всѣхъ языковъ вселенныя. Изданнымъ въ 1773 году и переведеннымъ на разные языки сочиненіемъ подъ названіемъ: *Idea et desideria de colligendis linguarum specimenibus*, пригласилъ онъ къ содѣйствію ученыхъ всѣхъ иносѣанныхъ державъ, опъ чего языкознаніе въ послѣдствіи времени получило немаловажные успѣхи. Бывшій тогда Иркутскій Губернаторъ Генераль *Клитка*, *Рюдигеръ*, *Елисколь Дамаскинъ*, *Бюшингъ*, *Іеригъ*, равно какъ и путешествовавшіе Академики наши *Гмелинь младшій*, *Фалькъ*, *Лелѣхинъ*, *Георги*, *Гюльденштедтъ* и *Палласъ*, содѣйствовали просвѣщенію не токмо одними учеными замѣчаніями, но и опытами о языкахъ нѣхъ народовъ, копорыхъ они посѣщали.

Таковыя предугошовительныя средства побуждали болѣе и болѣе къ издаванію общаго всѣхъ языковъ словаря. Каждый занимающійся предметами сего рода,

спарался присоединяющъ изслѣдованія свои къ изысканію другихъ 4).

Сама Екатерина Великая, знаменитая покровительница наукъ, спремилась къ исполненію сихъ великихъ предначертаній. Обнявъ вдругъ языки всѣхъ народовъ и чрезъ сравненіе оныхъ обогатила исторію и прочія познанія человѣческаго, — составила какъ бы Музеумъ для всѣхъ временъ, — мысль сія была достойна Самодержицы Государства, ко-

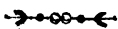
4) Здѣсь упомянемъ также о знаменипомъ изслѣдователѣ Русскихъ древностей Гунманѣ, который объявляетъ въ письмѣ своемъ къ Бакмейшеру изъ Галле опъ 18-го Маія 1775 года, что *вторая часть Восточныхъ его изслѣдованій* совершенно изготовлена и вскорѣ напечатается. Она содержитъ исторію Грековъ, Гошеовъ и Генуэзцевъ, въ Крыму обитавшихъ, и исторію Индійской торговли по Каспійскому и Черному морямъ и плѣхъ народовъ, которые жили около Чернаго моря. Къ сожалѣнію сія изслѣдованія не вышли въ свѣтъ и ученые не имѣютъ о нихъ до сихъ поръ никакого свѣдѣнія.

торое заключаешь въ себѣ, такъ ска-
зашь, особый міръ народовъ и языковъ 5).
И гдѣ оцущипельнѣе можешь быть
польза, опъ изданія подобнаго шворенія
произшекающая, какъ не въ Россіи, гдѣ
говорятъ на *сто* языкахъ и нарѣчіяхъ,
соспавляющихъ почти седьмую или ось-
мую часъ всѣхъ намъ извѣспныхъ 6).

Но какія непреоборимыя запрудненія

5) Краузъ въ своей рецензій на Сравни-
тельный Словарь въ *Allgem. Litt. Zeit.*

6) Никшо еще не занимался языкопознаніемъ
въ опношеніи къ нашему ошечеству. Можешь
быть, говоришь Г. Аделунгъ, я нѣкогда издамъ
Ашласъ всѣхъ языковъ, въ Россіи упошребля-
емыхъ, для коего собираю уже нѣсколько лѣтъ
машеріалы. До сего времени ни одинъ народъ
не можешь похвалиться шаковымъ сочинені-
емъ и ни одинъ не можешь имѣть споль пол-
наго произведенія въ семь родѣ, какъ народъ
Россійскій. Однако шаковое намѣреніе можешь
исполнено быть шокмо посредспвомъ соеди-
ненія многихъ любипелей подобныхъ изслѣдо-
ваній. При начерпаніи перваго плана его, не-
забвенный Лербергъ обѣщался въ семь шрудѣ
принять учасшіе.

впрѣшила Она на пуши своемъ и какую спезею доспигла своего намѣренія, сіе видѣшь можно изъ письма Ея къ Циммерману опъ 9-го Маія 1785 года 7).

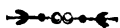
— „Votre lettre m'a tiré de la solitude dans laquelle près de neuf mois je m'étois presque confinée et dont j'ai eu de la peine à sortir. Vous ne vous douterez guères de ce que, j'y faisais; pour la rareté du fait je vous le di-

— „Ваше письмо извлекло Меня изъ того уединенія, въ кошорое Я девять мѣсяцевъ была погружена и опъ кошораго едва могла освободиться. Вы не опгадаете, въ чемъ состояло тогда Мое занятіе, и я раскажу объ ономъ только

7) Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Catherina II und mit dem Hrn. Weikard. Nebst einer Anzahl Originalbriefe der Kaiserin. Von Markard. Bremen 1803. 8. S. 309. — Чувствуя, что мы не будемъ въ состояніи перевести онаго въ почтоси и съ сохраненіемъ всѣхъ его совершенствъ, рѣшились сообщить чашащеламъ нашимъ и самый подлинникъ.

rai. J'ai fait un registre de deux à trois cents mots radicaux de la langue Russe; ceux-ci je les ai fait traduire dans autant de langues et jargons que j'ai pu trouver, le nombre déjà en dépasse la seconde centaine. Tous les jours je prenois un de ces mots et je l'écrivais dans toutes les langues que je pouvois ramasser. Ceci m'a appris que le *Celte* ressemble à l'*Ostiaque*. Que ce qui veut dire *ciel* dans une langue signifie *nuage, brouillard, voûte*, dans d'autres. Que le mot *Dieu* dans de certains dialectes

по рѣдкости. Я составила реэспрь ошь двухъ до шрехъ сошь коренныхъ Русскихъ словъ, копорья велѣла перевесшь на сполько языковъ и нарѣчій, сколько могла ихъ найши: ихъ уже болѣе двухъ сошь. Каждый день писала Я по одному изъ сихъ словъ на всѣхъ Мною собранныхъ языкахъ. Сие удосповѣрило Меня въ шомъ, чшо Кельпскій языкъ сходшвуеншь съ языкомъ Ошяковъ; чшо на одномъ языкѣ называешся *небомъ*, шо на другихъ значипшь *облако, туманъ, сводъ небесный*. Слово *Богъ* означаешъ на нѣ-

signifie le très-haut ou le bon, dans d'autres le soleil ou le feu. *Dieses Steckenpferdchens wurde ich überdrüssig, nachdem das Buch von der Einsamkeit durchgelesen war.* Mais comme cependant j'aurois eu du regret de jeter au feu une si grande masse de papier; la salle de dix toises de long, que j'habitois en guise de cabinet dans mon hermitage, étoit d'ailleurs assez chaude, je fis prier le Professeur Pallas de venir chez moi, et après la confession exacte de ma part de ce péché, nous sommes convenus, de rendre par l'impression ces traductions utiles à ceux,

копорыхъ нарѣчїяхъ *Всевышняго* или *Благаго*, на другихъ *солнце* или *огонь*. Наконецъ, когда Я прочитала книгу объ уединеніе, занятіе сіе мнѣ наскучило. Жалѣя однако бросить въ огонь такое множество бумагъ, — при шомъ и зала въ десятишь саженой длины, копорая служила Мнѣ кабинетшомъ въ моемъ Эрмишажѣ, была довольно шепла, — призвала Я Профессора Палласа и сознавшись ему совершенно въ моемъ прегрѣшеніи, согласилась съ нимъ напечатать сіи полезные

qui auroient envie de s'occuper de l'ennui d'autrui; on n'attend plus pour cet effet que quelques dialectes de la Sibérie Orientale. Y verra, ou n'y verra pas qui voudra, des choses lumineuses de plus d'un genre, cela dépendra de la disposition d'esprit respective de ceux qui s'en occuperont, et ne me regarde plus du tout.“ —

переводы и издашь ихъ для употребленія шѣхъ, кошорые пожелають воспользовашься скукою другихъ. Къ исполненію же сего предпріятія недоспаешъ только нѣсколько нарѣчій Воспочной Сибири. Захочешъ ли кто въ шрудѣ семь найши объясненія разнаго рода, — эшо будешъ зависѣшь опъ расположенія шѣхъ, кошорые имъ займушся; до меня же эшо совсѣмъ уже не касается.“ —

Такимъ образомъ Екаперина Великая въ 1784 году положила начало къ изданію Сравнительнаго Словаря всѣхъ языковъ 8), и для совершенія сего много-

8) Паласъ въ 1809 году подарилъ всѣ свои сочиненія, до языкознанія относящіяся, Г. Аде-

шруднаго подвига, избрала Она жившаго тогда въ Берлинѣ и славившагося ученостію своею *Фридриха Николаи*, который кромѣ множества собранныхъ имъ по сему предмету свѣдѣній, написалъ въ слѣдующемъ году по повелѣнію Императрицы *общее обозрѣніе всѣхъ языковъ вселенныя* 9). Превосходное и понынѣ еще не напечатанное твореніе сіе хранился въ Библіотекѣ Императорскаго Эрмитажа. Съ таковыми предуготовительными сочиненіями Екашерина обратилась къ

лунгу, которому предъ симъ благопріятный случай доставилъ и Бакмейсеровы записки по сему же предмету. Въ числѣ первыхъ получилъ онъ подлинныя письма Екашеринны Великой и помянутый реэспрѣ, составленный для Словаря всѣхъ языковъ.

9) *Tableau général de toutes les langues du monde avec un Catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues, et des principaux livres, qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur Etymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. I. l'Impératrice de toutes les Russies.*

Палласу; предоставивъ ему изданіе въ свѣтъ всѣхъ собранныхъ матеріаловъ. Палласъ тогда же извѣстилъ ученыхъ о скоромъ появленіи единственнаго шворенія 10). Въ послѣдующемъ 1786 году издано въ Санктпетербургѣ небольшое сочиненіе 11), долженствовавшее служить руководствомъ къ сравненію языковъ. Сіе сочиненіе разослано было по всему Государству и въ то же время доставлено къ посланникамъ Россійскаго Двора и многимъ ученымъ иностранныхъ Государствъ для перевода, заключающихся въ

10) Объявленіе, сочиненное и изданное Палласомъ 22-го Маія 1785 года было поводомъ къ тому, что многіе иностранные ученые письменно изъявляли ему чувства опличнаго удивленія о семъ великомъ предпріятіи Екашеринны. Достопамятнѣйшее изъ всѣхъ писемъ получено Палласомъ отъ Голландца Кунигама фанъ Генца.

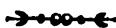
11) *Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues.* (St-Pétersbourg). 1786 in 4.

немъ словъ на разные языки. Губернашорамъ предписано было шакже собрать извѣстїя о языкахъ народовъ подъ вѣдѣнїемъ ихъ соспоющихъ, что ими и было исполнено. Россійскїе посланники, при Европейскихъ Дворахъ находившіеся, равномѣрно спарались споспѣшествовать великому предпрїяшїю, собирая свѣдѣнїя о языкахъ и нарѣчїяхъ шой земли, гдѣ они пребывали. Сверхъ сего помянутое сочиненїе опправлено было изъ Мадрипа, Лондона и Гаги въ Кипай, Бразилїю и Сѣверную Америку. Въ сей послѣдней спранѣ великій *Вашингтонъ* пригласилъ Губернашоровъ Соединенныхъ Шшашовъ къ собиранїю извѣстїй по сему предмешу. Знаменишые ученые всѣхъ земель принимали живое учаспїе въ сешъ дѣлѣ и доспавляли богатыя дополненїя къ Словарю, коего изданїе начашо Палласомъ съ Европешкихъ и Азіяшкихъ языковъ; сдѣлашь же сравненїе Африкашкихъ и Американскихъ обѣщано въ послѣдшвїи времени, поштому что

матеріалы для сего собирались въ отдаленныхъ странахъ. Наконецъ въ 1787 году издана первая часть съ неперпѣнимъ ожидаемаго шворенія подъ заглавіемъ: *Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій; собранные десницею Всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европейскіе и Азіатскіе языки. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ тилографіи у Шнора, 1787 года.* Вторая часть вышла въ 1789 году. Весь Словарь напечатанъ Рускими буквами; ибо онѣ почипались удобнѣйшими для выраженія звуковъ всѣхъ языковъ. Въ ономъ приведены для сравненія 285 словъ, копорыя переведены на 51 Европейскій и 149 Азіатскихъ языковъ и нарѣчій (12).

12) Г. Аделунгъ изчислилъ оныя 285 словъ и показавъ сперва алфавитнымъ, а пономъ системашическимъ порядкомъ самыя языки въ составъ Словаря входящія, приводитъ для примѣра выписанное имъ на всѣхъ языкахъ слово *огонь*.

Такимъ образомъ положено начало сему сочиненію. Европейскіе и Азіатскіе языки были сличены; сравненіе Африканскихъ и Американскихъ должно спровало за симъ послѣдовать, какъ внезапно нѣкоторыя обшчоятельства побудили Императрицу опложить оное на нѣкоторое время. Но вскорѣ попомъ открылся благопріятный случай къ довершенію Ея славныхъ предпріятій. Изъ разныхъ странъ получены богатыя дополнителныя извѣстія о тѣхъ народахъ, коихъ языки не заключались въ изданномъ Ею твореніи. Таковое приумноженіе свѣдѣній, а преимущественно желаніе дополнить Сравнительный Словарь Африканскими и Американскими языками и дать ему возможную степень совершенства, были побудительными причинами къ новому изданію онаго, которое и представлено распоряженію *Федора Янкевича де Миріево*. Ученый мужъ сей переложилъ Словарь на Руской языкъ и не только пополнилъ оный 4 Европейскими

и 22 Азіатскими языками, но присовокупилъ еще 30 Африканскихъ и 23 Американскихъ языка. Однакожь это превосходное и умноженное изданіе, послѣдовавшее въ 1790 и 1791 годахъ, неспособно для употребленія иноспранными учеными и вовсе неудобно къ опысканію словъ по ихъ значенію.

Послѣ втораго изданія Сравнительнаго Словаря, Графъ Безбородко и Палласъ получили къ оному дополненія. Нѣкоторыя изъ нихъ хранятся въ Эрмитажной Библіотекѣ; другія же содѣлались собственностію послѣдняго, а нынѣ находятся у Г. Аделунга, копорый сообщаетъ объ нихъ подробное свѣдѣніе.

Такъ какъ твореніе сіе содѣлало эпоху въ языковнаніи, то и должно спововало оно быть принято съ живѣйшею признавательностію всѣми друзьями просвѣщенія. Жаль однако, что малое только число ученыхъ имѣло случай получить и даже видѣть оное.

Сужденіями о Сравнительномъ Словарѣ занимались *Бакмейстеръ, Краузъ, Бютнеръ, Гагеръ, Рюдигеръ, Добровскій, Фра-Бартоломео, Альтеръ и Вольней*. Изъ нихъ одинъ *Бакмейстеръ* писалъ въ Россіи, и именно въ Санктпешербургѣ. Онъ удосповѣряетъ, что на Рускомъ языкѣ нѣтъ подробнаго сужденія о Словарѣ. Основательнѣйшій и оспроумнѣйшій разборъ онаго написанъ *Краузоль* 13), которъ, излагая пользу сего шворенія, явилъ въ шоже время философическій духъ и обширныя свои знанія, уважаемыя и понынѣ учеными. Сначала предлагаетъ онъ подробное обозрѣніе состава сего Словаря, а попомъ уже переходитъ къ разбору онаго, показывая, что всѣ философическія сравненія языковъ, должны имѣть въ виду обогащеніе

13) Профессоромъ Испоріи и Государствен-
ной Экономіи, умершимъ въ Кенигсбергѣ въ
1806 году. Рецензія его о сравнительномъ
словарѣ помѣщена въ *Allgem. Litter. Zeit.* 1787.
NN. 235—237.

Психологіи и усовершенствованіе исторіи народовъ. Онъ разсмаприваетъ швореніе Екашеріны съ шрехъ споронъ; касашельно *матеріи* (однихъ шолько словъ), *формы* (граммашики) и *круга* (распрощраненія) языковъ. Спрогій разборъ сей былъ споль основашелень, что хощя и не льсшилъ самолюбію сочиншеля; однако Монархія, опдавая полную справедливостъ дарованіамъ и безприспращію Крауза, пожаловала ему брилліаншовый першень въ удощовѣреніе Высочайшаго Ея благоволенія. — Сужденіе знаменшаго изслѣдовашеля и собиращеля языковъ *Бютнера* содѣржавшее, какъ говорящъ, богащя дополненія къ Словарю, препровождено сочиншелемъ къ Имперашрицѣ; но Г. Аделунгъ при всѣхъ спараніяхъ не могъ получишъ объ немъ никакихъ свѣдѣній. — *Гагеръ* изложилъ мнѣніе свое о Словарѣ въ письмѣ къ Палласу 14), кошорое хо-

14) Schreiben aus Wien an Herrn Pallas in St. Pe-

ня и содержишь весьма основательныя и драгоценныя замѣчанія, но къ сожалѣнію писано языкомъ, вовсе недоспойнымъ ученаго человѣка и оскорбляющимъ друзей благоприсойности и добрыхъ нравовъ. Оно было главною причиною того, что Палласъ въ послѣдствіи времени совершенно опказался опгъ сего занятія. Крайне жаль, что въ ученомъ мірѣ, почти спольже прудно опредѣлишь точныя предѣлы свободы, какъ и въ мірѣ политическомъ. — *Рюдигеръ* споль восхищался швореніемъ Екашерины, что хотѣлъ перевести оное на Нѣмецкій языкъ 15). *Вольней* въ своемъ донесеніи Кельпской Академіи 16) явилъ проницатель-

tersburg. Wien, 1789. gr. 4. Vier Bogen. Гагеръ при концѣ своей жизни былъ Профессоромъ въ Падуѣ.

15) Rüdigers neuester Zuwachs der teutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten. S. 233.

16) Донесеніе его напечатано въ Memoires

нось и глубокия свои познанія въ исторіи, древносняхъ, словесности и языкахъ различныхъ народовъ. Отдавая должную похвалу Сравнительному Словарю, онъ полагаетъ главныя его недоспажки въ томъ, что напечатанъ Рускими буквами, что цѣлыя слова сличены безъ предварительнаго сличенія буквъ, и наконецъ, что многіе матеріалы получены были отъ такихъ особъ, копорыя никакаго не заслуживали довѣрія. Вольней предлагалъ Академіи, исправивъ его, издашь Латинскими буквами. Г. Аделунгъ помѣспилъ все донесеніе его и въ примѣчаніяхъ показалъ погрѣшности и несправедливыя сужденія Сочинителя. — *Добровскій* въ 1796 году издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Сравненіе Россійскаго языка съ Богемскимъ*. Въ предисловіи говоритъ онъ о затрудненіяхъ, копорыя сопряжены бывають съ шако-

de l'Académie Celtique, an XIV. и въ Moniteur того же года N. N. 31, 32.

вымъ великимъ швореніемъ, и объ обязанности каждаго ученаго, содѣйствовашь по мѣрѣ силъ своихъ большему онаго усовершенствованію. Сужденіе Добровскаго имѣеть по преимуществу предъ шрудами всѣхъ его предшественниковъ, что онъ зналъ объ части Сравнительнаго Словаря и изданіе Янкевича. Хотя онъ здѣсь и ограничился однимъ только сравненіемъ Богемскаго языка съ Русскимъ, однако разсматривалъ и повѣрялъ также прочія Славянскія нарѣчія, а въ другомъ сочиненіи преимущественно повѣрялъ нарѣчія Люнебургское, Вендское и Кроашское. *Альтеръ* занимался разборомъ Грузинскаго, Полабскаго—Самкришскаго (слѣдуя Фра-Баршоломею) и разныхъ другихъ, большею частию Азіатскихъ языковъ. Сверхъ сихъ разборовъ, еще одинъ, впрочемъ неважный, помѣщенъ въ Allgemeine deutsche Bibliothek 17), гдѣ сочинитель по сдѣланіи нѣкошорыхъ

17) В. LXXVIII. St. II. S. 311 — 333.

замѣчаній, назвалъ Сравнительный Словарь классическимъ сочиненіемъ, служащимъ руководствомъ къ изслѣдованію языковъ и исторіи народовъ.

Но какъ каждый изъ помянутыхъ сочинителей излагалъ свои сужденія о Сравнительномъ Словарѣ различно, дѣлая къ оному дополненія, или исчисляя однѣ только достоинства и недостатки; то не излишне будетъ кажется помѣстить здѣсь общія о немъ замѣчанія.

Всѣ согласны въ томъ, что достоинства Словаря сего велики, что онъ есть первый въ отношеніи богатства и объема своего (universalitæt), и что всѣ до него вышедшія въ семь родѣ творенія, много уступаютъ ему въ обширности плана, въ совершенствѣ состава и въ богатствѣ матеріаловъ; при томъ же онъ сочиненъ величайшею и славнѣйшею Государынею. Таковое обстоятельство хотя и не можетъ быть причислено къ самимъ достоинствамъ сего произведенія; однако безъ сомнѣнія

возвышаетъ понятіе о необыкновенномъ предпріятіи. Всѣ упомянутыя сужденія единогласно утверждаютъ о пользѣ, которую исторія и языкознаніе, каждое въ особенності и обѣ какъ взаимно вспомогательныя науки, могутъ извлечь изъ единого шворенія безсмертныя Екашерины, хотя спрогая криптика и не находить онаго во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ, обнаруживая многіе и важныя ея недоспашки. Всѣ сіи недоспашки исчислены въ сочиненіи Г-на Аделунга, которое содержитъ не одни только матеріалы для исторіи и славы Сравнительнаго Словаря, но также служитъ должно руководствомъ къ новому изданію онаго. Сочинитель, а съ нимъ и всѣ прочіе ученые, почли бы себя счастливыми, когда бы **АЛЕКСАНДРЪ**, Освободитель народовъ, и по сему предмету довершилъ и усовершенствовалъ доспославныя начинанія Великой своей Прародительницы.

Недоспашки Словаря могутъ бышь

раздѣлены на два разряда, одинъ изъ нихъ заключаешъ въ себѣ несовершенства необходимо сопряженныя съ каждымъ сего рода изслѣдованіемъ, а другой содержишь пакія, копорыхъ можно бы избѣгнушь. Послѣднія исчислены Краузомъ 18) и признаны самимъ Палласомъ 19). Онѣ состоятъ 1) въ неполношѣ, 2) въ запрудненіи выражанъ въ почности звуки иноспранныхъ языковъ на своемъ собспвенномъ и 3) въ невозможности найши ученаго, копорый бы одинъ соединялъ въ себѣ всѣ знанія, необходимыя для совершенія такого дѣла. Кромѣ сего еще разные недоспапки замѣчены въ формѣ или соспавленіи обрабопанныхъ маперіаловъ, въ выборѣ оныхъ и въ самомъ содержаніи Словаря.

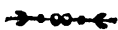
18) Въ рецензіи, помѣщенной въ *Allg. Litt. Zeit.* N. 235 — 237.

19) Смощри предисловіе, писанное Палласомъ 29 Декабря 1786 года къ *Linguarum Totius Orbis Vocabularia comparativa, Augustissimae cura collecta, etc.*

Изъ погрѣшностей перваго рода главнѣйшая есть та, что сравниваемые языки расположены не въ точномъ этнографическомъ порядкѣ и что многіе, какъ по: Сибирскіе, Кавказскіе, Индійскіе и другіе помѣщены безъ связи, которая по замѣчанію Добровскаго не соблюдена даже и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ расположеніи словъ также не всегда наблюдаемъ былъ надлежащій порядокъ; ибо однородныя понятія не рѣдко раздѣлены, а разнородныя соединены вмѣстѣ. Что касается до *выбора словъ*, то должно замѣтить, что въ Словарѣ мало глаголовъ; большею же частію помѣщены имена существительныя и даже означающія такіе предметы, о коихъ многіе народы не имѣютъ понятія, почему въ языкахъ ихъ не достаетъ для сего соотвѣтствующихъ выраженій, такъ напр. различіе въ реченіяхъ *сила, могущество, власть* и проч. Съ другой стороны не достаетъ многихъ словъ, означающихъ предметы извѣстные и самымъ дикимъ народамъ.

Третій и главный недоспашокъ состоишь въ самомъ *сравненіи словъ*, собранныхъ безъ надлежащаго разбора; причемъ мало обращено вниманія на нѣкоторыя языки и нарѣчія, о коихъ безъ зашрудненія можно бы было получитьъ удовлетворительныя свѣдѣнія. Рѣдко наименованы особы, сообщившія извѣстія о языкахъ, или нѣ мѣста, гдѣ они ихъ собирали. Слова писаны то по произношенію, то по правописанію, или совсѣмъ иначе. Мало извѣстныхъ Рускія названія нѣкоторыхъ языковъ не пояснены и не всегда одинаковы; другія напротивъ того помѣщены подъ несвойственными наименованіями. Наконецъ къ симъ погрѣшностямъ должно причислишь и самый недоспашокъ многихъ языковъ и нарѣчій.

Безъ сомнѣнія всѣ показанные здѣсь недоспазки Словаря сами по себѣ весьма важны; но достоинства онаго несравненно ихъ превосходятъ.

Для совершеннаго извиненія сихъ вкравшихся недоспашковъ должно принять во уваженіе и шу поспѣшность, съ каковою сочинялся эшопъ Словарь и нешерпѣніе Монархини видѣшь его довершеніе.

Вольней намъревался перевести Сравнительный Словарь на Французскій языкъ или, лучше сказать, переписать его Латинскими буквами, а Рюдигеръ желалъ переложить его на Нѣмецкій языкъ; но и другое понынѣ невоспослѣдовало и конечно оспанешся безъ исполненія, ибо одно сіе не можешь нынѣ принести пользы языкознанію. Ученые нашего времени ожидающъ инаго: они подобно Палласу желаютъ видѣшь новое изданіе сего несравненнаго и полезнѣйшаго сочиненія. Тогда можно бы избѣгнушь всѣхъ замѣченныхъ погрѣшностей и вообще удовлетворишь справедливымъ требованіямъ крипики въ отношеніи къ сочиненію, кошорому положено шоль славное начало и кошорое въ послѣдствіи времени содѣлалось предметомъ опличныхъ разборовъ

и послужило руководствомъ къ умозрѣнію языковъ, усовершенствованію исторіи и къ описанію странъ и народовъ.

Сужденія о семъ Словарѣ могутъ уже служить яснымъ доказательствомъ, какое обратилъ онъ на себя вниманіе просвѣщеннаго свѣта и сколь значительное вліяніе въ послѣдствіи времени долженствовало оный имѣть на разныя ученые изслѣдованія.

Мы видѣли, какъ знаменитые ученые разсуждали о пользѣ сего произведенія;— и по ту сторону Океана содѣлалось оно предметомъ историческихъ занятій! *Т. Джеферсонъ*, извѣстный Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, предпринялъ отважный трудъ изслѣдовать народонаселеніе Америки 20). Знаменитый *Венъяминъ*

20) Г. Аделунгъ обязанъ родственнику Джеферсона за доставленіе извѣстія, о коемъ по важности онаго, нельзя здѣсь не упомянуть. При завоеваніи нѣкопрыхъ частей Лузіяны въ Новомъ Орлеанѣ, найденъ богатый Архивъ Мексиканскихъ писемъ,

Смитъ Бартокъ въ Филаделфїи, сравненіемъ Азіатскихъ языковъ, находящихся въ Великомъ Словарѣ, съ Сѣверо-Американскими нынѣ спарается доказать родство народовъ, сіи обѣ части свѣта населяющихъ. Твореніе Екатерины извѣстно и въ отдаленныхъ странахъ Восточной Индіи. Тамъ ученый *Макитосъ* вознамѣрился составить Сравнительный Словарь всѣхъ Индійскихъ языковъ, и первыя занятія свои издалъ въ 1813 году 21.) Кто въ точности можетъ показать по вліянію, которое произведеніе Екатерины Великой имѣло на занятія и труды всѣхъ Европейскихъ, наипаче же

который при вторженіи Испанцевъ въ сіи страны, спасенъ Мексиканцами и до сего времени пребываетъ въ неизвѣстности. Джеферсонъ при изслѣдованіи сего достопримѣчательнаго памятника, надѣется получить важныя поясненія по части древней исторіи Америки.

21) Смощи *Asiatic Annual - Register*, London, 1813. Vol. X.

въ Германіи пребывающихъ языкоислѣдователей? Кто можешь исчислишь пользу, которую извлекли изъ онаго знаменитые писатели *Рюдигеръ, Добровскій, Адельунгъ, Фатеръ и Гумбольдтъ?*.... Но не одни иноземцы и признашельные Россіяне спѣшашъ довершишь славныя начала, Екашериною положенныя. Покажемъ здѣсь, кто имянно въ отечествѣ нашемъ занимается изысканіемъ и сравненіемъ языковъ. Первое мѣсто по справедливости заняшь можешь *Императорская Академія Наукъ*, кошорая со дня основанія своего, неусыпно спарается распроспраняшь кругъ познаній о народахъ и языкахъ обширнаго Государства, и уже въ первой половинѣ прошекшаго спольшія, съ великимъ щаніемъ собирала найденныя при Иртышѣ Тангутскія писмена и спрудилась надъ поясненіемъ оныхъ. Также собирала она Кипайскія и Манжурскія рукописныя и печашныя творенія, кошорыя въ одномъ только Пекинѣ находяшся въ такомъ количествѣ и до-

споинствѣ. За симъ слѣдуетъ *Императорская Россійская Академія* и *Россійско-Американское Общество*, коихъ труды заслуживаютъ особенное вниманіе и уваженіе. Изъ частныхъ людей познаниамъ въ языкознаніи были извѣстны: *Густавъ Бергманъ*, *Гаврило Давыдовъ*, *Иванъ Кохъ*, *Кошелевъ*, *Меркъ*, *Яковъ Рейнегсъ*, *Николай Резановъ* и *Антонъ Владыкинъ*. Не лзя опредѣлить числа нынѣ (въ 1817 году) живущихъ въ Россіи языкоислѣдователей; по трудамъ же своимъ достойны замѣчанія слѣдующія особы: *Венѣяминъ Бергманъ*, *Василій Головинъ*, *Ефремовъ*, *Андрей Италинскій*, *Каменскій*, *Юлій Кларротъ*, *Иванъ Кожевинъ*, *Крузенштернъ*, *Лангсдорфъ*, *Герасимъ Лебедевъ*, *Иванъ Леванда*, *Графъ Иванъ Потоцкій*, *Робекъ*, *Мартинъ Зауеръ*, *Александръ Шишковъ*, *Исаакъ Шмидтъ* и *Стевень*.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКА.

*Эвредика лохищенная второй разъ
отъ Орфея. *)*

„Орфей, сидя въ уныніи среди печальныхъ кипарисовъ, играетъ на своей лирѣ. Лавровый вѣнокъ увялъ на главѣ пѣснопѣвца. Орфей поеть:

„Могу ли надѣяшься, боги мрачнаго Оркуса, могу ли надѣяшься, что нѣжная лира моя пронешь еще ваше хладное сердце; что вы, бессмершныя силы, вопрично возвратите мнѣ Эвредиду, милую Эвредиду?

Ядовитое жало змѣи прекрашило юную, весеннюю жизнь ея. Несчастнѣй

(*) Подлинная картина работы Жерарда находится въ Парижскомъ Музеумѣ.

Орфей лиль слезы день и ночь, скипался въ лѣсахъ и пусшыняхъ одинъ съ своею гореспію, одинъ съ своею лирою, мною и печальною. Ея унылые звуки были опзывомъ моего унылаго сердца.

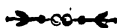
Но скорбь моя не облегчалась; время не могло ушопить ее. Гонимый поскою, я низшелъ въ мрачное царство грознаго Плупона; прошелъ въ гүспые, шемные лѣса, гдѣ вѣчный ужась обипашь, приблизился къ врапамъ ада, къ жилищу оныхъ спрашныхъ боговъ, копорыхъ никогда моленіе смерпныхъ не смягчало. . . . Звуки лиры моей раздались въ глубочайшихъ пещерахъ шаршара, и блѣдныя шѣни изумились. Зміевлася фуріи внимали и чувспвовали сладосп гармоніи; умолкъ призѣвный церберъ и колесо Иксіоново ошановилось.

„Смягчилися жеспокіе владыки ада и возврашили мнѣ любезную. О вошпорг! о блаженспво! шоржеспво любви и гармоніи! — Но гласъ судьбы изрекъ: *страшисъ въ предѣлахъ тартара воз-*

зрѣть на прекрасную: ты снова лишишься ея и навѣки! — Уже приближились мы къ спранамъ свѣша, къ обипелямъ земнородныхъ; уже грозный лай адскаго спража едва, едва доспигалъ изъ опдаленія до нашего слуха. О боги! внезапное движеніе сердца возмутило кровь мою — изрѣченіе судьбы зашмилось въ умъ моемъ — я обрапидь взоръ на Эвредику! Увы! Эвредика исчезла подобно легкому воздушному мешеору! . . .

Тщешно я спремился за нею, щещешно призывалъ любезнѣйшую! Она скрылась съ блестящею слезою, съ умидльнымъ взглядомъ — уша ея не произнесли ни упрека, ни жалобы на ея злосчастнаго убійцу! . . . Ахъ любовь, любовь была моимъ прешупленіемъ! — Вереи ада спрашно заскрыпѣли и врапа желѣзныя зашворились.

„Могу ли надѣяться, боги мрачнаго Оркуса, могу ли надѣяться, что нѣжная лира моя пронешъ еще ваше хладное сердце, что вы, безсмершныя силы,

вторично возвратише мнѣ Эвредиду, милую Эвредиду.

„Нѣтъ! законъ судьбы вѣчень, завѣтъ шаршара подобенъ діаманту непленному, уславъ вышихъ силъ не перемѣняется! — Я возвратился на печальную землю; поскую непрестанно! — Уже слезы изъ глазъ моихъ не льются; лира не улаждаетъ сердца. Нѣтъ для меня радостей въ жизни! Имя любви ужасно моему слуху! — Боги! адскіе боги! въ мракъ шаршара соединише Орфея съ Эвредикой! —

Для объясненія рисунка мы воспользовались прекраснымъ сего произшесствія описаніемъ Н. М. Карамзина, изъ его Аѳинской жизни.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

1.

Общество, издающее Журналь сей, послѣдуетъ извѣстить, какъ описуемыхъ членовъ своихъ, такъ и читателей, что Уставъ, дипломъ и печать онаго удостоены **ВЫСОЧАЙШАГО** утверждения, и что впредь на основаніи Устава сего во всѣхъ актахъ оно будетъ именоваться *Вольнымъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности*, не опуская ни мало оныхъ предположенной цѣли.

2.

Общество сіе, сообразно съ Уставомъ, имѣло инспекшаго Генваря въ 28 день публичное собраніе, удостоенное посѣщеніемъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ и любителей Просвѣщенія, въ которомъ читаны слѣдующія произведенія:

Въ Прозѣ :

Философско - Историческое разсужденіе о поспешномъ ходѣ вообще

Словесности и Вишійства въ собственномъ смыслѣ взяшаго, соч. Д. І. Воронова.

Три письма изъ опрывокъ путешествія по Южной Россіи, соч. П. И. Кепена.

Воспитаніе Исфандіара. Съ Нѣм. В. К. Бриммера.

Въ стихахъ :

Ода Горація къ Августу Цезарю, съ Лаш. А. А. Никишина.

Къ Родинѣ, соч. его же.

Пѣвцу покоренія Сибири И. И. Дмитріеву, соч. Графа Д. И. Хвостова.

Къ Богинѣ любви, соч. В. К. Бриммера.

Къ Соловью съ Нѣм. Н. И. Розенмейера.

Способъ раззориться, сцена изъ Комической Оперы, *Своенравіе*, соч. Пирона, пер. Б. М. Федорова.

Три брапа искашели счастья, соч. О. Н. Глинки.

Басня Фіалка и дубы. соч. его же.

A. Gordon Tynstamit

П Р О З А.

РАЗГОВОРЪ О ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ

между

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМЪ И ХЛАДНОКРОВНЫМЪ.

Хладнокровный.

Кажешся, любезный другъ, вы занимаешесь чтеніемъ; могу ли знать, какую книгу вы читаете?

Чувствительный.

Одну изъ пѣхъ, кошорыя вамъ не очень нравятся.

Хладнокровный.

Сеншменпальняго рода?

Чувствительный

Да.

Ч. I. кн. 3.

21

Хладнокровный.

Какъ можете вы любить произведе-
 нія изспуленнаго разума? Не спорю,
 для нѣкошораго возраста сего рода со-
 чиненія имѣють прелесць; но въ наши
 льша —

Чувствительный.

Сердце мое не соспарѣлось; и я,
 правду сказаць, не желалъ бы шого.

Хладнокровный.

Молодое сердце и старой разсудокъ!
 — Жалю объ васъ, любезный другъ! вы
 вѣрно всегда прошиворѣчите себѣ.

Чувствительный.

Иногда, но и шо не долго. Знаете
 ли, что я въ такомъ случаѣ дѣлаю? За-
 ставляю разумъ молчать и слѣдую серд-
 цу, и — чему вы вѣрно удивитесь — ни-
 когда еще въ помъ не раскаявался.

Хладнокровный.

Но многіе ли согласятся съ вами въ
 разсужденіи сего?

Чувствительный.

Думаю, что не многіе, и вопъ поче-

му: чувствительность противоречитъ егоизму; а егоизмъ есть душа большей части человѣческаго рода.

Хладнокровный.

Справедливо ли пребывать, чтобы величайшая часть людей слѣдовала малѣйшей?

Чувствительный.

Не уже ли и въ такомъ случаѣ, когда малѣйшая права?

Хладнокровный.

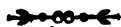
Докажите, что послѣдняя права, и я соглашусь съ вами.

Чувствительный.

Поспѣраюсь — если вамъ угодно будете меня выслушать.

Хладнокровный.

Прежде позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ: вы думаете, что — по крайней мѣрѣ — девять изъ десяти частей человѣческаго рода хорошо бы поступили, если бы послѣдовали примѣру едсятой?

Чувствительный.

Утверждаю это.

Хладнокровный.

Любезный другъ! подумайте о послѣдствіяхъ. Чшобы изъ того вышло, еслибъ каждый человекъ, не довольствуясь обыкновенною способностію чувствовашь, хопѣль бышь Верперомъ, приходящимъ въ опчаяніе при видѣ срубленнаго дерева? — И вы уже, думаю, замѣшили, чшо шопъ рѣдко бываетъ умѣренъ въ своихъ прѣбваніяхъ, кшо упончаешъ эту способность? — Представьте себѣ, чшо всѣ люди шаковы: уживущя ли они вмѣстѣ? Кшо захочешъ имѣшь дѣло съ человекомъ, кошорый, не зная снисхожденія, прѣбуешъ, чшобы всѣ люди были совершенны, кошорый презираешъ хорошее, уважая шолько превосходное, кошорый недоспашокъ называетъ уже порокомъ и, при малѣйшей неудачѣ, находить одно зло въ физическомъ и моральномъ мірѣ; вселенную почищашъ Хаосомъ, время чудовищемъ,

все поглашающимъ и вновь изрыгающимъ, людей—ефемерами, а себя—игралищемъ неумолимаго рока или — слѣпаго случая?

Чувствительный.

Чувствительный рѣдко не ипохондрикъ: удивительно ли, если вся природа представляется ему печальною? — Мнѣ кажется, онъ заслуживаетъ болѣе сожалѣніе нежели негодованіе наше. Но вы говорите, что онъ превосходное предпочитаетъ хорошему: кто сего не дѣлаетъ? — Вы забыли, кажется, любезный другъ, нравственное предназначеніе человѣка.

Хладнокровный.

Понимаю: вы хотите сказать, что человѣкъ предназначенъ къ дѣятельности ума и сердца и къ достиженію возможнаго совершенства. По этому думаете вы, что, на примѣръ, Гуронъ не достигаетъ цѣли бытія своего? что ему непременно должно сдѣлаться Европейцемъ для полученія права называться человѣкомъ? — Разсуждаетъ такимъ об-

разомъ можеть одинъ шолько надменный, —
Какъ будшо природа хочеть, чшобы всѣ
люди были Европейцами!

Чувствительный.

Не Европейцами, говорю я, а истинными людьми. Таковъ ли Гуронъ? Онъ не менѣе Европейца одаренъ разсудкомъ и вѣрно не для шого, чшобы оставишь его безъ упошребленія. Спрашиваю теперь: упошребляешъ ли онъ его? — нѣтъ; слѣдовашельно онъ не выполняешъ всего, къ чему предназначенъ; слѣдовашельно онъ подобно младенцу, не естъ еще человекъ совершенный.

Хладнокровный.

Вы слишкомъ скоро заключаеште. Основываясь на томъ, чшо и онъ не менѣе Европейца одаренъ разсудкомъ, и зная, чшо природа ничего не дѣлаешъ безъ цѣли, вы спрашиваеште весьма справедливо: упошребляешъ ли онъ разсудокъ свой. Но когда вы пощомъ опшвѣнаеште — нѣтъ; вы не правы. Онъ упошребляешъ его шакъ же, какъ и Евро-

пеець -- шолько на другіе предметы. Или вы полагаеш, что каждый человекъ долженъ быть звѣздочешомъ, метафизикомъ, богословомъ, поэтомъ? —

Чувствительный.

Слѣдуеш ли это изъ моихъ словъ?

Хладнокровный.

Конечно. Въ чемъ упрекали вы Гурона? въ то, что онъ не употребляетъ своего разсудка? -- Но это оказалось несправедливымъ. Такъ чѣмъ же можно упрекать его еще, если не шѣмъ, что онъ не занимается умозрѣніями?

Чувствительный.

Прибавьте къ тому еще нравствен-носшь и скажите, маловажно ли это? Но для сего не нужно, чтобы каждый человекъ былъ непременно звѣздочешомъ и ш. д.; нужно шолько не быть невѣждой. И вы никогда меня не увѣрите, чтобы шомъ, кто разсуждаеш о вещахъ, служащихъ къ продолженію жизни, шполько же сошвѣшшвовалъ цѣли бышя своего, какъ человекъ просвѣщенный. --

Хладнокровный.

Все это хорошо, любезный другъ; но не уклонились ли мы опъ предмеша нашего?

Чувствительный.

Нѣпгъ. Если чедовѣкъ долженъ упончашъ свои способности; если онъ шогда шолько бываетъ счасливъ, когда всѣ силы сущешва его дѣйспвуютъ: чувспвишельность неоспоримо служипъ къ его чеспи, и предметы, доспавляющіе ей пищу, должны въ глазахъ его имѣшь цѣну.

Хладнокровный.

Однакожь древніе, споль просвѣщенные, споль образованные Греки не произвели ничего сеншименшальнаго. — Трагедіи ихъ шрогаютъ, эшо правда; но непозредспвенная цѣль сихъ цвореній соспояла у нихъ не въ шомъ, чшобы *трогать* слушашелей; а въ *представленіи* борьбы теловѣтеской воли съ неизбѣжнѣиль *рокомъ*. Опъ чего и происходипъ,

что ихъ трагедіи болѣе ужасны, нежели прогашельны.

Чувствительный.

Соглашаюсь, однако это не опровергаетъ словъ моихъ : ибо если Греки и не произвели шворенія, пишущаго чувствительность, это еще не доказываетъ, что такое швореніе худо, и что шонгъ не хорошо дѣлаетъ, кто имъ занимается. Известно, что Греки не понимали сердца человѣческаго такъ шонко, какъ мы новѣйшіе.

Хладнокровный.

Вы думаете, что и мудрецы Греціи не знали своего сердца?

Чувствительный.

Признаюсь, я этого мнѣнія. Какая разница между ихъ самопознаніемъ и нашимъ! Вообще, сколь различно судяшь о себѣ два человѣка, изъ которыхъ одинъ не думаетъ, что есть свидѣтель при шайнѣйшихъ его помышленіяхъ; а другой убѣжденъ сердечною вѣрою въ бытіи всезрящаго Ока! -- Какъ надмень

первый! Какъ скромнѣ послѣдній! Первый приписываетъ все самому себѣ; послѣдній же напрошивъ Существу высочайшему. — Тотъ цѣнитъ себя высоко, зная сколько онъ приобрѣлъ; сей же думаетъ о себѣ мало, чувствуя, чего ему недоспаетъ. — Греки жили для услажденія чувствъ, для славы, для выполненія обязанностей гражданина. — Если вы читаете Ксенофонта: увидите, что и лучший изъ всѣхъ Грековъ, Сократъ, былъ только Грекъ — что я говорю? только *Афинянинъ*. — Что такое была его *Калокагифія*? Судя по нѣкоторому мѣсту въ Ксенофоновомъ *Симпозіонѣ*, она была ничто иное, какъ образованіе нравовъ въ соединеніи съ плѣснымъ упражненіемъ (Гимнастикой), Возмите теперь Каншова нравученіе: какая разница!

Хладнокровный.

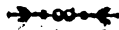
Чтожъ вы изъ этого заключаете?

Чувствительный.

Что новѣйшимъ только извѣстно

сердце во всѣхъ изгибахъ. Чему не мало споспѣшествовало и свободное обращеніе съ женщинами. Вспомните, что такое значили женщины у Грековъ, даже у Римлянъ — не говорю уже о восточныхъ народахъ. — Сколь мало участвовали онѣ въ дѣлахъ общественныхъ! — У насъ женщины сядяшъ иногда на престолахъ, споспѣшуютъ образованію юношества, просвѣщаютъ своими цвѣреніями, украшаютъ собою общежитіе. Сколь много прекраснаго произведено ими! Что бы мы безъ нихъ были? — Нравы Грековъ и Римлянъ смягчаемы были изящными художествами: въ наши времена художества не у всѣхъ народовъ процвѣтающъ; а крепость и вѣжливость вездѣ признающъ общественными добродѣтелями.

Какъ не чтишь женщинъ! онѣ усынающъ
 Пушь нашъ цвѣтами; съ улыбкой сплещаютъ
 Щастія узы, святой любви цѣпь;
 Чистое пламя въ сердцахъ воспаляя,
 Къ вѣчному благу нашъ духъ возвышая,
 Въ рай превратили для насъ могутъ и степь.

Такимъ почти образомъ сказалъ объ нихъ Шиллеръ, глубокомысленный, благородный Шиллеръ; знавшій сердце, и власть надъ нимъ сего пола.

Хладнокровный.

Тѣмъ болѣе чести для древнихъ, что они и безъ помощи женщинъ произвели сполько прекраснаго. Можетъ быть опъ сего и происходишь, что мы въ ихъ швореніяхъ не замѣчаемъ шой любви къ мѣлочамъ, копорыми многіе Французы испоршили свои сочиненія. —

Чувствительный.

Послѣднее справедливо; но должно ли обвиняшь за эшо женщинъ? — Словесность Англичанъ и Нѣмцовъ ушончилась опъ нихъ, а не испоршилась и можетъ многими важными швореніями поравняшься съ древнею.

Хладнокровный.

Уже ли вы думаете, что Словесность Нѣмецкая и Англинская не ушпаешъ древней.

Чувствительный.

Съ нѣкошорыхъ споронъ — конечно: со спороны жъ изображенія спрасшей — превосходитъ. Какой древній поэтъ знакомишь насъ съ сердцемъ человѣческимъ шакъ, какъ Шекспиръ, Ричардсонъ, Фильдингъ, Спернъ, Виландъ, Шиллеръ, а особливо Гетте? — Всѣ сіи Авшоры исполнены чувствительности: вопш лучшая ей похвала.

Хладнокровный.

Для меня довольно было узнать, какъ вы объ ней мыслише. — Но что вы скажете, когда въ наше время самыя женщины не уважають ее, — что я говорю? смѣюшя надъ нею?

Чувствительный.

Слѣдствіе господствующихъ въ публикѣ мнѣній, жалкой Философш просвѣщенелей — Французовъ! Однако въ упшшеніе себѣ можемъ мы сказать упвердительно, что почтеннѣйшія особы нѣжнаго пола не спыдяшя еще чувствительности. Да и что шакое женщина,

ея спыдіялася? Не всякая ли желаешъ, чтобы ее любили? Чпожь останешся опъ любви, когда чувствительность изчезнешъ?— Одно шо, о чемъ благовоспитанная жнщина спыдішся и помыслишь . . . Милыя наши красавицы не знаютъ, что презирая чувствительность онъ унижаютъ самихъ себя. Чпо бы онъ подумали, съ какимъ ужасомъ удалились бы онъ опъ своихъ обожашелей, еслибъ сіи послѣдніе сказали имъ опкровенно: „Вамъ неугодно, чпобъ мы цѣнили сердць ваше? Признаемся, мы любимъ въ васъ одну шолько наружность.“

Хладнокровный.

Однако это не оправдываетъ шѣхъ жалкихъ чувствительныхъ нашего пола, кошорые съ книгою въ рукѣ бродятъ по полямъ; взлезаютъ на горы; скипаются по кладбищамъ; какъ будто у нихъ другаго дѣла не было; и наконецъ возвращающся домой усшалые, изнуренные,

неопряжные, съ пустою головою и пустымъ желудкомъ.

Чувствительный.

Вы слишкомъ спроги, любезный другъ; по крайней мѣрѣ не всякой, кто бродитъ по полямъ и проч. имѣетъ пустую голову. Вспомните, что и *Петрарка* любилъ поля, и *Ионъ* и *Клоштокъ* бродили по кладбищамъ: это однако не препятствовало имъ быть великими.

Хладнокровный.

Петрарка, *Ионъ*, *Клоштокъ* любилъ; а любовь, какъ извѣстно, украшаетъ всѣ предметы: оживляетъ поля, одушевляетъ деревья и рѣки, согреваетъ холодныя могилы и находитъ вездѣ что нибудь, достойное вниманія.

Чувствительный.

Можетъ быть и шѣ влюблены, которыхъ вы осуждаете.

Хладнокровный.

Влюбленныхъ я не осуждаю. Но сколько и шакихъ, которыхъ за недоспакомъ дѣйствительнаго предмета влюбле-

ны—сами не знаютъ во что. Вы вѣрно, любезный другъ, никогда не бродили по полямъ, лѣсамъ, кладбищамъ---рузумѣеся безъ дѣла.

Чувствительный.

Почему вы такъ думаете? Попрошивъ, я великій любитель полей; такъ же какъ и всего, что можетъ меня трогать: предметовъ почтенія и печали.— Но вы кажется все еще непримирились съ чувствительностію. Вникните въ сущность ея и вы найдете, что она есть такое состояніе, въ которомъ душа болѣе обыкновеннаго бываетъ способна принимать впечатлѣнія. Чтожь шупъ худаго? Вы вѣрно согласишесь, что человекъ чувствительный способнѣе къ состраданію, нежели хладнокровный. Картины бѣдствій терзаютъ его столько что онъ и для одного уже спокойствія готовъ всѣмъ для нихъ пожертвовать. Это не есть добродѣтель, я согласенъ; но все однако лучше сдѣлать что ни-

бушь доброе хотя для собственной пользы, нежели совсемъ того не дѣлать.

Хладнокровный.

Лучше для того, кому оно сдѣлано, но виновника онаго поступка нельзя назвать доспойнымъ человекомъ: ибо спрашно было бы вмѣнить ему въ доспоинство то, что онъ сдѣлалъ для самаго себя. Знаете ли, какое изъ эшаго можно вывести заключеніе?

Чувствительный.

Что чувствительность противоположна чистой нравственности?

Хладнокровный.

Такъ точно. Вамъ извѣстно, что Кантъ и здравой разумъ, требуютъ, чтобы никакія склонности или своекорыстныя побужденія не были виною добродѣтельнаго поступка, если хотимъ назвать его нравственнымъ. Чувствительный же слѣдуетъ во всемъ влеченію своего сердца, опъ чего онъ и производитъ дѣла согласныя съ нравственностью, а не нравственныя.

Чувствительный.

Вы не доказали того, что хотѣли доказать. Увѣрьте меня, что чувствительный *долженъ* слѣдовать влеченію своего сердца; но если, что онъ *можетъ* ему противиться и я соглашусь съ вами.

Хладнокровный.

Этого я и не хотѣлъ доказывать. Чувствительный, равно какъ и всякой другой можешь произвести чтонибудь нравственное; но на то время онъ перестаетъ быть чувствительнымъ. Однимъ словомъ, — чтобы доказать, что чувствительность и нравственность находятся въ противоположности, довольно уже и того, что одно изъ нихъ *исключаетъ* другое. Впрочемъ это не препятствуетъ человѣку быть вмѣстѣ и чувствительнымъ и нравственнымъ существомъ.

Чувствительный.

И не убавляетъ цѣны чувствительности.

Хладнокровный.

Почему?

Чувствительный.

Попому, что если чувствительность и нельзя еще назвать добродетелью—въ строгомъ смыслѣ: однако она благороднѣе своекорыспія, основаннаго на грубыхъ выгодахъ. *Однимъ словомъ:* еслибъ каждый человекъ принялъ за правило, во всемъ ея руководствоваться, тогда міръ получилъ бы другой видъ; а люди хошябъ и не имѣли еще права называться *нравственными существами*, по крайней мѣрѣ могли бы называться *добрыми людьми*.

Хладнокровный.

Въ этомъ я съ вами согласенъ.

Влад. Бриммеръ.

СТРАНСТВОВАНИЕ ГУМБОЛЬДА

ПО СТЕПЯМЪ И ПУСТЫНЯМЪ НОВАГО СВѢТА.

(Окончаніе.)

Едва благошворнымъ дождемъ оросишя поверхность земли, какъ уже благоухающая спесь одѣваешя вѣшковымъ яглокомъ и другими разнообразными расшѣніями. Травянистыя мимозы, возбужденныя свѣтомъ, распуцають свои дремлющія лисья и привѣшпвуютъ восходящее солнце, равно какъ и пшпцы раннимъ пѣніемъ и водяныя расшѣнія раскрышиемъ своихъ цвѣшовъ. Лошади и воы пасушя шеперь въ радоспномъ наслажденіи жизни. Красивоиспещренный ягуаръ скрывается въ высокой шравѣ и легкимъ скокомъ рыси бросаешя на ми-

мопроходящихъ звѣрей, шакъ какъ и Азіатскій шигръ.

Иногда видають (шакъ повѣснвуютъ шуземцы) на берегу бологъ влажный иль, медленно и какъ бы глыбами поднимающійся; пошомъ вдругъ съ сильнымъ грохошомъ, подобнымъ изверженію маленькихъ вулкановъ подъемлепъ взрышую землю, взлетающую вверхъ подобно шучь. Путешешвенникъ, извѣдавши собственнымъ опышомъ силу сего явленія, бѣжипъ мгновенно опъ онаго; ибо исполинской величины водяный змѣй, или броненосный крокодилъ, выникають изъ подъ-земли, пробужденные первымъ дождемъ опъ мнимой смерти.

Когда рѣки Араука, Апура и Паяра, ограничивающія въ Южной споронѣ равнину, выступаютъ мало по малу изъ береговъ своихъ; шогда шѣхъ же самыхъ живошныхъ, кошорыя въ первой половинѣ года на безводной и пылью покрышой землѣ шомились палящею жаждою, природа принуждаепъ жишпъ подобно

земноводнымъ. Часпъ спепи являеясь здѣсь въ видѣ неизмѣримаго озера. Кобылицы съ дѣшми своими удаляюся на возвышенныя мѣли, копорыя подобно островамъ видимы бываюупъ долгое время на поверхности зеркальныхъ водъ. Вода, ежедневно прибывая, заливаешъ всѣ луговыя мѣспа. Опъ недоспанка пажишей живошныя плаваюупъ долгое время и скудно пишаюупся разцвѣпшими растѣнїями, возвышаюупимися надъ мушною и какъ бы въ броженїи находящеюся водою. Многіе жеребяша понуупъ; другїе же бываюупъ уловляемы и пожираемы крокодилами, или раздираемы зубчаными ихъ хвосшами. Нерѣдко видаюупъ шакже воловъ и лошадей, копорые, избѣжавъ часпи сихъ кровожадуцихъ ящерицъ, носяупъ на лядвяхъ знаки оспрыхъ зубовъ ихъ.

Сїе зрѣлище невольню наминаешъ спрогому наблюдашелю о дарованной природою, нѣкопорымъ живошнымъ и растѣнїямъ, способноспи жишъ въ разныхъ спранахъ нашей земли. Какъ пишапель-

ные дары Цереры, шакъ волъ и лошадь слѣдовали за челоукомъ по всему шару земному, отъ Гангеса до Ла-Плашы, отъ приморскихъ береговъ Африки до горной равнины Анписаны, лежащей выше конусообразной горы Tenerifской. — Здѣсь Сѣверная береза, памъ финиковая пальма, защищающъ ушомленнаго вола отъ лучей полуденнаго солнца. — Тотъ же самый родъ живошныхъ, которъ въ Восшочной Европѣ борешся съ медвѣдями и волками, бываешъ въ другомъ поясѣ угрожаемъ шиграми и крокодилами!

Но не одни шокмо крокодилы и ягуары прешлѣдують Южно-Американскихъ лошадей: онѣ имѣють шакже и между рыбами опаснѣйшаго врага. Болошняя воды Бера и Распро наполнены множешвомъ элекшрическихъ угрей, коихъ слизисное желшоиспешренное шѣло, производипъ изъ каждой часпи сильно пошрясающій ударъ. Сии угри (*Gymnotus*) имѣють въ длину 5 или 6 фушовъ. Они шполь сильны, что могутъ убивашъ ве-

личайшихъ животноныхъ, когда нервисшыя органы свои разряжають въ удачномъ направленіи.

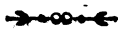
Дѣйствительно они до того умножились въ одной рѣчкѣ, что должно было перемѣнить дорогу чрезъ степь отъ Уришуку идущую; ибо лошади отъ оглушенія бросались съ дороги въ воду и ушопали. Всѣ прочія рыбы также убѣгають приближенія сихъ ужасныхъ угрей. Они пугають даже сидящаго на крушомъ берегу рыбака, когда мокрая нить сообщаетъ ему издали попрыскающій ударъ. Такъ электрическій огонь ишоргаешся изъ глубины водъ.

Ловля электрическихъ угрей являетъ прекрасное зрѣлище. Индѣйцы вгоняють муловъ и лошадей въ болопо, которое они окружають до шѣхъ цоръ, пока необыкновенный шумъ не побудишь сихъ безбоязненныхъ рыбъ къ нападенію. Тогда угри плавають змѣеобразно на поверхности воды и, ловко извиваясь, прижимаются къ брюху лошадей. Многія

изъ сихъ послѣднихъ изнемогають опгь силы невидимыхъ ударовъ; другія же съ яростнымъ дыханіемъ, подняшми гривами, бѣгутъ опгь свирѣпсвующей грозы. Но Индѣйцы вооруженные длинными бамбуковыми просшми, гоняшъ ихъ въ самую средину болона.

Мало по малу жестокость неравнаго боя уменьшается. Упомленные угри разсѣвающся подобно разряженнымъ пучамъ. Тогда имъ нуженъ долговременный покой и изобильная пища, дабы вновь собрать галваническую силу, которой въ бившъ они лицились. Тутъ слабѣе и слабѣе дѣлающся ихъ удары. Приведенные въ ужасъ шумнымъ топотомъ лошадей, они приближающся боязненно къ берегу, гдѣ уязвляють ихъ гарпунами и вышаскивають на сшепь, посредствомъ сухаго дерева, непроводящаго электрическую силу.

Такова-то удивительная бивва лошадей и рыбъ. Все, что составляешъ невидимо дѣйсвующее оруді сихъ оби-

шашелей водъ, что будучи возбуждаемо чрезъ прикосновение влажныхъ и разнородныхъ часпей, пробѣгаетъ всѣ органы живошныхъ и прозябаемыхъ, что съгромомъ воспламеняетъ пространный сводъ небесный, что соединяетъ желѣзо съ желѣзомъ и склоняетъ шихій возвращный ходъ магнитной стрѣлы, произшекаетъ изъ одного источника, равно какъ и цвѣтъ раздѣленнаго луча свѣта: все сливается купно въ единую, вѣчную, и повсюду распроспаненную силу.

Я могъ бы окончить здѣсь начертаніе величественныхъ картинъ, представляемыхъ намъ сшепями, но какъ мечшательность охотно занимаешься и на Океанѣ зрѣлищами опдаленныхъ береговъ, то прежде нежели исчезнетъ предъ нами пространныя равнина, обратимъ взоры наши на страны земныя, степь ограничивающія.

Африканская Сѣверная пустыня раздѣляетъ два народа, кои по происхожденію своему принадлежатъ поймае часпи свѣта, и между коими вѣчно существующія распри кажутся столь же древними, какъ и баснословіе объ Озиридѣ и Тифонѣ.

Къ Сѣверу отъ Атласа обитаютъ народныя племена, носящія гладкіе и длинно распущенные волосы и имѣющія желтый цвѣтъ лица и черты Кавказскихъ обитателей. Напротивъ того къ Югу отъ Сенегала до Судана, живутъ Негры различной степени образованія. Въ средней Азии Монгольскія степи отдѣляютъ грубость Сибири отъ древняго просвѣщенія Индостана.

Южно-Американскія равнины служатъ также границею области Европейской полуобразованности. Къ Сѣверу между горнымъ хребтомъ Венесуелы и Анхильскимъ моремъ, въ разныхъ мѣстахъ лежатъ процвѣтающіе промышленностію города, прекрасныя деревни и

прилѣжно воздѣланныя поля. Даже склонность къ наукамъ и расположеніе къ художествамъ давно уже шамъ пробудились.

Съ Южной стороны степь окружена дикою и ужасъ наводящею спраною. Тысячильшніе лѣса, непроницаемая глушь, наполняющъ влажную спрану между Оринокомъ и Амазонскою рѣкою. Величайшія свинцовоцвѣшныя массы граппа спѣсняющъ руслопѣнящіяся воды. Горы и лѣса повпоряющъ ревъ низвергающихся потоковъ, рыканіе ягуаровъ и глухой вой брадашыхъ обезьянъ, дождь предвозвѣщающій.

Гдѣ маловодная рѣка оставляетъ послѣ себя опмѣль, шамъ подобно скаламъ недвижимо лежатъ распросшерты; съ распворенною паспю - безобразныя и пшицами покрышыя шѣла кроводиловъ. Полозь, какъ шигръ изпещреннѣй, обвишисъ хвостомъ около древеснаго сука, подсперегаешъ на берегу рѣки вѣрную свою добычу. Быспро выпшанувшисъ,

охватывается онъ на пуши молодого быка или другое не споль сильное живописное и, обливъ своею слюною, съ усиленіемъ его поглащаетъ.

Въ сей величественной и дикой странѣ живутъ разнообразныя народныя племена. Будучи отдѣлены одно отъ другаго разительнымъ различіемъ языковъ, нѣкопорыя изъ сихъ племенъ вѣдуть кочевую жизнь, и будучи чужды земледѣлія, питающся муравьями, смолою и землею, какъ то : Опшмаки и Яруры; другія же (какъ напримѣръ Маквиришане и Макосы) имѣютъ постоянныя жилища, питающся плодами, кощорые сами насаждаютъ, нѣсколько образованы и имѣютъ нравы болѣе кропкіе. Великое пространство, лежащее между Кассиквіаромъ и Апабапо обитаемо только Тапирами и общежительными обезьянами. Начерпанныя на скалахъ изображенія доказываютъ, что сія пустыня была также нѣкогда мѣстомъ высшаго образованія. Онѣ являютъ пре-

врапность судьбъ народовъ, равно какъ и измѣненіе языковъ, служащихъ неизгладимыми памятниками человѣчества.

Когда же въ степи шигръ и крокодилъ борется съ лошадьми и быками, тогда напрошивъ шого мы видимъ на лѣсисныхъ ея берегахъ, въ дикой странѣ Гвіяны, челоука вѣчно вооруженнаго прошивъ себѣ подобнаго. Тамъ съ прошиво-естественною жадностію цѣлыя поколѣнія народовъ пьютъ кровь враговъ своихъ; другія же по видимому не вооруженныя, но приуговившіяся къ убійству, умерщвляютъ ихъ ногшемъ, ядомъ напишаннымъ. Слабѣйшія племена проходя по песчаному берегу, рачительно заглаживають послѣ себя слѣды робкихъ шаговъ своихъ.

Такъ челоукъ приуговивляетъ себѣ безпокойную и бѣдспвенную жизнь, когда онъ пребываетъ въ дикомъ и грубомъ сосояніи, или когда мнимый блескъ просвѣщенія возводитъ его на высшую степень. Такъ преслѣдуетъ стран-

ника, протекающаго моря и суши, равно какъ и Испорика чрезъ всѣ сполѣсія, единообразное и плачевное зрѣлище раздоревъ человѣческаго рода.

И пакъ кпо посреди вѣчно-непримиримой вражды народовъ спремипся къ душевному успокоенію, шотъ охотно успремляешъ свои взоры на мирную жизнь распѣній и углубляешъ въ священныя и шаинспвенныя силы, движуція вселенную, или предавшисъ врожденному побужденію, которое съ первобытныхъ временъ воспаменяешъ сердце человѣка, обращаешъ взоръ свой на свѣшила небесныя, совершающія въ ненарушимомъ согласіи вѣчное свое печеніе.

И. Гарижскій.

О ГРЕЧЕСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Изъ Франка де Полпиньяна.

МОН

Изобрѣшеніе Трагедіи и Эпопей принадлежишь Грекамъ. Безобразныя предшавленія Кишайцевъ и шъ, кои найдены были Испанцами въ Америкѣ, хошя доказываютъ, что народы сіи имѣли нѣкоторое понятіе о театральныхъ предшавленіяхъ; но въ отношеніи ко всѣмъ образованнымъ народамъ Европы, какъ древнимъ, такъ и новѣйшимъ, изобрѣшеніе сего искусства исключительно должно приписать Грекамъ. Они опредѣлили родъ и формы Трагической Поэмы; составили правила и образцы для попомшва. Мы до сихъ поръ не имѣемъ ничего лучше и основательнѣе Аристотелевыхъ разсужденій о Трагедіи. Доселѣ

еще никто не превзошел Софокла и Еврипида.

Греческія Трагедіи намъ *) извѣстны только по извлеченіямъ и не многимъ переводамъ Г. Брюмоа, которыя однако же не даютъ яснаго и совершеннаго понятія о Греческомъ Театрѣ. Творенія Эсхила, Софокла и Еврипида составляютъ вообще Пантеонъ изящныхъ сочиненій и заслуживаютъ полный переводъ, равно какъ Иліада и Одиссея Гомера.

Чтобы не потерять напрасно времени, я не стану здѣсь писать разсужденія о Трагедіи, которую довольно опредѣлили намъ Гораций и Боало. Блестательные стихи, заключающіе въ себѣ непоколебимыя начала, впечатлѣвающіяся удобно въ памяти, гораздо лучше, нежели цѣлмыя, погребенныя въ неизвѣстности. Я предложу теперь нѣкоторыя замѣчанія о нравахъ Греческой Трагедіи. Сей

*) То есть Французамъ.

важный предметъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ внимательное разсмотрѣніе.

Подъ словомъ нравы, я разумю не то, о чемъ говорится въ Писикѣ Аристотеля и что принадлежитъ единственно къ правиламъ искусства. Сей Риторъ **Философъ** въ сочиненіи своемъ упоминаетъ только о нравахъ, зависящихъ собственно отъ Стихотворца. Въ семъ отношеніи они иногда хороши, когда сопоставляются дѣйствующимъ лицамъ, принаровлены къ каждому особенно и выдержаны въ какомъ бы ни было характерѣ. Въ сочиненіи общіе нравы суть нравы народные, на примѣръ: Грековъ, Римлянъ, образованнаго или грубаго народа. Сюда же должно отнести нравы различнаго возраста, какъ то людей молодыхъ и зрѣлыхъ лѣтъ; нравы же особенные суть шѣ, въ которыхъ заключаются опличительныя черты характера каждаго лица, историческаго или вымышленнаго. Здѣсь одно лице должно соединять въ себѣ и нравы своего народа,

и отличительныя черты собственнаго его характера. Соединеніе прудное, въ кошоромъ заключаешся шоржештво ишкусшва! Въ Трагедіи *Серторіи* мы вездъ видимъ Ридлянъ; но Сершорію и Помпею даны особенные харакшеры, каждому изъ нихъ свойственныя. Наконецъ нравы должны бышь выдержаны, шо ешть неизмѣнны, какъ замѣчаешть Боало, и сохраняшть свои харакшеришческія черты отъ начала до конца дѣйствія *). Изъ чего слѣдуешть, что сіе приличіе нравовъ, необходимо нужное епихошворческому шворенію, можешть бышь соблюдено и въ худыхъ Трагедіяхъ и Комедіяхъ, и даже въ шакихъ, кошорыя способны разврашшть сердце, на примѣръ: нравы и харакшеры, превосходные по Арисшполевымъ правиламъ, могушь бышь выдержаны и въ самой послѣдней Оперѣ.

*) Все, что касается до нравовъ и харакшеровъ, совершенно объяснено Горацемъ въ наукѣ Спихошворшва. *Примѣт. Ценз. Общ.*

Я имѣю въ виду полько нравствен-
ность Греческаго Театра, и не могу
представитъ себѣ безъ удивленія чрез-
вычайное въ семъ отношеніи преимуще-
ство древнихъ предъ новѣйшими. У
первыхъ Трагедія имѣла важность: лю-
бовь у нихъ показывалась изрѣдка и ни-
когда не говорила языкомъ обольщи-
тельнымъ; у насъ же, не смотря на то,
что мы озарены Христіанскими испин-
нами, Трагедія служишь полько къ вос-
пламененію самой опаснѣйшей страсти.
Нѣтъ народа, нѣтъ Автора, который
бы не подлежалъ сему упреку: Фран-
цузы, Англичане, Испанцы, Италіанцы,
жиители Сѣвера, Корнелій, Расинъ, всѣ
какъ бы согласились приносить жертвы
любви на олтарь Трагической музыки. *)

*) Новѣйшіе Трагики въ семъ полько же
правы, какъ и Греки, избѣгавшіе въ Трагеді-
яхъ изображенія любви. Трагедія наша не ша-
кова, какъ была у древнихъ и не можешь
быть такою. Характеръ духа нашего, шакъ
сказашъ, измѣнился: какъ же могутъ произве-

Она царствуетъ въ самыхъ строгихъ предпавленіяхъ, и въ самой Поліевкии ея вмѣшивающъ въ Государственныя дѣла; въ заговоры, совѣшы, шайнспа вѣры и во всѣ ужасныя событія. Сей-шо характеръ жеманспа, присвоенный новѣйшей Трагедіи, даетъ ей ходъ изнѣженный: въ чемъ нельзя упрекнушь Трагедию Грековъ-

Сей порокъ есть общій, какъ образцовымъ сочиненіямъ нашихъ Софокловъ, шакъ и Драмамъ, Прадоновъ; онъ не можетъ быть извиненъ ни возвыщенными мыслями, ни прекраснѣйшими стихами: шакъ что и въ Трагедіи, въ которыхъ болѣе всего правильности и силы, не менѣе носятъ на себѣ оппечашокъ

денія наши бытъ одинаковаго свойспа съ древними? — Ишакъ не худо; что новѣйшіе ввели любовь въ Трагедию: но худо шо, что вмѣсто любви они ввели шолько волокишсѣво, кошорое въ оппношеніи къ любви шоже, что оспроуміе въ оппношеніи къ уму.

Примѣт. Ценз. Общ.

изнѣженности, опредѣляющей господствующій нынѣ вкусъ театра, къ которому легко привыкли зрители. Что касается до возбужденія страстей, то должно опасаться краснорѣчивыхъ разговоровъ, смѣлыхъ выходокъ, сильной Поэзіи и пылкости выраженій; они болѣе производятъ вреда, нежели въ обыкновенныхъ мѣстахъ напынутой разговоръ, сухая и слабая Поэзія. Нравы Французской Трагедіи, противоположные нравамъ Трагедіи Греческой, имѣютъ какую-то мягкость, примѣшную даже среди движеній страстей и ужаса; кои она преисполнена *). Не оныя ли сіе происходятъ, что Театръ нашъ, нечувствительно заимствовавъ нравы народныя, самъ въ свою очередь умягчаетъ и ослабляетъ ихъ.

Зрѣлища почти всегда соотвѣтствуютъ

*) Что касается до ужаса, во Французской Трагедіи найти оный можно; но въ ней нѣтъ Трагическаго страха, который есть существо Трагедіи.

юсть расположенію народнаго духа. Тамъ, гдѣ оба пола влюбчивы, легкомысленны, роскошны, должно, чшобы и на Театрѣ говорили поблько объ одномъ удовольствіи, возбуждали спрасши, дѣлали занимательными самыя ихъ заблужденія, и предствяляли бы любовь въ видѣ слабости великихъ душъ. Тогда заговоръ Цинны будешъ воспламененъ любовію Емилиі; Полина будешъ вѣрна своему супругу, но не оставитъ любить Севера; Цезарь уничтожитъ Республику и склонитъ въ объятія Клеопатры; а старый Серпорій прельститъ молодую женщину, влюбленную до изступленія въ своего супруга:—вонъ нравы Трагедіи у самаго возвышеннаго, у самаго превосходнаго изъ нашихъ Спихопворцевъ.

Совсемъ не таковы были нравы Театра Греческаго. Греки не полагали, что Поэзія ограничивается единспвенно искусствомъ нравиться; но хоцѣли вмѣстѣ сдѣлать ее полезною и наставительною. Все то, что унижало духъ людей,

не было терпимо. Изъ тридцати прехъ Греческихъ Трагедій, до насъ дошедшихъ, одинъ только *Иллолипъ Еврипида* основанъ на любви. Если же она и выводима была въ другихъ Трагедіяхъ, то всегда оспавалась нѣмымъ дѣйствующимъ лицомъ, которое не могло возбудишь ни страха, ни сожалѣнія. Ихъ Драмматическіе писатели довольствовались другими побужденіями; они выводили на Театръ бѣдспвія и пороки людей единственно для того, чшобъ сдѣлать ихъ мудрыми и добродѣтельными.

Неоспоримо, что Солонъ не былъ увѣренъ въ пользу Трагедіи: „Я опасюсь, сказалъ онъ, чшобъ сіи спихотворческіе вымыслы не вошли скоро въ крѣпости и условія. „Такое опасеніе, превосходящее границы, не менѣе странно было и въ Платонѣ, который, предположивъ увѣнчать Гомера лавровымъ вѣнкомъ, хотѣлъ попомъ его изключишь изъ своей Республики. Смѣшонъ Спихотворецъ, который скажешь, что законы,

служащіе часто къ продолженію несправедливой паязбы, весьма куды; всякая наука, всякое ремесло имѣютъ свойственныя имъ предрасудки, изъ копорыхъ однакожь еще ничего нельзя заключить. Поэзія была языкомъ первыхъ Философовъ; Законодатели иногда ссылаюся на Спихотворцевъ. Въ наказахъ Юстиніана, статья о пресупленіяхъ, заслуживающихъ смерть, основана на шестидесяти стихахъ Гомера. Философія, Поэзія, Законодательство, могутъ быть, смотря по употребленію, и полезны и опасны.

Театръ у Аѳинянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, былъ мѣстомъ свиданія обоюдопола людей, различныхъ возрастовъ и сослояній. Собраніе такого рода, кажеся, не имѣло ничего другаго въ предметъ, какъ препровождать весело нѣсколько часовъ; но въ самомъ существѣ оно было школою, гдѣ нечувствительна научались съ большимъ впечатлѣніемъ и успѣхомъ. Здѣсь происшествія представлялись въ видѣ дѣйствительныхъ собы-

тій; ученіе приноравлялось къ дѣйствію; ничто не развлекало вниманія, пошому что удовольствіе его поддерживало; чувства были услаждены и наконецъ очарованіе было совершенное. Мы привыкаемъ мыслить и чувствовать, какъ дѣйствующія лица, копорыхъ видимъ и слышимъ;—вошь сила привычки и примѣра. Люди сполько же часто дѣлають добро и зло изъ подражанія, сколько изъ собственнаго побужденія, или по обдуманному выбору. Ишакъ неувидительно, что нравы зрѣлица дѣлаются наконецъ нравами зришеля; мы видимъ, что въ счастливыя времена Аѣинъ, окончившіяся при Александрѣ, Трагедія заключала въ себѣ одну здравую нравственностъ, могущую образовашъ добродѣтельныхъ гражданъ, и пошому нравы Аѣинянъ, говоря вообще, были вмѣшлицемъ всѣхъ добродѣтелей, представляемыхъ предъ ними на Театрѣ; (*)

(*) Ишорія сему прошиворѣчишь, повѣшвуя

дѣйствіе же, основанное только на любовныхъ хитроспяхъ, могло бы раздражить Милсіадовъ, Ариспидовъ, Кимоновъ; они отослали бы его къ изнѣженнымъ Самрацамъ Ксеркса.

Нравы свободного народа имѣютъ нѣкошорую дикость; но сія дикость иногда спасительна въ Республиканцахъ: они не прежде ослабѣваютъ, какъ съ приближеніемъ рабства. Тамъ нѣтъ добродѣтели, гдѣ нѣтъ свободы: доказательство въ тому словесность и науки. Ихъ употребляютъ тогда для нужды, роскоши, нѣги, разврата, вмѣсто того, чтобы они послужили къ поржесству умѣренности и добродѣтели. — Сколь человѣчество слабо и доспойно сожалѣнія!

о изгнаніи Ариспида, заключеніи въ пемницу Милсіада, смерти Сократа, распушсвѣ Алкивіада и Клеона,—происходившихъ въ самое по время, когда драматическія искусства болѣе всего процвѣтали въ Аѣнахъ.

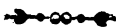
Прим. Цен. Общес.

Сколь люди унижены въ нашихъ новѣйшихъ прагедіяхъ! Но сколь они велики у Грековъ. Тамъ-то люди, если выразиться словами Вушардона, въ пятнадцать окшей, какими представляешь ихъ Гомеръ. Тамъ находимъ мы первыя наставленія о обязанностяхъ нашихъ къ Богу, къ ближнимъ и къ самимъ себѣ; обязанности, къ которымъ сама Природа преклоняетъ наше сердце, и которыя оспиаются усовершенствованъ хорошему воспитанію. — Нравственность Аѳинскаго Театра единственно успремлена была къ сему первому основанію обществъ: почтеніе къ богамъ, исполненіе обрядовъ вѣры, любовь къ отечеству, возпламенная до героизма, священный долгъ гостепріимства, ужась обольщенія, супружеская вѣрность, взаимная любовь опцовъ и дѣшей, состраданіе къ несчастнымъ, однимъ словомъ — божественныя и природныя права, какія шокмо были извѣсны язычникамъ, коихъ разудокъ былъ помраченъ пысячью ложныхъ за-

блужденій: — вотъ что составляло нравы
Греческой Трагедіи. —

Нравственность не могла спрашиваться сочиненій Философовъ и Государственныхъ людей. Есхиль, ученикъ Пифагора и воинъ, сражался въ битвахъ при Марафонѣ, Саламинѣ и Плащѣ. — На Софокла возложены были важныя должности Градо-правленія: онъ былъ сопридумникомъ Перикла въ войнѣ противъ Лакедемонянъ. Еврипидъ, воспитанникъ Сократа, совершилъ съ Плашономъ путешествіе въ Египетъ, чтобы увидѣть Философовъ и Жрецовъ сей земли; его называли Философомъ — наименованіе леспное Позшу, когда онъ его заслужилъ. Самые даже члены верховнаго судилища Ареопага, могли сочинять Трагедіи; но имъ было запрещено закономъ писать комедіи.

Такіе писатели должны были имѣть великія и благородныя мысли о Трагической поэмѣ; и посему не должно удивляться, что они не допускали въ ней

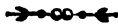
ного, что позволено въ другомъ родѣ Спиховворства. Носить званіе Трагическаго спиховворца значило, быть наставникомъ молодыхъ людей обоего пола, посѣщавшихъ Театръ. (*) Какъ зрѣлище сильно дѣйствуетъ на воспитаніе юношества, то они хотѣли, чюобы и самое удовольствіе и забавы были полезны, и для того необходимо было, чюобъ нравы Трагедіи служили всегдашнимъ наставленіемъ обязанностей чело-вѣка; чюобъ въ оныя не вмѣшивались спраски, опасныя для невинности и чести. Трагическіе сочинители въ семь случаѣ не могли быть довольно строги и точны.

Но мы въ эпомъ имъ не подражаемъ. Нравы Трагедіи нашей изнѣжены: мы даемъ Мельпоменѣ поясъ Венеры. Со-

(*) Сего оно никогда не значило: пошому, чю въ семь случаѣ Трагическое искусство уни-зилось бы до школьнаго наставленія.

держаніе, обспояпельсшва, вводныя про-
изшесшвія — все клоншся къ любви.
Ужась и сосшраданіе упошреблены шоль-
ко для способспвованія или опомщенія
за нее; однимъ словомъ любовь ешть ду-
ша нашей Трагедіи.

Для оправданія сего порока, мы го-
воримъ, что слабосш здѣсь боряшся съ
раскаяніемъ; разумъ ихъ осуждаешть;
чесшть должна ихъ побѣдитъ; наказаніе
произшекаешть изъ самаго дѣйспвія; до-
бродѣшель всегда шоржесшвуешть. Но сіе
разсужденіе неосновашельно, — а шолько
благовидно. — Какіе насшавники когда
либо осмѣливались явно проповѣдывашь
порокъ? Сколько находшся такихъ, ко-
торые прикрывающъ его цвѣтами, и
подъ видомъ, что хотяшть поразшть пе-
рунами, не опнимающъ онъ порока бе-
зобразія; напротшвъ украшая оный бле-
стящими описаніями, впечашльвающъ
въ сердцахъ. Какое же послѣдспвіе бу-
дешть онъ Театра, гдѣ высшавлены на-
шци слабосш въ прелесшномъ видѣ Поэ-

зи, совсемъ очарованіемъ спасши? —
 Зло, которое думаюгь испребишь, дѣ-
 лается чрезъ то неизцѣлимымъ.

Однако же мы имѣемъ превосходные
 образцы Трагедіи, въ которыхъ любовь
 не участвуешь. Не говоря объ Есфирь,
 прекраснѣйшемъ представленіи, мы мо-
 жемъ предложить Ашпалію въ примѣръ
 Трагическаго совершенства, которое ког-
 да либо являлось на Театрѣ. Въ ней
 все дышетъ добродѣтелью, человече-
 ствомъ, правосудіемъ, религіею. Государи
 и подданные, жрецы, войны, люди Госу-
 дарственные—каждый въ своемъ сосно-
 яніи и обязанности можетъ въ ней по-
 черпнуть себѣ правила; особенно же сіе
 превосходное Драмашическое произведе-
 ніе относится къ Государямъ: оно мо-
 жешь назваться училищемъ Царей.

A. P.

ЗАКОНЫ МУДРАГО ПСАММИСА.

(Отрывокъ изъ Виланда.)

Существо существъ (такъ говорить Псаммисъ во вступленіи къ своимъ законамъ), копорое невидимо для очей и непоспимимо для разума, даетъ намъ чувствовашъ бышіе свое посредствомъ однихъ благошвореній, не имѣетъ въ насъ нужды и не пребуетъ другой признапельности, кромѣ той, чщобы-мы не уклонялись отъ благополучія, для насъ имъ назначеннаго.

Природа, копорую опредѣлили онъ бышь общею нашею матерью и попечительницею, съ первыми ощущеніями вливаетъ въ насъ и шѣ склонности, отъ умѣренности и соглашенія коихъ зави-

сипть наше благополучіе. Она говоритъ съ вами уснами Псаммиса; законы его суть законы Природы.

Она хочетъ, чшобы вы радовались бытію вашему. Радость есть первая пощребность всѣхъ существъ, одаренныхъ чувствами; она поже для человѣка, чшо воздухъ и сіяніе солнца для растѣній. Милою улыбкою возвѣщаетъ она въ младенцѣ первое развитіе человѣчества, а ониспусствіе ея есть предвѣстникъ разрушенія существа нашего. Любовь и взаимное благоволеніе суть ея обильнѣйшіе и чистѣйшіе источники: невинность сердца и нравовъ, шѣ берега, въ копорыхъ они протекають.

Сіи благошворныя изліянія Божества суть шо, чшо вы видите въ изображеніяхъ, копорымъ посвященъ общеспвенный храмъ вашъ. Взирайте на нихъ, какъ на эмблемы любви, невинности и радости. Въ началѣ и при концѣ Весны, жашвы и Осени, какъ и во всякой другой праздникъ, собирайтесь въ миршо-

вой рошѣ, осьшайте храмъ розами и обвивайте любезныя изображенія сіи свѣжими цвѣтами; возобновляйте предъ ними ненарушимый обѣтъ, бытъ Природѣ вѣрными; обнимайте другъ друга при сихъ обѣсахъ, и юность въ присутствіи веселыхъ спарцевъ да заключаешъ шоржесство пляскою и пѣніемъ. Младая пастушка—когда сердце ея начинаешъ уже пробуждаться опъ долговременнаго сна дѣшсва — да пробираешся одна въ миршовую рошу сію, и посвящашъ любви первый вздохъ, который воздымаешъ юную грудь ея; нѣжная мать, съ улыбающимся младенцемъ на рукахъ, да приходишь сюда часто усыпляшь его пѣніемъ у подножія любезныхъ сихъ богинь.

Внемлите мнѣ, чада Природы! — Сими именемъ да называешся впредь народъ вашъ.

Природа успроила чувства ваши, каждую нерву чудеснаго сплѣшенія существа вашего, умъ и сердце ваше шакъ;

что они служатъ орудіями удовольствія. Могла ли она сказать вамъ явственнѣе, на что она васъ сотворила?

Еслибъ можно было сдѣлать васъ способными къ удовольствію, не сдѣлавъ вмѣстѣ способными и къ скорби; она бы это исполнила сколько возможно, по крайней мѣрѣ она защитила васъ отъ скорби. Доколь вы будете слѣдовать ея законамъ, веселіе ваше рѣдко нарушится; скажу болѣе, скорбь приготовитъ еще чувство ваше ко всякому удовольствію, и содѣлаешь чрезъ то благодарніемъ; она поже будетъ для жизни вашей, что тѣнь для прекраснаго ландшафта, освѣщеннаго солнцемъ, что разногласіе для симфоніи, что соль для вашей пищи.

Все хорошее претворяется въ удовольствіе, все дурное въ скорбь. Но высочайшая скорбь есть чувство причиненнаго самому себѣ несчастія; а высочайшая радость, веселый взоръ на прошедшее: на хорошо проведенную, ни какимъ раскаяніемъ непомраченную жизнь.

Да не родится между вами, чада Природы! такое чудовище, которое найдешь удовольствіе въ спраданиі другихъ, или неспособно раздѣлять ихъ радости. Нѣтъ! такое неестественное существо не можетъ замъ появиться, гдѣ любовь и невинность изливаютъ удовольствіе на всѣхъ живущихъ.

Веселишься, чада мои! бышіемъ вашимъ и человѣчествомъ; пользуйшься, сколько возможно, каждымъ мгновеніемъ жизни вашей; но не забывайте никогда, что безъ умѣренности и самыя естественныя желанія превращаются въ источники скорби, а опъ излишества чистѣйшее наслажденіе въ ядъ, изсребляющій сѣмя будущаго вашего удовольствія. Умѣренность и добровольное воздержаніе суть надежнѣйшія предохранительныя средства опъ омерзѣнія и ослабленія. Умѣренность есть мудрость и только мудрому дозволено осушить до послѣдней капли сосудъ чистаго наслажденія, наполняемый Природою для каж-

даго смертнаго. Мудрый опказывається иногда опъ настоящаго удовольствія не пошому, чшобы онъ былъ врагъ веселія; или спрашился какого нибудь демона, негодующаго на веселія чловѣка; но чшобъ воздержаніемъ сберечь себя на будущее время для несравненно совершеннѣйшаго удовольствія (*).

Внемлите мнѣ чада Природы! Внемлите неизмѣняемому закону ея! безъ трудовъ нѣтъ ни душевнаго, ни шлестнаго здоровья, а безъ него не можетъ быть и благополучія. Природа хочеть, чшобы вы изъ ея нѣдръ извлекали средства къ сохраненію и услажденію бышя вашего, средства, кошорыя сушь плоды

(*) Въ семъ періодѣ говорилъ почти шже, чшо Ксенофоншъ заславляетъ говорилъ Кира въ 1 й книгѣ Киропедіи на спран. 52. Псаммисъ можетъ быть имѣлъ дѣйствительно въ мысляхъ эшо мѣсто. По крайней мѣрѣ оно не одно шолько, изъ кошораго можно было бы доказашъ, чшо нравшвенность его ещѣ чишшая нравшвенность Сократа.

умѣренныхъ трудовъ. Ничто сполько не сохраняешъ здоровья (необходимаго условія всѣхъ удовольствій), какъ труды, распределенные по мѣрѣ силъ вашихъ.

Хворый или дряхлый человекъ есть во всякомъ отношеніи несчастное существо. Всѣ силы существа его спраждаютъ; разрушается естественная ихъ соразмѣрность и равновѣсіе, ослабѣваетъ живость и перемѣняется направление. Чувства его представляютъ ему ложныя изображенія предметовъ; свѣтъ духа его помрачается, и сужденіе о достоинствѣ вещей относится къ сужденію здороваго, какъ шусклое мерцаніе угасающаго свѣшляника въ шемницѣ къ солнечному свѣту.

Съ той минуты, когда невоздержанность, или изысканная роскошь распространишь въ жилахъ сѣмена изнурительныхъ и жестокихъ недуговъ, — о еслибъ солнце оказало вамъ погда въ благошворномъ свѣтѣ своемъ! — за-

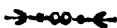
коны Псаммиса лишашся силы дѣлать васъ счастливыми. Тогда, несчастные! предайте ихъ пламени, и богини радости превращаясь для васъ въ фурий: тогда скорѣе возвратитесь въ свѣтъ, гдѣ вы безъ наказанія можете проклинать бышяе свое, наслаждаясь по крайней мѣрѣ жалкимъ утѣщеніемъ — видѣшь повсюду соучастниковъ вашего бѣдствія.

Никогда не ищите, чада мои! другихъ познаній, кромѣ тѣхъ, когорыя я вамъ сообщилъ. Вы довольно знаете, если научились бышь счастливыми.

Приучайте око ваше къ красотахъ Природы, и наполняйте воображеніе ваше идеями изящнаго, заимствованными отъ прекрасныхъ видовъ ея, бесчисленныхъ совокупленій и привлекательнаго колорита. Старайтесь всѣ произведенія рукъ и духа вашего ознаменовашъ печашю Природы: прорешою и непринужденною прелестію. Все, что васъ окружаетъ въ жилищахъ вашихъ, да предсавляетъ

вамъ красоты ея и напоминаетъ, что вы чада Природы!

Всѣ другія произведенія Природы кажутся только опытами, ее забавляющими, и приговорами къ образованію мастерскаго дѣла рукъ ея — человѣка. Въ немъ одномъ, кажется, соединила она все, что ей можно было произвести подъ солнцемъ; надъ нимъ единственно прудилась она съ удовольствіемъ, и какъ бы влюбясь въ произведеніе свое. Но она намъ предоставила усовершенствовать его или обезобразить. „Для чего она это сдѣлала?“ Не знаю, но мы обязаны соразмѣрять поступки наши съ дѣлами ея. — Каждое правильное движеніе тѣла нашего, каждое крошечное ощущеніе радости, любви, нѣжной симпатіи, украшаетъ насъ; напрошивъ того, каждое насильственное или безпорядочное движеніе, каждая свирѣпая спрасъ, каждая зависливая, преступная мысль, искажаетъ черты и взоры наши, и унижаетъ изящный образъ человѣка до очевиднаго

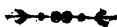
сходства съ какимъ нибудь родомъ животноныхъ. Доколь сердечная доброта и веселость пребудуть душою вашихъ движеній, доколь будете и вы прекраснѣйшими чадами человечества.

Слухъ есть послѣ взора совершеннѣйшее изъ нашихъ чувствъ. Приучите его къ неискусственнымъ, души исполненнымъ мелодіямъ, изъ коихъ изтекаютъ прекраснѣйшія ощущенія, могущія привесни сердце въ крошечное прѣпепаніе, или погрузитъ засыпающую душу въ сладкую дремоту. —

Радость, любовь и невинность настраиваютъ человѣка къ согласію съ самимъ собою, со всѣми добрыми людьми, со всею Природою. Доколь они васъ одушевляютъ, каждое ваше движеніе, обыкновенный звукъ вашего голоса, самый даже выговоръ вамъ пребудуть музыкою.

Псаммисъ открылъ вамъ новые источники пріятныхъ ощущеній. Черезъ него наслаждаешься вы, упомясь ошъ еже-

дневныхъ прудовъ, сладоспнымъ спокой-
спвіемъ; чрезъ него услаждаете вы
вкусъ вашъ пріятными плодами; чрезъ
него одушевляете васъ вино къ вѣщему
веселію, къ чистосердечнымъ разгово-
рамъ и оспроумнымъ забавамъ, безъ ко-
ихъ дружеской бесѣды недоспаесть луч-
шей ея приправы. Въ любви, которую
вы почипали низкою поспребностію, даль
онъ вамъ познасть душу жизни, источ-
никъ прекраснѣйшаго вдохновенія и чистѣй-
шее услажденіе сердца. О чада
мои! въ какомъ удовольствіи, въ какомъ
пріятномъ ощущеніи опкажу я вамъ? —
Ни въ какомъ, щочно ни въ какомъ, на-
наченномъ вамъ Природою! Въ против-
ності напыщеннымъ, ложнымъ мудре-
цамъ, желяющимъ разрушить челоука,
чтобы—(суешное, посмѣянiя доспойное
спараніе!)—изъ оспатковъ его извлечь
Бога, я приглашаю васъ къ умѣренно-
сти пошому шолько, что она необходи-
ма для предохраненія васъ опъ скорби
и для содержанія васъ способными къ

радосни. Не изъ снисхожденія къ слабости Природы позволяю я — нѣтъ, изъ повиновенія къ ея законамъ, повелѣваю вамъ, услаждаеь ваши чувства. Я уничтожилъ ложное различіе между полезнымъ и пріятнымъ. Вы знаете, что не заслуживаете имени удовольствія, что куплено скорбію другаго, или позднимъ раскаяніемъ; а полезное только потому полезно, что оно предохраняетъ насъ отъ омерзѣнія, или есть источникъ удовольствія. Я исхребилъ пустую прошивуположность различныхъ увеселеній, и возстановилъ между ими вѣчное согласіе, научая васъ естественному соучаснію, пріемлемому сердцемъ въ каждомъ чувственномъ веселіи, а чувствами въ каждомъ сердечномъ удовольствіи. Я увеличилъ ваши радости, упончилъ, облагородилъ ихъ — что могу я еще сдѣлать для васъ?

Нѣчто, всего важнѣйшее: учись, чада мои! искусству распространять вашъ лагополучіе до безконечности — един-

спвенной пайнѣ сблизить его сколько можно съ наслажденіемъ боговъ и, ес-либъ позволено было такъ дерзко мы-слишь, съ наслажденіемъ самага виновни-ка Природы!

Проспирайте благодаренія ваши на всю Природу, любите все, что раздѣ-ляешъ съ вами бышіе, общій даръ ея.

Любите каждаго, въ комъ узрите достопочтенные признаки чловѣчества, коша бы то были и развалины его.

Радуйтесь съ каждымъ, кто ра-дуется; опирайте слезы, раскаянія на ланипахъ наказанной безрасудности, и осушайте поцѣлуями слезы, проливаемыя невинностію, состраждущю себѣ самой.

Возвышайте существо ваше, приви-кая любите въ каждомъ чловѣкѣ образъ Природы вашей, а въ каждомъ добромъ чловѣкѣ самихъ себя.

Вкушайте, сколько вамъ можно, сіе чистое, божественное удовольствіе, дѣ-

лашь другихъ счастливейшими. А ты, несчастный! у кого опть единой мысли сей не забьется сердце, удались на вѣки изъ обиталища чадъ Природы! —

Н. Розенмейеръ.

К И В А Ч Ъ.

Наблюдательный взоръ путешественника не долженъ оспалять безъ вниманія даже и малозначущіе предметы, а нѣмъ болѣе доспойные примѣчанія. Видѣшь рѣдкія произведенія Природы — любопышно; рассказывать объ нихъ — пріятно; описывать же — полезно.

Около 70-ши верствъ отъ Пешрозоводска находится знаменитый въ Россіи водопадъ Кивачъ. Въ одинъ осенній пріятный день, когда солнце блисало слабыми лучами, я отправился къ нашему Рейну. Чѣмъ болѣе удалялся отъ города, нѣмъ сильнѣе возрасало во мнѣ желаніе наслаждаться симъ необыкновеннымъ для меня зрѣлищемъ. Величественныя каршины, разбросанныя рукою При-

роды, приводили меня въ изумленіе. Окруженный ужасными видами, я, кажешся, блуждалъ въ спранахъ Оссіановыхъ и переселился въ шопъ вѣкъ, когда Морвенскій Бардъ на шомной лирѣ своей вѣщаль дѣянія Героевъ. Тамъ гранишный ушесь — грозный исполинь, возносишь гордое чело свое; здѣсь нависшая скала, покрывая сѣрымъ мхомъ, угрожаешъ дерзновенному пупнику. Тамъ въ ошдаленіи бурныя воды, возмущаемыя порывисшами вѣпрами, пѣняшся, клокочущъ и передающъ споны свои ущеліямъ горъ; здѣсь неизмѣримая бездна гошова поглосишь опважнаго. Тамъ непроницаемый лѣсъ, современный міру, оспанавливаешъ печеніе солнечныхъ лучей — и горе спраннику въ немъ заблудшемуся! Здѣсь вѣковыя деревья, помавая вершинами, кажешся, негодуюшъ на любопышнаго и воспрещаютъ ему входъ во глубину бора. Дикое величіе и мрачная угрюмость повсюду поражаютъ взоры.

Изумленный шаковыми карпинами,

я нечувствительно промчался 45 верстъ и достигъ Кончезерскаго чугуноплавильнаго завода, успроеннаго ПЕТРОМЪ Великимъ въ 1707 году при рѣчкѣ, протекающей изъ Першна-Володскаго озера въ Кончезерское. Въ началѣ онъ былъ мѣдиплавильный; но недоспашокъ руды принудилъ прекратить сіе производство; нынѣ же выплавляютъ на немъ въ двухъ доменныхъ печахъ чугунъ для издѣлій Александровскаго завода.

Осмотрѣвъ его, поспѣшаю къ Марціальнымъ водамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Дворцоваго рудника, находящагося ошюда въ 9-ши версахъ въ сторону ошъ большой дороги. Сими водами пользовался безсмершній Преобразователь Россіи. Рудникъ сей названъ Дворцовымъ пошому, что здѣсь построены были при деревянныя дворца, изъ кошорыхъ оспался шолько одинъ, да и шощъ близокъ къ разрушенію. Неизлишнимъ счишаю упомянуть, что прежде во дворцѣ были шолько чешыре комнашы. Вели-

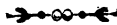

кій **МОНАРХЪ** не вмѣнялъ себѣ въ пятгоспъ помѣщашься въ споль шѣсномъ желицѣ; не спыдился принимашь въ ономъ Министровъ своихъ и даже Пословъ чуждыхъ Державъ. Здѣсь онъ, по словамъ спарожилловъ, и при самой немоци своей не оставался безъ дѣйсвія, не опускалъ бразды правленія.

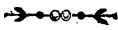
Вблизи дворца находится деревянная Церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, копорая цѣлое спольше прошивишя времени. Священныя ризы въ семъ храмѣ проснѣпою своею плнньюгъ сердца Рускихъ, кои изъ любви и преданности къ Царямъ своимъ вираюгъ на оныя, какъ на нѣкую свяпость. Между прочими ризами находится одна кишайчашая, сшитая собственными руками **ЕКАТЕРИНЫ**, достпойной супруги **ПЕТРА** Перваго. При взглядѣ на сей драгоцѣнный оспашокъ древноспи, какое сердце Рускаго не восхишится дѣянїями Великихъ Вѣнценосцевъ? Кто не скажетъ: и въ прошлѣ сихъ жершвъ

славно имя Ваше. Образа Спасителя, Богоматери, Петра и Павла, Николая, Иоанна Златоустаго и Александра Невского, писанные при Государь ПЕТРЪ Великомъ, еще и нынѣ масперспвомъ киспи могушь споришь съ лучшими произведеніями сего рода.

По выходѣ изъ Церкви мнѣ показали двѣ березы, достопримѣчательныя по своей древности и по названію. Ихъ посадилъ самъ ПЕТРЪ : одну назвалъ своимъ именемъ, а другую именемъ своей супруги ЕКАТЕРИНЫ. Отъ прочихъ деревъ опличаюся онѣ величиною и свѣжестію лиспьевъ; вѣтви одного сплелись съ вѣтвями другаго—символь взаимной любви. И самое всеразрушающее время щадишь ихъ! Сіе зрѣлище рождаетъ въ душѣ Рускаго воспоминанія о великой Порфирородной чепѣ, копорой Россія обязана вѣчною благодарностію. Съ благоговѣніемъ разсматривалъ я каждую вѣтвь, каждый лиспокъ, чшобы сохранишь въ душѣ своей пріятное впечат-

плѣніе. Я замѣшилъ, что листья дерева **ЕКАТЕРИНЫ** были мѣльче и зеленѣе дерева, украшеннаго именемъ **ПЕТРА**. — Отошедъ нѣсколько шаговъ, я приблизился къ Марціальному источнику, надъ которымъ возобновлена прежняя бесѣдка съ лѣспницею для схода внизъ. На стѣнѣ виситъ чугунная доска съ слѣдующею надписью: *Сей источникъ изцѣлительной Марціальной воды сысканъ для пользы ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ИМПЕРАТОРА Всероссийскаго и для прогей всенародной пользы, тщаніемъ и искусствомъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА всенижайшаго раба Артиллеріи Полковника и Коменданта Олонецкаго Георгія Вильгельма Геннина; рожденіе его въ Насосигень, и помянутый источникъ объявленъ въ прошломъ 1716 году.* — Вода сего источника мушна, на вкусъ землиста; скопляясь въ углубленіяхъ по выше самаго колодезя, она наспивается купоросными, квасцовыми и желѣзными

 часпицами, находящимися повсюду, и получаешь особенную оспрошу. Воды сіи въ шарину весьма славились: многія особы съѣзжались сюда изъ разныхъ Губерній для пользованія; для сего учреждена была отъ Москвы большая дорога. И до сихъ еще поръ споятъ нѣсколько сполбовъ съ надписью: *отъ Москвы до Марціальныхъ водъ*. Рудникъ же сей объявленъ молоповымъ работникомъ Ивановъ Ребоевымъ: чему служишь доказательствомъ слѣдующая Обѣльная грамота, *) написанная собственною рукою ПЕТРА Великаго на челобитной Ребоева:

„За изъявленіе сего, что первой знакъ лѣченія на немъ означился, освобождается онъ (Иванъ Ребоевъ) и домъ его съ землею, чѣмъ владѣешь, отъ всѣхъ работъ и податей на мѣдныхъ заводахъ; въ 22 Марша 1720.

ПЕТРЪ.“ —

*) Обѣльныя грамоты давались шѣмъ, кои освобождались отъ всѣхъ повинностей. Въ

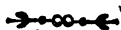
Проводникъ мой разказывалъ, что неподалеку отъ колодезя находился другой деревянный дворецъ, огромнѣ мною видѣннаго. Здѣсь шакъ же есть купоросный заводъ, оставленный нынѣ безъ дѣйствія.

Обозрѣвъ сіи мѣста, внушающія благоговѣніе и чувство признательности за изцѣленіе Великаго Государя, я неохотно распался съ ними.

На другой день рано поутру пустился далѣе. Тройка лошадей мчала насъ быстро; горы и лѣса мелькали въ глазахъ нашихъ: наконецъ доспигли мы Вороновой деревни, откуда принуждены были ѣхать водою, или верхомъ; дороги къ водопаду нѣтъ, кромѣ узинькой пропинки; мы согласились на послѣднее. — Цѣлая пять верстѣ должны были пробираться сквозъ чашу лѣса, раздѣляя руками вѣтви деревъ. Опѣхавъ

Олонецкой Губерніи находящіяся цѣлая селенія обѣльныхъ крещьянъ.

при версты слышимъ глухой шумъ, ко-
 торый болѣе и болѣе увеличивался, по
 мѣрѣ нашего приближенія. Вдругъ
 видимъ какъ бы нѣкое облако, рас-
 шилающееся на подобіе шумана, или
 ночной мглы; съ нешерпѣніемъ спремим-
 ся далѣе — и достигаемъ водопада.
 Здѣсь-то очаровывается зрѣніе, здѣсь-то
 удивленіе возрастаетъ до высшей сте-
 пени и воображеніе одушевляется нео-
 обыкновеннымъ воспоргомъ. Рѣка Суна,
 заключенная между двумя горами пада-
 етъ съ высотъ, дробится о чешыре об-
 наженные скалы, вода ударяясь и спре-
 мясь постепенно по ушесамъ, низвергаетъ
 съ сильнымъ порывомъ въ бездну;
 кипитъ въ жерлѣ и бѣетъ опять вверху,
 образуя безчисленное множество фон-
 тановъ. Блестящіе брызги, разсыпаясь
 непримѣтно, превращаются въ паръ,
 который мало по малу сгущаясь, плава-
 етъ въ атмосферѣ въ видѣ облаковъ.
 Клубящаяся пѣна уносится теченіемъ
 воды, возвращается назадъ, ударяется

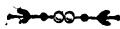
о скалы и опять увлекается стремлени-
емъ въ бездну водопада и послѣдуетъ за
своимъ теченіемъ.

Здѣсь солнечные лучи, переливаясь и
переломляясь въ брызгахъ, образуютъ
разноцвѣтныя радуги. Въ зимнее время
деревья близъ водопада бываютъ одѣшны
кристаломъ. Мы спояли на одной воз-
вышенности и въ короткое время по-
крышы были инеемъ; шумъ водопада
столь великъ, что двое громко разгова-
ривающихъ не могутъ слышать другъ
друга. Крутая каменная гора, разсѣчен-
ная на двѣ части рукою Природы, слу-
житъ изходомъ рѣки, кою берега
покрыты непроницаемымъ лѣсомъ. На
одной сторонѣ нѣсколько разсѣвшихся
скалъ пропускаютъ сквозь себя влажную
спихію, непрестанно ударяющуюся объ
оня и отражающуюся съ большею силою.
На одномъ изъ сихъ пропоровъ устроена
мельница. Высота паденія воды со-
ставляетъ 4 саж. Вообще вверху рѣка
течетъ довольно тихо; но за 20 сажень

опъ паденія спремленіе ея увеличиваешся, и она здѣсь подобно вихрю все низвергаешъ и дробишъ въ мгновеніе ока.

Мы дѣлали опышъ — но неудачный; пустили большое бревно по печенію водопада; оно понеслось быспро, ударилось объ одну скалу; сила воды отбросила его на противоположную спорону и ушвердила шакъ, чпо и по опыздѣ нашемъ оно оставалось въ томъ же положеніи. Мѣльникъ живущій здѣсь увѣрялъ, чпо все увлекаемое быспрымъ спремленіемъ водопада разбиваешся на мѣлкія части.

Здѣсь рассказываютъ объ одномъ произшествіи, которе преданія сохранили до насъ. Въ древнія времена, — когда Липва ходила на Русь, — въ сей споронѣ опдѣльная шайка грабила окрешныя селенія. Однажды бродяги сіи, захвапивъ крешьянина, принудили его угрозами, показатъ дорогу къ прочимъ селеніямъ, и взявъ его

съ собою поплыли на плосу внизъ по рѣкѣ Сунѣ. Креспьянинъ, желая опомсипшь имъ за причиненныя бѣдспвія, не предупредилъ ихъ объ угрожавшей опасности, кошорой и самъ подвергался. Но не доплывая нѣсколько саженой до паденія рѣки, онъ кидается въ воду и благополучно приплываетъ къ берегу. Повелители же его, не подозрѣвая сокрышой въ семь хипроспи, продолжаютъ плаваніе; но они вскорѣ увидѣли обманъ и неизбѣжную погибель. Спремленіе водопада мгновенно увлекло ихъ въ бездну, и они исчезли.

Разсмаприваніе Кивача, сего чуднаго, величеспвеннаго творенія Природы вселяло воспоргъ, соединенный съ неописаннымъ изумленіемъ. Слущь, мысли и чувспва заняшы были симъ водопадомъ. Здѣсь вспомнилъ я, какъ безсмерпный нашъ Сѣверный Бардъ путешеспвоваль къ Кивачу, чшобъ видѣшь его собспвенными глазами. Прочисавъ его оду:

Алмазна сымешся гора
 Съ высотъ чешырема скалами,
 Жемчуга бездна и сребра!
 Кипишь внизу, бьешь вверхъ буграми —

Прочитавъ, говорю, сіе стихотвореніе, нельзя не сказать, что видъ Кивача сообщилъ Генію нѣ карпины, коими оное исполнено: подобно тому, какъ величественныя Холмогорскія возвышенности и Ледовиное море перелились въ Поэзію Ломоносова.

Подъ сильною его пяпою
 Кремнистые бугры прещапъ;
 Во слѣдъ за скорыми кормами
 Спѣшишь съдая пѣна рвами. и проч.

Удовлешворивъ своему любопытству, я возвратился назадъ. Часно обращалъ взоры свои, какъ бы еще недовольные, на изумляющія картины окрестностей Кивача и склонялъ слухъ въ пусторону, откуда происходилъ шумъ, чтобы еще внимать его опзывамъ. Погруженный въ сладостную задумчивость, непримѣннымъ образомъ достигъ я мѣс-

та перемѣны лошадей. Но въ продолженіе дороги съ прискорбіемъ представлялъ себѣ, что у насъ множесство подобныхъ рѣдкостей и красоть Природы остаются въ забвеніи. Какъ бы пріятно было для Рускаго читателя описанія достопримѣчательныхъ мѣстъ его Отечества! Съ какимъ восторгомъ похвалялся бы онъ предъ Иностранцами, копорые и обыкновенную вещь описываютъ со всѣми подробностями. Не должно опчаеваться, что будетъ время, когда подъ мудрымъ Правленіемъ **ВЕЛИКАГО МОНАРХА** Благословеннаго **АЛЕКСАНДРА**, покровительствующаго Науки и Художества, Россія, преобладающая съ неимовѣрностію всѣмъ пріямствіямъ, быстрымъ стремленіемъ превзойдетъ просвѣщеннѣйшія Державы, и покажетъ, что Съверъ споль же обилень каршинами Природы, сколько и Геніями, умѣющими чувствовашъ красоту оныхъ.

Ив. Боровковъ.

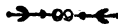

БРАКЪ ПО РАЗСУДКУ.

*Femmes! Femmes! objets chers et funestes
que la nature orna pour notre supplice.*

J. J. ROUSSEAU.

Молодой Любомудровъ, образовавшійся подъ руководствомъ извѣснѣйшаго Политиспра своего времени, съ честью служилъ Опечеснзу, какъ неожиданная кончина родителя, оставившаго ему изрядное наслѣдство, побудила его возвратиться въ свои помѣстья, находившіяся въ одной изъ Южныхъ Губерній Россіи. Неохотно расставшись съ службою, онъ занялся хозяйствомъ и такъ хорошо успроилъ имѣніе свое, что счастливые поселяне, прославляя имя благодѣтельнаго помѣщика, приносили въ жертву

попеченію и' благоразумному управленію его обильные плоды опъ ихъ избытковъ. Свободные часы, остававшіеся опъ хозяйственныхъ упражненій, онъ посвящаль усовершенствованію ума своего въ познаніи Природы и' человѣка. Успѣхи Любомудрова были столь велики, что добродушные сосѣди единогласно называли его Философомъ и' весьма часто пользовались совѣтами его въ дѣлахъ семейственныхъ. Уже достигъ онъ тридцатого года; но пайная скука одиночества отправляла мирное его убижище.

Ничто такъ не располагаетъ души нашей къ задумчивости, какъ тихій шумъ деревъ и' журчаніе рѣзваго ручейка. Въ одну ночь Любомудровъ, сидя подъ древнимъ вязомъ, осѣнявшимъ прозрачный источникъ, предался глубокимъ размышленіямъ. Хорошая жена, думаль онъ, увеличивая радости жизни и' услаждая самое несчастіе, составляетъ истинное блаженство наше. Ипакъ при выборѣ ея должно послѣдовать не слѣ-

пому стремленію сердца, а справедли-
вому приговору разсудка. — Прекрасная
женщина безъ хорошихъ душевныхъ ка-
чествъ, можетъ только плѣнить взоръ
нашъ и очаровать воображеніе; но эпитъ
не исполнится еще совершенная цѣль
супружества.

Наружная красота женщины весьма
сильно поражаетъ пылкаго юношу; а по-
тому должно налагать на себя брачныя
узы не моложе придцати лѣтъ; тогда
умственные силы берутъ верхъ надъ
чувственными; тогда наружность не
обольщаетъ такъ легко, какъ во время
юности. Чѣмъ болѣе разсуждалъ онъ,
тѣмъ сильнѣе убѣждался въ истиннѣ
своихъ заключеній, и твердо рѣшился
при выборѣ супруги согласоваться съ
разсудкомъ.

Съ сего времени Любомудровъ, по-
сѣщая нерѣдко сосѣдей своихъ, обра-
щалъ на нѣжный полъ особенное внима-
ніе. Забьешся ли сердце его при взгля-
дѣ на прелестную дѣвицу, — онъ бѣжитъ

опшъ ней, опасаясь поступить противъ разсудка; представился ли по мнѣнiю его добродѣтельная, но не пригожая — онъ находилъ недоспапки въ самой ея добродѣтели. Сколь ни изобильна Украина безпримѣрными красотою, такъ скажешь Генiями ея климаша; но Любомудровъ не могъ найти ни одной, которая соотвѣтствовала бы его обшпу.

Необходимыя дѣла вызвали новаго рода Философа въ С. Петербургъ, гдѣ мало по малу увлекаясь вихремъ большаго свѣта, иногда посѣщадъ онъ бульваръ, лѣшнiй садъ и прочiя публичныя собранiя. Здѣсь благовидная наружность прелестныхъ представлялась ему самою добродѣтелию, здѣсь онъ плѣнялся изящнымъ ихъ вкусомъ въ одеждѣ и привлекательнымъ, ловкимъ обхожденiемъ и здѣсь-то надѣялся онъ отыскать невѣсту по мыслямъ.

Любомудровъ въ домѣ друзей своихъ Милосердовыхъ часто видалъ Марiю, юную сироту, которая послѣ благород-

ныхъ родителей, получила въ наслѣдство одну бѣдность. Крошечность и непорочность, изображавшіяся на лицѣ ея, очаровали его разумъ; но, не довѣряя часто обманчивой наружности, онъ рѣшился узнать подробнѣе о нравственности Маріи. Изъ многихъ, посѣщавшихъ домъ Милосердова, одни не находили словъ для ея похвалы, увѣряя, что Природа соединила въ сей бѣдной дѣвушкѣ остроту ума съ чувствительностью сердца; напрошивъ того другіе возражали, что она любитъ распочать колкія насмѣшки на счетъ недостатковъ подругъ своихъ, охотно прапигъ деньги на модныя бездѣлки; но отпказываетъ бѣдному въ ничтожной милоспнѣ. Можно ли положиться на рассказы столь разнорѣчивые? Все сказанное прошивъ Маріи Любомудровъ считалъ клеветною и кошѣль самъ проникнувъ въ ея душу. Разговаривая съ нею, замѣчалъ онъ съ удовольствіемъ правильность ея суждений; готовность къ благошворенію и рав-

нодушіе, съ каковымъ она переносила настоящее свое состояніе.

Марія, видя въ новомъ знакомцѣ спорогаго нравоучителя и чловѣка съ изряднымъ состояніемъ, употребляла возможное стараніе выказывать себя добродѣтельнѣйшею, чптобы симъ средствомъ склонить сердце его въ свою пользу. Любомудровъ, обольщенный пріятнымъ обхожденіемъ Маріи, чувствительностію, состраданіемъ ея къ бѣднымъ и, можетъ быть, милостивностію, не сомнѣвался ни мало, чптобы жена съ такими свойствами не доставила мужу совершеннаго счастья. При всякомъ свиданіи съ нею, мнѣніе сіе казалось ему основательнѣе и онъ всегда неохотно осматривалъ Марію. Иногда приходило на мысли Философу: не наружная ли красота прелестной дѣвицы обворожила его? Но по довольномъ разсужденіи онъ увѣрялъ самъ себя, чпто Марія своею добродѣтелию привлекла его душу. — Я, думалъ Любомудровъ, избавлю ее отъ бѣдно-

сти; благодарнось усугубишь ко мнѣ ея привязаннось; испытавъ прежде всѣ недоспапки жизни, она не будетъ прихотлива и не послѣдуетъ роскоши, всѣмъ жерпвующей непоспоянной модѣ. — Кпо усомнишь въ справедливоспи сихъ заключеній?

Прелестная Марія не только поддерживала хорошее о себѣ мнѣніе Философа; но весьма шонко и скромно показывала свою преданнось къ нему и самую любовь. Разсужденія ея о благодѣяніи и соспраданіи къ несчастнымъ глубоко врѣзывались въ сердце Любоудрова. О какъ люди зморѣчивы! думалъ онъ. Можно ли было упрекать въ жестокосердіи существо чувствительное, рожденное для ушѣшенія несчастныхъ? Однажды, войдя въ комнашу, онъ видипъ Марію, занимающуюся чтеніемъ. — Случай, казалось, благопріятствоваль и побуждалъ его присупишь къ исполненію предположеннаго имъ намѣренія. Какая пошребна рѣшишельнось присупу-

пишь къ шакому дѣлу, гдѣ ошибка исправляется только смертію! Послѣ обыкновенныхъ привѣспвій тысячу разъ переменялъ разговоръ, по описывал прилпность супружеской жизни, по восхваляя, добродѣшель Маріи. Наконецъ постепенно сдѣлавшись смѣлье, онъ съ жаромъ сказалъ: Вы всегда гоповы помогашь ближнимъ и лишены средствъ удовольстворять сію похвальную склонпость, вы даже сами пользуетесь благодѣяніемъ другихъ; примпте мое предложеніе и обспоятельствва ваши будутъ въ лучшемъ видѣ. — Я не понимаю васъ, возразила Марія; говорите яснѣе. Тогда Любомудровъ объявилъ въ корѣпкихъ словахъ о намѣреніи своемъ соединиться съ нею въ вѣки. Марія, не ожидая шакого благополучія, долго хранила молчаніе, попомъ искусно опказывалась опъ сего предложенія, и описывала со вздохомъ неравенства ихъ соспопній. Искатель руки ея, испощивъ все краснорѣчіе свое, получилъ согласіе, кошорое Марія изъяви-

да со всею шонкостію ловкой и благо-
разумной дѣвицы; но прежде хотѣла
шолько испроситъ позволенія Милосер-
довыхъ и — женихъ по разсудку, видя
признашельность ея къ благодѣтелямъ,
былъ внѣ себя отъ восхищенія.

Кшо чувствуешь цѣну благодѣянія,
шощь имѣешь доброе сердце, думаль Лю-
бомудровъ. Рузсудокъ назначилъ мнѣ
жену: исполню обѣщъ свой и буду на-
слаждашьясь безмяшѣжною жизнію. Вѣрю
мнѣшю нравоучишелей, чшо мы сами бы-
ваемъ причиною несчастій нашихъ (*).
Такъ размышляль Философъ, ожидая
пріѣзда Милосердовыхъ. Едва они пока-
зались, какъ разсудишельный женихъ на-
чалъ проситъ согласія ихъ на бракъ съ
Марією. Могли ли препянишвоваль сему,
великодушные благодѣшели? Они знали
добрую душу своего друга; знали, чшо

(*) Misfortune is but another word for imprudence,
сказаль одинъ изъ Англійскихъ Мудрецовъ.
Зам. Соч.

онъ имѣеть порядочное состояніе — и охотно благословивъ бѣдную сироту, отдали пушгъ же руку ея Любомудрову. Уже Марія соединилась съ нимъ и восхищенный Философъ нашъ почиталъ себя счастливейе всѣхъ смертныхъ. Прошло нѣсколько времени и Любомудровъ, окончивъ дѣла свои въ Спюлицѣ, собрался въ родимую Украину. Марія, привыкшая къ разсѣянности большаго свѣта, неохотно слѣдовала волѣ своего супруга, но старалась скрывать отъ него неудовольствіе. Она не знала, что супруги должны быть друзьями; всякая тайна между ими непозволительна и часто ведетъ къ худымъ послѣдствіямъ.

Наконецъ новобрачные оставили шумную Спюлицу и поселились въ тихомъ сельскомъ убѣжищѣ. Здѣсь Марія сначала занималась красошами Природы; съ удивленіемъ смотрѣла на неизвѣстныя ей дополь работы земледѣльцевъ и съ удовольствіемъ посѣщала добрыхъ сосѣдей. Но вскорѣ все сіе сдѣлалось едино-

бразнымъ въ глазахъ ея и она перялась въ изысканіи средствъ удовлетворить влеченію своему къ разсѣянности. Весьма шрудно боролся съ привычкою. Иногда умоляла она супруга возвратиться въ Сполицу и, видя непреклонность его, упрекала въ холодности. Напрасно разсудительный супругъ, желая развлечь ее, убѣждалъ заняться хозяйствомъ: она считала это весьма низкимъ для женщины, поставлявшей себя образцемъ изящнаго вкуса. Она забыла прежнее состояніе свое; забыла даже то великодушіе, которымъ плѣнила Любомудрова въ своихъ разсужденіяхъ. Съ суровостію отказывала она въ помощи нуждающемуся земледѣльцу — и бѣдный удалялся отъ ней съ неопершыми слезами. Не разъ добрый супругъ напоминалъ ей тѣ сладостныя минушы, которыя проводили они въ разговорахъ о состраданіи и милосердіи къ злосчастнымъ. Что же дѣлала Марія? — Она скучала и проливала слезы — не умиленія, а досады.

Марія, изгнала изъ сердца чувствительность любезнѣйшее свойство, отличающее въ особенностях прекраснѣйшій полъ. Жалкій Любомудровъ не зналъ чѣмъ предпринять къ обращенію жены на спезю добродѣтели. Прибѣгнешь ли онъ къ нѣжнѣйшимъ ласкамъ—онъ умножаютъ только ея своевольство; начнешь ли подавать благоразумные совѣты—Марія зѣваешь и часто уходитъ отъ краснорѣчиваго нравоучителя; употребишь ли угрозы, чѣмъ онъ принужденъ будетъ расшаться съ нею — Марія обвиняешь его въ непослушанствѣ, и прорисунки свои вмѣняешь потчасъ въ вину новаго Сограпа.—Разводы супруговъ въ Россіи не такъ еще обыкновенны, какъ въ другихъ просвѣщенныхъ Государствахъ, и считающагося порокомъ. Любомудрову, для сбереженія чести своей, оставалось только вооружиться дерзніемъ — и собственнѣйшій опытъ убѣдилъ его въ истинѣ, что выборъ жены по разуму не всегда доставляетъ благополучіе: разумокъ

не можешъ сообразить всѣ будущія обстоятельства. Часто даже онъ погрѣшаетъ и въ настоящихъ, особенно когда противъ него дѣйствуетъ сердце, которое весьма хитро обольщаетъ проницательнаго своего соперника. Върояшнѣе можно заключить, что благополучное супружество зависитъ не отъ одного разсудка, но отъ соглашенія съ нимъ чувствованій сердца и сходства нравовъ.

Б ковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЕСКИЛОВОЙ ТРАГЕДІИ: ӨИВАИДЫ.

Өивскій воинъ, обозрѣвавшій союзныя войска, приведенныя Полиникомъ, описываетъ достойнѣйшихъ вождей, между тѣмъ хоръ Өивскихъ дѣвъ умоляетъ боговъ о ниспосланіи помощи.

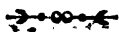
В О И Н Ъ.

Неисповый Тидей уже къ спѣзнамъ Препена
Подвигъ свои полки опъ береговъ Исмена,
Какъ шуча грозная онъ брань несетъ съ собой
И къ Өивамъ ближишя рушишельной спопой.

Вопще сѣму вождю путь воды преграждають,
 Вопще жрецы ему погибель възвѣщаютъ.
 Какъ люшый змій, когда бываешь раздражень,
 Или когда въ немъ ядъ опъ зноя возбуждень,
 Млубишся въ яроспи, — и воздухъ оправляешъ:
 Какимъ Тидей себя предъ Оивами являешъ.
 Не внемлешъ божества онъ роковымъ словамъ
 И посмѣваешся буншующимъ волнамъ;
 Ты презрѣнемъ мещешъ зорь на шайнства
 Священны,
 И робосшью зовешъ сказанья вдохновенны.
 [зрѣль его, когда онъ рашникамъ вѣщаль,
 О дани спрашный мечъ, какъ быліе вращаль;
 Ва гребня и крыло на шлемъ колебались,
 И конскіе власы по вѣпру развѣвались.
 Потомъ, подьявъ Тидей шяжелый мѣдный щипъ,
 Крикращъ попрясъ его, и зрѣлся имъ покрывъ.

На грозномъ семъ щипѣ, съ предивною
 рѣзбою,

Художникъ начерпалъ искусною рукою
 Сребристую луну въ блестящей красотѣ;
 Когда печель она по звѣздной высотѣ

Сей вождь казался мнѣ предъ воиновъ рядами,
 Какъ исполинъ-гора, предъ низкими холмами;
 Алкая крови онъ, доспѣхами гремишь,
 И, призывая смерть, намъ гибелью грозишь.
 Таковъ репивый конь для бранцъ воскорм-
 ленный,
 Услыша битвы громъ и жаромъ воспаленный,
 Подъемлешь свой хребетъ съ дрожащя землею,
 И ржаніемъ на громъ опвѣспивуешь вдали.

*Противъ Тидея назначается Этео-
 клонъ Фивскій витязь Мелантѣ, воишь
 продолжаетъ рассказъ:*

Съ другой стороны облежь всей рашію своей
 Полуденны врата, ужасный Капаней.
 Громодержавный Зевсъ, да опвратишь на-
 паси,
 Кошорыми сей вождь грозишь намъ въ буй-
 ной спраспи!
 Какъ дикая скала, среди морскихъ равнинъ,
 Являешся очамъ сей грозный Исполинъ.
 Изъ смерсныхъ ни кому спязаться съ нимъ
 невозможно.
 Увы! намъ оцъ руки его погибнуть должно.

Кланешся Капаней низвергнути славный
градъ,

Хошябъ прошивъ его подвигнулся весь адъ;

Хошябъ въ защину намъ возспаль Олимпъ
съ богами

И самъ верховный Дій, съ громовыми спрѣлами.

, Никпо руки моеи опъ Оивъ не опврашишь:

Я кровью градъ залюю“—онъ въ бѣшенствѣ
грозить —

, И бури Зевсовы и молніи палящи,

, И громы, землю всю во шрепешъ приводящи,

, Спощь грозны для меня, какъ легкій паръ
весной,

, Или ничпожный дымъ, лешящій съ бы-
спрошой. “

Какъ буйный Капаней сподвижникамъ въ-
щаешъ.

И дерзкія хулы къ Зевесу обращаешъ.

Какъ черно облако его казался щипъ,

На коемъ явспвенно начершанъ спраш-
ный видъ:

Тамъ воинъ зрѣлся мнѣ, надъ башнями
парящій;

И свѣщомъ пламенный въ рукѣ своей
держачій;

У ногъ его слова въ блистательныхъ
чершахъ:

„Я Эивы гордые преобращу во прахъ!“

Кпо можешь съ симъ вождемъ вступишь
въ единоборство;

Кпо сокрушишь его кичливое презор-
ство?

*Противъ Капаня назначается Пом-
фонтъ, воинъ продолжаетъ:*

На злчныхъ высотахъ, гдѣ храмъ Пал-
лады зримъ,

Младый Гипомедонъ, опмщеніемъ водимъ,
Какъ нѣкій спрашный богъ, въ доспѣхи об-
леченный,

Имѣя грозный шлемъ власами окрыленный,
Опважныхъ ратниковъ ведетъ на смертный
бой,

Звучишь въ желѣзный щипъ могучею рукой.

Я зрѣлъ на семь щипъ ликъ пагуб-
ный Тишана,

Твоея дщцаго Эхиднами вѣнчанна:

Клубишся черный дымъ изъ челюстей его;
 Огнь пышетъ во успахъ чудовища сего,
 И змѣи страшныя вьютъ ошибки кру-
 гами,
 Слепаясь близъ его волнистыми хреб-
 тами.

Какъ прочіе вожди, свирѣль Гипомедонъ,
 Въ презрѣнны же къ богамъ всѣхъ превосхо-
 дитъ онъ;

По взорамъ пламеннымъ, по виду, по осанкѣ,
 Сей вождь подобишся неисповой Вакханкѣ.

*Называется противъ Гипомедона Тив-
 скій Витязь Аргонтъ, воинъ продолжаетъ:*

На полночь далѣе, ошъ сихъ печальныхъ
 спранъ,

Аркадскихъ воиновъ я зрѣлъ обширный спанъ
 Въ помъ мѣспѣ, гдѣ сокрытъ прахъ мирный
 Амеіона;

И рашниковъ сихъ вождь, заццишникъ, оборона,
 Опважный Парпенонъ во цвѣспѣ юныхъ лѣспѣ,
 Прелесшной Нимфой онъ произведенъ на свѣспѣ.
 Едва браду его пухъ мягкій покрываешъ,
 Какъ упренна заря чело вождя блиспаешъ.

Предметъ всѣхъ нѣжностей и пламенной любви,
 Прельщенный славою, огонь чувствуя въ крови,
 Оставилъ онъ поля Аркадіи цвѣтущей,
 Послѣдовалъ враждѣ, Полиника грызущей.—
 Въ доспѣхи легкіе сей Вишязь облеченъ;
 Пернатый шлемъ его червленно позлащенъ.
 Кольчуги гибкаго не покрываютъ спана;
 Не зрѣлъ я ни меча, ни лука, ни колчана;
 Единое копье блеспишь въ его рукахъ,
 Кошорымъ мечетъ онъ на сопрошивныхъ
 спрахъ.

„Клянуса я копьемъ, что кровь пролью
 рѣками,
 „И мщеніе свершу надъ Фивскими спѣнами.“
 Такъ дерзкій Парпеновъ во гнѣвъ намъ
 грозишь,
 И кляпву совершивъ, приѣмлетъ грозный
 щипъ.

О ужасъ! я узрѣлъ на немъ изображенно
 Чудовище сихъ мѣстъ, на пагубу рожденно:
 Я Сфинкса шамъ узрѣлъ, несчастій всѣхъ
 вину,
 Постигшихъ Лайевъ родъ и Фивскую
 страну.

ХОРЪ ОИВСКИХЪ ДѢВЪ.

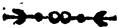
Враги, раздоромъ ополченны,
 На Оивы сыпляшь пучи спрѣль;
 Судьбой невинно угнѣшенны,
 Оплачемъ скорбный нашъ удѣль.

Такъ робка горлица спенаешъ,
 Увидя яспреба вдали,
 И надъ ппенцами просшираешъ
 Дрожащи крылія свои.

Всемощны, милосерды боги!
 Хранише въ мирѣ вашихъ чадъ;
 Не будыше въ мщеніи къ намъ спроги,
 Хранише Кадма славный градъ.

Ужель сыны иноплеменны,
 Народы варварскихъ земель,
 Ужель попруть мѣспа священны,
 Вождей, Героевъ колыбель?

Уже ли вы въ злосчасшной долѣ,
 Оспавише свою спрану?
 Уже ли намъ спрадашь въ неволѣ,
 И вѣчно проклинашь войну?

Ужель забудете прозрачный
Дирцея шокъ, поившій васъ;
Его брега, долины злачны,
Гдѣ часто вашъ внимали гласъ?

О вы, бессмертны! ниспошлице
На вражи силы хладный спракъ,
Мечи и стрѣлы сокрушите
Перуны грозны въ ихъ рукахъ.

Е. Ковалевскій.

Я В Л Е Н І Е А М У Р А.

Солнце скрылось за лѣса,
Заблнспали звѣзды,
И явилася луна
Въ голубомъ эфирѣ.

Смогло поле, дремлетъ боръ,
Тиха ночь весення
Распустила легки сны
По дворцамъ и хашамъ.

Я уснулъ и позабыдъ
Пришворишь окошко,
Вдругъ влешьль ко мнѣ божокъ
Легкимъ мошылѣчкомъ.

Съ пихой струйкой вѣшерка
Онъ скользнулъ—и ппашкой
Запорхаль—и шолкъ меня
Крылышкомъ лазурнымъ.

„Пробудись! — сказала онъ мнѣ —
 „О спрадалецъ бѣдный!
 „Боги слышатъ пѣжкѣй спонь
 „Видятъ горьки слезы.

„Дѣй послалъ тебѣ дары
 „За швое шерпѣнье;
 „Выбирай — я все готовъ
 „Для тебя исполнишь!

„Пожелай — и швой пріюшь
 „Тѣсной, небогашой,
 „Спанешъ вдругъ огромный домъ,
 „И заблещешъ злашомъ.

„Пожелай — и цѣлой рядъ
 „Рѣдкихъ и чудесныхъ
 „Апеллесовыхъ каршинъ
 „По спѣнамъ развѣшу.

„Пожелай — и самъ Орфей
 „Изъ волшебной лиры
 „Извлечешъ небесный гласъ, ---
 „Линъ пѣнишь свирѣлю.

„Молви слово -- и сады
 „Разцвѣшуть прекрасны,
 „И польешся аромашъ
 „Розы и лилей.

„Попроси — и принесешъ
 „Геба молодая
 „Полный нектара фіяль,
 „Пиши безсмертныхъ.

„Словомъ все чшо чувшивамъ льстишь,
 „Все, чшо чувсва нѣжишь,
 „Боги вмигъ шебѣ дадуть ---
 „Боги всѣмъ богаты! “

Все чудесно! — я въ опивѣшь:
 Но, о богъ прещедрый!
 Чшожъ ни слова не сказала
 О прелестной Хлоѣ? —

Бышь не можешъ, чшобъ о ней
 Въ небесахъ не знали:
 Въдъ опъ небажъ ей дано
 Бышь земли красю.

Хлоя спушишь... и цѣвны
 Подъ спопой родялся!
 И въ бездушныхъ къ ней любовь! —
 Чшожь въ одушевленныхъ? . . .

Поглядишься въ шокъ водъ—
 Плещушь ей Наяды! . . .
 Ахъ! кого не восхиляшь
 Милой Хлои взгляды?

Кудри мягкія влосовъ
 Золопомъ блистающъ,
 И сіяющъ какъ лазурь
 Голубыя очи! . . .

А улыбка? — О повѣрь,
 Никакою кистью
 Не напишешь равной ей
 Ниже самъ Апеллесъ.

Не ходи ко мнѣ Орфей!
 Чшо цѣвница Лина,
 Если слышашь буду я
 Милой Хлои голосъ?

Вѣрь, я былъ свидѣтель самъ,
 Какъ недавно въ роцѣ
 Вдругъ замолкли соловьи;
 Лишь запѣла Хлоя, —

Спалъ ручей и дровъ верхи
 Наклонились низко,
 И казалось, мѣсяць самъ
 Слушалъ пѣсню Хлоя.

А на чшо сады — когда
 Розы молодья
 На успахъ ея всегда
 Ароматомъ дышущъ?

Такъ скажижъ, о милый богъ!
 Богу надъ богами,
 Чшо даровъ не принялъ я
 Ошь шебя роскошныхъ.

Раздавай другимъ дворцы,
 Кеменны палашы:
 Мнѣ шалашъ да Хлою съ нимъ,
 И я счастливъ буду! . . .

Передъ ними — славы блескъ ;
Горы золошья!
Одного лишь я прошу,
Я прошу лишь Хлои! . . .

Ахъ тогда пускай самдругъ
Скроешь насъ пустыня.
Съ милой сердцу всюду рай :
Въ ней мое блаженство.

Федоръ Глинка.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

Какъ часто намъ твердятъ, друзья мои
любезны,
Чтобъ мы не слушали разсказовъ ошъ спарухъ;
Но признаюсь, они подчасъ не бесполезны:
И это не спыжусь сказаць вамъ даже въ
слухъ.
Вотъ мамушка моя, небесное ей царство!
Большой разумницей въ семьѣ своей слыла;
На всякую болѣзнь найдешь у ней лѣкарство,
И вмѣсто лѣкаря у насъ въ селѣ была.
Она всѣ вѣдала жишейскія проказы:
Сны знала шолковаць, морочиць и гадаць.
Бывало пусшился покойница въ разказы,
Какихъ въ Испоріи напрасно вамъ искаць.
Она про спарину по пальцамъ перескажешь:
Про всѣхъ богатырей, удалыхъ молодцовъ;

Гдѣ жилъ былъ Ерусланъ—навѣрное докажетъ;
 Когда Горыня вождь ходилъ на мершвецовъ;
 Какъ вѣдьмы Брянскія надъ смершными
 играли,

Въ дубовыхъ засѣкахъ свиспали по ночамъ,
 Въ чугунныхъ спунищахъ по свѣшу развѣз-
 жали,

Сбирались кушашъ медь ко Муромскимъ
 ягамъ.

Пестъ спугу погонялъ, а помело ужасно

Вмигъ замѣшало ихъ широкіе слѣды;

Но заспавала ли погодушка ненастная,

Тутъ коврикъ самолешъ спасалъ опъ сей бѣды.

Построена въ глуши изба на курьихъ нож-
 кахъ

И къ лѣсу темному споявшая задомъ,

Гдѣ кости пупниковъ хранилися въ лукопкахъ;

Обершывалась къ нимъ по знаку передомъ...

И словомъ шайны всѣ волшебнаго искусства

Старушка вѣдала, друзья, на перечопъ.

Ахъ! вспомнишь не могу безъ сладостнаго
 чувства,

Когда всѣмъ чернымъ днямъ мнѣ объясняла
 счопъ.

То правду сущую покойница пвердила,
 Чпо злой какой-шо духъ насъ часпо шормо-
 щипъ,
 И слово лишь одно: „гурб насъ! гурб, вражья
 сила!“

Опъ нападенія нечиспыхъ, защищипъ.

Но вопъ друзья бѣда, чпо мы забывшисъ
 сами,

Не вспомнимъ иногда сей вѣрный палисманъ.

Послушайшежь меня: когда случипся съ
 вами

Попасшь---избави Богъ! несчастія въ капканъ;

То не забудше вы спарушки насщавленье,

И слово: гурб меня! припомните подчасъ;

Оно досщавипъ вамъ опъ бѣдспвія спасенье

И опъ опчаянъя избавипъ други, васъ. —

О! вѣрю мамушка благимъ пвоимъ наукамъ,

Когда по вечерамъ—при свѣпъ ночника,

Учила пы меня жишейскимъ разнымъ шпу-
 камъ

И просвѣщала умъ пшомца проспака.

Бывало говоришь: „О дщяшко любезно!

О ненаглядное пы солнушко мое!

Осперегись забишь учение полезно;
 Оно тебѣ покровъ, въ немъ счастье швое.
 Находишь, дитяшко, на насъ шакое время,
 Чшо шолько ни начнешь, все не пойдешь намъ
 въ прокъ.

Но слово: *гурь!* одно опводишь зла беремя.
 Ахъ! мама, виновашь, я швой забыль урокъ.

Бышь можете вы, друзья, смѣшесь надо
 мною

И вѣрно скажете, чшо мамамъ срдно лгашь;
 Когдажь узнаете вы горе надъ собою,
 Тогда не будете словъ мамы презирашь.
 Вошь вамъ одинъ примѣръ, со мною онъ слу-
 чился:

Вчера пришелъ ко мнѣ знакомый и сказалъ:
 „Опсюда швой должникъ уѣхашь шоро-
 пился,

„Я видѣль, какъ на дворъ извощикъ прискакаль;
 „Спѣши, чшобы швая надежда не пропала.“

Предсшавьте же мой шпрахъ! безъ денегъ, безъ
 друзей,

Судьба погибелью бѣднягъ угрожала.

Знакомый, пожалѣвъ объ участи моей,
 Пошелъ изъ горницы; я началъ снаряжаться
 И только надѣвашь спаль на ногу сапогъ,
 Какъ вдругъ ему на грѣхъ случилось разор-
 ваться;

Другихъ я не имѣлъ и—эти сшипы въ долгъ!

Чшожь дѣлашь бѣдняку? а время улетаешь:

Послалъ къ сапожнику скорѣ починишь.

Проходишь часъ, другой — и полдень наспу-
 паешь,

Сапогъ мой негоповъ, мнѣ не въ чемъ и
 спунишь.

Сапожникъ между пѣмъ, ночинку взявъ съ
 собою,

Въ народной клубъ зашелъ, чшобъ за одинъ
 походъ

Тамъ нешару схвашишь, — но чшожь? не
 значь рукою

Прокляшой далъ шолчекъ подъячему, — а шопъ;

Связавъ сапожника, въ Полицію опшправиль —

И бѣдной мой сапогъ шудажъ въ сибирку,
 съ нимъ.

Тупъ дѣлашь нѣчего, спыдъ въ споронѣ
 осшавиль:

Къ сосѣду приступилъ и способомъ шакимъ
 Досталъ я сапоги, и къ должнику пустился.
 Чуть вышелъ изъ ворошь, какъ встрѣтился
 землякъ,

Я съ нимъ неволею, друзья, ошановился.

Туть новая бѣда—причиною шабакъ:

Желавъ поподчивашъ прияшеля симъ зельемъ,

Съ поспѣшностью свою я шабакерку вскрылъ;

Но увлекаясь свиданія весельемъ,

Къ несчастію совсѣмъ объ ней и позабылъ.

Чпожь сдѣлалось? Увы, злой рокъ играешь
 нами!

Въ жару каляканья невзначъ махнулъ рукой

И заслѣпилъ глаза знакомцу порошками.

Тоть ахнулъ, закричалъ, а я поступокъ свой

Исправишь поспѣшивъ, вдругъ кинулся на
 шею —

Ну обнимашъ его; - но ахъ! опять бѣда:

Неоспорожный шагъ—и чпожь? ногой своею

Спрадальцу на мозоль я наспунилъ шогда.

Бѣднякъ вскричалъ сильнѣй, все пошерявъ шер-
 пѣнье,

А я въ безпамятствѣ совсѣмъ осполбенѣлъ.

Но скоро боль прошла, очистилося зрѣнье,
Землякъ проспилъ меня и я повеселѣлъ.

Межь шѣмъ припомнише, чпо время улешаешъ,
Коломна далека — гдѣ жилъ мой дебишоръ;
Пуспой же кошелѣкъ меня подъ бокъ шол-
каешъ

И я съ прияшелемъ сей сдѣлалъ уговоръ:
Чшобъ вмѣспѣ съ нимъ идши въ Коломну за
долгами,

Опшуда же завеснѣ меня рѣшился онъ
Къ знакомцу своему, кошорый за дѣлами
Приѣхалъ въ Пешербургъ, его зовушь Чеспонъ.
Ужѣ въ Коломнѣ мы, ужъ къ должнику при-
ходимъ;

Но бѣдспвѣ, друзья! идешъ во слѣдъ за мной:
Кваршира опшерша—и въ ней—когожъ нахо-
димъ?

Въ унынъе вверженный заимодавцевъ спрой.
Вздохнулъ—сгрусшилось мнѣ—къ *Николѣ* по-
шащился,

Гдѣжилъ приѣзжій другъ знакомца моего.
Приходимъ--пожилой хозяинъ къ намъ явился,
Ввелъ насъ въ гощинную--сесшра жены его,

Сидя за пальцами косынку вышивала;

Привсавъ, намъ сдѣлала привѣпливый по-
клонъ;

Хозяйка же еще свой шуалепъ справляла,

Хоть часъ за полдень былъ; но здѣсь у всѣхъ
бонъ-шонъ.

Черезъ нѣсколько минушь уборная опкрылась;

Младая, милая вошла хозяйка къ намъ —

Какъ бы чепвершая въ мѣръ Грація явилась;

Поешы приплелибъ ее къ своимъ спихамъ:

Одежда бѣлая съ узорчашой коймою

Красавицы молодой вокругъ обвивала спанъ;

Мы вспали съ мѣспъ своихъ, Чеспонъ за-
нялся мною;

Подвелъ меня къ женѣ, а я — о испуканъ! —

Къ рукъ прелеспнныя подшелъ неоспорочно

И что случилось — спыжусь друзья сказашъ!

Но пакъ и бышь, скажу! — вѣдъ ошъ друзей
безбожно

И счастье и бѣды жишейскія скривашъ —

Такъ слушайшежъ: спѣша къ рукъ хозяйки
милой,

На плашь спаль ногой — и всю койму сорвалъ.

Предспавыше вы мой спыдъ — хозяйки видъ
унылой,

Я расшерялся весь — какъ вкопаной спояль.

Землякъ мой на меня поглядываль сурово,

Плечами пожималь, --- кивая головой;

Хозяйка вышла вонъ, не говоря ни слова;

Чеснонь же ошносмль къ судьбѣ случай ша-
кой,

Стараяся меня упѣщипь въ семь несчастъ.

Но вошь вошла его супруга къ намъ ояшь,

Вновь начашь разговоръ — и я въ немъ взяль
учасдье;

Межь пѣмъ приказано намъ кофею подашь,

И кофе принесли — прелеспная садипся

На розовой диванъ за круглоймодной споль.

Я съ нею рядомъ сѣль — вѣдь надобножь слу-
чипся:

Тупъ разговоръ смѣшной о яудакахъ зашелъ

И я совсѣмъ забыль чпо кофе предъ губами;

Присунуль къ чашкѣ ропъ — и пакъ захохо-
шаль,

Чпо окропилъ всѣхъ дамъ кофейными спру-
ями

И съ чашкою едва на землю не упаль.

Семейство милое---воспишано прекрасно,

Спаралось всѣ мои проспулки извинишь;

Но ахъ! не кончился еще сей день несчастной

Судьбѣ хопѣлося, побольше пошупишь.

Землякъ мой, думая подань мнѣ ушѣшенье,

Просиль хозяйошку съ сеспррой съспь за
клавирь; —

Для милыхъ лишнее не нужно убѣждение.

Уже раздался звукъ подѣ перстами Пльнирь,

Хозяинъ между шѣмъ подсѣль къ своей су-
пругѣ,

А я позадь его на спуль облокотясь,

Воображалъ себя Олимпа въ свѣшломъ кругѣ,

Игрой волшебною небесныхъ Нимфъ пльнясь.

Но вопшь Гармонія ушпхнула мгновенно,

Всѣ вспали, а Чеспонь---явился безъ волосъ.

Онъ внѣ себя спояль, вспревожась совер-
шенно;

Но я въ безпамятспвѣ держался чупшь онъ

слезъ.

Въ недоумѣннн домашни суеспяпся,

Страшась, чшобъ не вскричалъ разсерженный
 парикъ :

Тамъ слуги робкіе шуда сюда полпялся,
 Чшожъ ищущъ, знаешель друзья мои? --- па-
 рикъ.

Припомните, какъ я на спуль облокошилъ,
 То придавилъ парикъ нечаянно рукой.

Межъ шѣмъ нашли его, хозяинъ нарядился
 И гнѣвъ его просмыль, онъ здѣмался иной.
 Мнѣ было совѣсно у нихъ оспашься долъ,
 Ипакъ я шляпу взялъ, идши собрался вонъ.
 Просшась съ хозяиномъ, съ хозяйкой по не-
 воль,

Прелестной девушкѣ опвѣсилъ я поклонъ;
 Но уходя опъ ней, шущъ шляпой ненарочно
 Подсвѣшникъ бронзовой на пальцы уронилъ. —
 Такъ, въ жизни сей, друзья, ничпо для насъ
 непрочно,

Я шрудъ двухъ-мѣсячной въ мгновенье испре-
 билъ : —

Подсвѣчникъ заспучалъ, Чеспонъ пожалъ
 плечами,

Хозяйка вскринула, землякъ мой обомлѣлъ ; —

Красавица въ слезахъ спояла передъ нами;
 Но я, какъ безъ ума, мгновенно полетѣлъ!
 Оставилъ всю семью Чеспона въ изумленѣхъ,
 Безъ шляпы, безъ плаща бѣжалъ спремглавъ
 домой,

Бѣжалъ какъ нѣкое ужасное явленье,
 Преслѣдуемъ вездѣ народною толпой.

Такимъ - то образомъ, успавъ опъ сей про-
 гулки,

Распрепанный, въ попу, замаранной кру-
 гомъ,

Кое-какъ добѣжалъ я до своей канурки

И, бросившись въ постель, заснулъ прекрѣп-
 кимъ сномъ.

Что - жъ послѣ этого, какой опвѣшь да-
 дите?

Не правы-ль мамушки, что есть несчастны
 дни,

Или оспоривашъ вы это захошите

И скажете, что то лишь выдумки одни.

Когда-бъ я не забылъ припомнить гурбъ извѣ-
 стной,

То вѣрно-бъ такъ злой духъ надъ мною не
кушилъ;

Но не крушишесь вы объ участи чудесной,
Не плачьте обо мнѣ друзья! — я — пошу-
шилъ.

А. Н. ъ.

Ш Е А Р А Д А.

Издавна у Славянъ служилъ мой первый слогъ

Вещей и лицъ для укзанья;

Впорую часъ меня самъ Богъ

Въ раю упошребилъ для милаго созданья,

Кошорое, шворя на свѣтъ много бѣдъ,

Собой, однакожъ, красишь свѣтъ,

И всѣхъ къ себѣ влечешь непоспижимой силой;

А цѣлое мое и дорого и мило! —

Ѡ. Г.

НВ. Объясненіе при концѣ сей книжки.

КЪ ЛИЗЕТЪ.

По слугаю произнесенныхъ ею словъ, то лю-
бовь есть мечта,

Законъ, всесильною любовью изреченный,
Природа, мать существъ, съ благоговѣньемъ
чшишь.

Мы всѣ любовью бываемъ побѣждены —

И узъ злыхъ ея ни что не избѣжимъ;

Одна лишь шолько ты

Считаешь за мечту

Всѣмъ свѣтомъ чшимыя любовны наслажденья.

Колибри крошечка, въ безопасности порхая,
Въ пріятноснѣхъ любви весь вѣкъ проводишь
свой,

И, перья радужны носкомъ перебирая,

Цѣняешь милого своею красотою;

Одна лишь только ты

Считаешь за мечты

Всѣмъ свѣтомъ чпимыя любовны наслажденья.

Всегда ли одинокъ и нѣжности не знаешь,
Орель, пернатыхъ Царь, парящій къ небесамъ ?

Ахъ! нѣтъ, о сладостяхъ любовныхъ помышляешь

И онъ съ подругою своею по временамъ;

Одна лишь только ты

Считаешь за мечты

Всѣмъ свѣтомъ чпимыя любовны наслажденья.

Овечка кропкая на пажитяхъ обильныхъ
Съ барашкомъ рѣзвился, иль спишь покойно
съ нимъ;

Не знаешь, что есть грусть, и въ радостяхъ
умильныхъ

Проводишь райски дни съ возлюбленнымъ
своимъ;

Одна лишь только ты

Считаешь за мечты

Всѣмъ свѣтомъ чпимыя любовны наслажденья.

Взгляни и на цвѣтны въ саду иль въ полѣ
 злачномъ,
 Лѣлѣешь ихъ любовь и жизнью даришь.
 Они амброзіей дышащъ въ союзѣ брач-
 номъ ;
 Любовь имъ всѣмъ даешь различный цвѣтъ и
 видъ ;
 Одна лишь только ты
 Считаешь за мечту
 Всѣмъ свѣтомъ чинимы любовны наслажденья.

Вскоприся, какъ листокъ другой листокъ
 цѣлуешь,
 Какъ вѣтка съ вѣткою сплелась, въ любви
 роснешь ;
 Примѣшь, какъ самъ Зефиръ все нѣжитъ и
 милуешь,
 Какую жизнь всему любовь его даетъ ;
 Одна лишь только ты
 Считаешь за мечту
 Всѣмъ свѣтомъ чинимы любовны наслажденья.

Опъ чловѣка все и до пылинки зримой
 Въ природѣ движешся любовію одной,

И власпію любви, всегда непобѣдимой,
Средь самыхъ люшыхъ бѣдъ хранился нашъ
покой;

Одна лишь полько ты

Считаешь за мечты

Всѣмъ свѣпомъ чшимыя любовны наслажденья.

Лизепа, милой другъ! когда свой взглядъ
суровый

На нѣжный, пламенный, съ улыбкой пре-
мѣнишь;

Когда, избравъ себѣ предметъ по сердцу но-
вый,

Его полюбишь ты, его воспламенишь;

Тогда Лизепа ты

Сочтешь не за мечты

Всѣмъ свѣпомъ чшимыя любовны наслажденья.

Ан. Дуроль.

ВЕСНА.

ПОДРАЖАНІЕ ГАГЕДОРНУ.

Чья кисть изобразишь весеннія картины,
Цвѣшущія луга, и рощи и долины,
Гдѣ Май присуществуетъ и восхищаетъ всѣхъ?
О свѣтъ полей проспранныхъ!
О мракъ лѣсовъ вѣчныхъ!
О родина забавъ, ушѣхъ!

Угрюмая зими слѣды уже сокрылись,
Древа зеленою одеждой облачились,
Вознесся поржесшва Весны пріятный гласъ:
Воспорть весь міръ объемлешь;
Весна, Весна пріемлешь,
Друзья! въ свои объашья насъ.

Журчишь ошь лдяныхъ узъ ручей осво-
божденный

И злакъ на берегахъ нишаешь оживленный;
Онъ служишь зеркаломъ кристальной чи-
стошой

Для юныя Авроры;
Въ него склѣняя взоры,
Она лубуешся собой.

Пермашыхъ гимнъ гремишь раздвѣпшей
вновь Природѣ;

Какъ весело они порхаюшь на свободѣ,
И какъ повсюду ихъ преслѣдуешъ любовь!

Она ихъ восхищашь,
Манишь и съединяешъ
Подъ шѣнью розовыхъ кустовъ.

Что можешъ съ прелестью минушй шой
сравнишься,

Какъ ушренней зарей долина озлапишя,
Иль сребрена луна надъ озеромъ взоидешъ?

О пышное явленье!
Какое восхищенье
Она въ сердца и въ души льешъ!

Зефиры въ гущахъ цвѣтущей липы
 вѣютъ ;
 Здѣсь роши и поля, шамъ горы зеленѣютъ ;
 Среди овецъ лежишь на муравъ паспужь,
 И преданный веселью,
 Согласною свирѣлю
 Мой нѣжишь и плѣняешь слухъ.

Вопъ жители села скрываются полною,
 (Но каждый юноша съ подругою младою)—
 Подъ пѣнь густыхъ древесъ ошь солнечныхъ
 лучей ;
 Они поютъ, играютъ,
 И пляской забавляютъ
 Веселыхъ спарцевъ и мужей.

Друзья! спую я пѣснь своей подругѣ
 спраспной ;
 Ей посвящу Весну, ее---Веснѣ прекрасной ;
 Онѣ любезнѣстью равны между собой ;
 Ей сердцемъ предаюся !
 Ее любишь клянуся,
 Доколѣ вѣкъ продлился мой !

Н. Розенмейеръ.

ЗАЯЦЪ и ЛЕВЪ.

ВАСНЯ.

Когда-то, въ прежни годы,
Левъ опложивъ свое величество породы,
За что-то Заяца полюбилъ
И въ гости пригласилъ.
Тушь за здоровье Льва и кушали и пили
И много кой-о-чемъ судили.
Межь пѣмъ зашелъ и разговоръ
О слабостяхъ различныхъ,
И Заяцъ, не входя со Львомъ въ дальнѣйшій
споръ,
При выраженіяхъ приличныхъ
Его Величество съ почтеніемъ спросилъ:
„Повѣдай Государь! какая бы причина
„Что голосъ пѣпуха шебя, побѣды сына,
„Не разъ въ смященье приводилъ?

„Ужель спрашишься ты?“ .. Причина путь
пустая:

У насъ, дружокъ, почши у всѣхъ большихъ
звѣрей

Всегда есть слабость небольшая.

Такъ на примѣръ, вопшь Слоны не жалуешь
мышей;

А мышъ, ты знаешь самъ, ничтожное шворенье,
Достойное презрѣнья;

Медвѣдь хошь силою вою славу приобрѣлъ;
Но страхъ не любишь пчель.

„А! А! шеперь я догадался:

Вопшь онъ чего и я собакъ боялся,

Тутъ подхванилъ косою,

Зашевеливъ ушами: ..

Знашь шаже слабость и за мной.“

Какъ много Зайцевъ есть и между нами!

Ал. Дуроль.

ОСМЪЯННЫЙ ЛЖЕЦЪ.

П Р И Т Ч А.

Въ бесѣдѣ водился давно обыкновенъ,
Выказывашь свои шаланшы и умвнью;
Да гдѣ же иначе ихъ можно показашь
Разумникамъ большаго свѣта?

Но удалился я отъ своего предмета,
Ишаю позволенье мнѣ все просто рассказашь:
Однажды рѣчь зашла о чудесахъ въ природѣ;
А все чудесное какъ нравится въ народѣ!

И подчасъ,

Скажу шишкомъ, плѣняешь даже насъ.

Въ бесѣдѣ сей случился

Молодчикъ вывзжій изъ дальныхъ чуждыхъ
спранъ,

Гдѣ всѣмъ наукамъ обучился

И за словами онъ не хаживалъ въ карманъ.

О! что въ Швейцаріи я видѣлъ прошлымъ
лѣпомъ,

Того вамъ вѣчно не выдашь,

Сказаль онъ съ важностью,—объ эшомъ
Ужъ спали многіе сужденія пишашъ.

Повѣришь въ вашей волѣ;

Но что не лгу, клянусь душой:

На чиспомъ видѣлъ полѣ

Качанъ капусты споль большой,

Что подъ однимъ лиспомъ его возможно
Поспавишь цѣлой полкъ въ порядкѣ, шакъ
какъ должно.---

„Ну, это чудо небольшое!

Сидѣвшій рядомъ опивѣчалъ;

„Вопь я шакъ подлинно чудесное видалъ.“

А что бы то шакое?

Хваспунъ спросиль его.

„О! въ свѣшѣ нѣшь еще чудеснѣе сего,

Сказашъ недживо.“

Не спорю, можетъ бышь; но что это за диво?

„Кошель, сударь, кошель, копорой цѣлой
вѣкъ

„Ковали день и ночь шесшь пысячь человекъ.

Своей величиною

Равнялся кажется съ Алпійскою горою;

Чуть чуть не доставалъ Небесь.

Вошь это чудо изъ чудесь !“

Неопышнѣй хваспунъ, безъ дальнаго разсудка,

Не зная, что по была надъ нимъ одна лишь
шутка,

Но оспроуміе желая показашъ,

А можешъ и лжеца предъ всѣми осмѣяшъ,

Спросилъ съ насмѣшливой улыбкою и пономъ:

Къ чемушъ шакой кошель могъ послу-
житъ ?

„Огромный вашъ кочанъ сварить.“

Послѣдній отвѣчалъ съ значительнымъ по-
клономъ.

Ал. Дуроль.

М А Д Р И Г А Л Ы.

1.

Когда мои мольбы я къ небу возношу,
Ни злѣша, ни чиновъ у неба не прошу;
Но сердцемъ говорю, смирися предъ судьбами:
„Правишели міровъ! вы правите сердцами.
„Единой милоспи дерзаю я просишь,
„Чтобъ сердце нѣжное мнѣ Дафны сохранишь.“

2.

Изъ Волтера.

Не рѣдко съ правдою сливаешься и ложь:
Въ прошедшу ночь во снѣ, шьмой окружень
Вельможъ
На пронѣ я сидѣль, державой любовался,
Тебѣ въ моей любви, Милена опирывался;
Не все по опняпо, что было мнѣ дано,
Проснувшись, пошерялъ я царство лишь одно.

— 66.

С М Ъ С Ъ.

ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ
И
ДУХА НАРОДА РУССКАГО,
извлеченная изъ пѣсенъ.
(ПИСЬМА КЪ ДРУГУ.)

Что смыслю — напишешь :

Моя доля.

Чишаешь или не чишаешь :

Твоя воля.

ОЖИДАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННАГО.

ПИСЬМО I.

— О родина свящая !

Какое сердце не дрожитъ ;

Тебя благословляя ?

Жуковский.

Такъ, милый другъ, родной край по неволѣ
милъ ! Не умѣю изъяснить тебѣ неволю сію,

скажу лишь по, что опъ колыбели младенческой, досель, до возмужалыхъ лѣтъ моихъ, и не видалъ еще, щакъ именуемаго, счастья, и долженъ согласишься съ пѣми, которые называютъ его мечпою.—Какъ часто въ продолженіи жизни моей, не унѣвало, не замирало—но обливало кровію бѣдное мое сердце!—Но къ чему это?—Не глядя на раны моего сердца, бѣги ихъ, какъ заразы люпыя! И пусть онъ будущъ извѣстны одному лишь мнѣ! Хочу полько замѣшпшь мимоходомъ, что у меня ничего нѣшь, все опняцо и невозвратно. Какъ знашь, какия пуши назначены мнѣ благословеніемъ Вышняго и преграждены обспояшельспвами? Весь міръ сповпшь на обспояшельспвахъ, говоритъ Коцебу въ своемъ Филиберпъ (*).

Всѣ обспояшельспва, всѣ гореспи случились со мною въ нашей родинѣ и между пѣмъ мнѣ пріятно все опечеспвленное: не поневоля ли это? Знаю, что оно и шебъ пріятно. Сѣмъ—же спанемъ мы съ шобою разспашривашъ, сколько разумѣмъ, наши на-

(*) Извѣстное сочиненіе Августа Коцебу, въ 4 часпяхъ, прекрасное особенно по карпинамъ свѣша, въ немъ описаннымъ.

родныя пѣсни: въ нихъ мы найдемъ пріятное и полезное, нравственное и забавное; увидимъ пестроту, но родную, но близкую сердцу своему. А мы съ тобою не дѣлились имъ съ молодости.

Не коснусь слога, тебѣ извѣстно, что я не ученъ: (*Не въ свои сани не садись*), говоритъ Русская пословица). Съ меня довольно и того, ежели я могу изъяснить тебѣ, гдѣ восхищался, гдѣ посковалъ, гдѣ улыбался; короче, все что чувствовалъ. Бѣды не будетъ! Мы опчѣту въ помѣ не дадимъ ни кому.

Вотъ первая, при раскрытіи книги попавшаяся пѣсня. Ты знаешь, милый другъ, голось ея онъ пріятенъ, зноменъ, выразицеленъ.

Скучно, матушка, весною жить одной!

Дѣва юная, обрученная вѣрнымъ, вѣрнымъ сердцемъ своему милому, опсупсывующему, видитъ обновленіе природы, весну красную; поля успилаются зелеными коврами; лѣса, распуская почки свои, одѣваются листьями; ппички, перелешывая съ вѣпки на вѣпку, поюшь любовь и радость. Все веселился; а разлученная красавица, сидя задумчиво, поскоя въ одиночествѣ, могла ли не сказать

замирающему сердцу своему, какъ бы пвн-
ной, родной машери:

Скучно, матушка, весной жить одной!

Какая опкровенность! какая простота
прелестная! Такъ унылая хопшла бы оп-
крыпсья въ поскѣ своей родной машери; хо-
пшла бы, да не смѣешь, и ушщаешься однимъ
воображеніемъ.

Въ слѣдъ за нимъ невольнo высказываетъ
она и шайну свою, говоря, что хопя скуч-
но, хопя грустно ей одной:

А скучнѣй того — нейдетъ ко мнѣ милой!

Такимъ образомъ, выразивъ поску свою,
красавица спала еще непрерывнѣе увидѣвъ
поскорѣ госпя милаго, всеминутно ожидае-
маго въ домъ родительскій, кошорый пуспъ
для нее—безъ сердчнаго. — Желая, хопя на
время, облегчить поску свою, она выходитъ
изъ высокаго шерема. . . . За чемъ?—Вопъ
опвѣпъ:

И я со горя, съ кручины молодая,

И я ввйду на крылетко, постою,

На всѣ стороны тетере посмотрю,

Что летитъ ли, не летитъ левнѣ вквалъ,

И онѣ машетъ ли своилѣ сизнвилѣ крвлолѣ? —

Такъ называешь наша красавица друга своего, уподобляя поспѣшность его полету соколиному, быспрошу — движеніямъ крыль его. —

Но, увы, надежда ея обманчива (какъ мечты мои); неперпѣніе сильнѣе; и въ такомъ состояніи духа, на ея мѣспѣ, кпо бы не рѣшился оставишь крыльцо и, сходя робко по ступенямъ онаго, кпо бы не сказалъ шого, что она сказала самой себѣ:

Выйду, выйду за новья ворота:

Погляжу я вдоль по улицѣ, въ конецѣ,

Что нейдетѣ ли ко мнѣ миленькій дружокѣ!

И вопшь она за воропами. . . .

Всякій чувствительный возьметъ участие въ судьбѣ красавицы, пожелаешь ей душевно скорого съ милымъ свиданія. Другъ милый! кпо любилъ, топшь пойметъ шеперешніа чувствва ея.

Вѣрная дѣвица все еще у воропъ; все еще гаядишь вдоль по улицѣ въ конецѣ; ждешь не дождепся сердечнаго; ждешь даже и шогда,

Какѣ на улицѣ мятелица мятетѣ!

Но и мятелица не гонитъ домой нашу прекрасную! Для нее нѣтъ непогоды! Она не видишь ея! Сердце вѣщее сказываетъ ей, что

милой другъ ея недалеко. Она смотритъ приспальнѣ; прозираешь сквозь пыльную мя пелицу; прозираешь, и видишь — о радость!

За мятеллицей и милой другъ идетъ!

И онъ машетъ своимъ ситцевымъ платкомъ!

Воспорженная, пораженная симъ явленіемъ красавица, перяешь даръ слова! Мы не услышимъ опъ нее болѣе, что она чувствовала, увидя своего милого.

Пламенный любовникъ, не шель, не бѣжалъ но лешълъ къ подругъ сердца своего и видя ее, робълъ, --- сомнѣвался --- не призракъ ли былъ предъ глазами его; машетъ дѣвушкѣ ситцевымъ плашкомъ---боишься, что бы не исчезъ призракъ прелестный; бѣжишь, бѣжишь и--- произносишь:

Ты стой, стой, красавица моя!

Еще дай мнѣ насмотрѣться на тебя,

На свою, радость, прекрасну красоту.

Лишь первобытная проспоша нравовъ можешь объясняться такимъ образомъ! Здѣсь нахожу я краснорѣчіе природное, неподражаемое, каршину прелестную: я вижу любовника, поспѣшающаго къ милой своей; ему мало видѣшь,—

онъ хочетъ насмотрѣться, наглядѣться на красоту ея несравненную.

Красота твоя съ члвч мекл свела!

Говоритъ онъ въ изступленіи къ ней приближившись! Какое простое и сильное выраженіе! Я не умѣю, другъ мой, выразишь себѣ, что я чувствую при чтеніи стиха сего.

На радостяхъ нѣжный любовникъ ищетъ и не находить словъ для привѣтствія и похвалы красной дѣвицѣ.

Ты вездѣ, радость, красавицей слыла!

были слова его послѣднія для нѣжности и восторга, имѣющаго предѣлъ.

Имѣющаго предѣлъ! Да! въ объятіяхъ своей милой, осыпая ее пламенными поцѣлуями, онъ поражается вдругъ ужасомъ и скорбію, замѣтя сильныя измѣненія въ возлюбленной, долговременною разлукою причиненныя, и въ душевномъ беспокойствіи, тихо и робко говоритъ ей:

Ахъ, какъ нынѣ ты худа стала, блѣдна!

Пѣсня кончилась, и перо мое оспанавливается. . . .

Прости . . .

Твой А—Ф—ъ.

(Будетъ продолженіе).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Служащій въ Военно-Типографическомъ Депо, СВИШЫ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по Кварширмейсперской части Подполковникъ Пядышевъ, издаетъ книгу подъ заглавіемъ: *Путеводитель по всей Россійской Имперіи и Царству Польскому*, заключающій въ себѣ полное описаніе каждой Губерніи городовъ, мѣстечекъ, сель, деревень и прочихъ селеній, находящихся по почтовымъ и большимъ дорогамъ, съ показаніемъ распоянія верстъ; и двѣ Генеральныя дорожныя каршы Европейской и Азіатской Россіи, съ означеніемъ на оныхъ всѣхъ описанныхъ дорогахъ, и распояніе между городами. Печатается на лучшей бумагѣ въ большую осьмушку, а каршы на Александрійской бумагѣ съ иллюминовкою дорогъ и гра-

ницъ. Сочиненіе сіе раздѣлено на Губерніи и будетъ состоять изъ VI частей, копорымъ назначена цѣна: I и VI по 10 рублей; а прочимъ по 5 руб. Подписавшимся на полное изданіе уступается 10 руб. Подписка принимается у содержателя типографіи Г. Плюшара, живущаго въ С. Петербургѣ во 2 Адмиралтейской части въ 1 кварталѣ по Невскому проспекту въ домѣ Голландской кирки подъ No 19. Иногородные ничего не вносятъ за пересылку.

I Часть раздаваться будетъ въ непродолжительномъ времени.

Въ продолженіи печатанія сего Пустоводителя, для яснѣйшаго и подробнѣйшаго показанія всѣхъ дорогъ, издаватель займется сочиненіемъ картъ въ большемъ масштабѣ каждой Губерніи особливо, копорыя печатаются будущъ литографически, на камняхъ, и продаются за весьма умеренную цѣну.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Общество на основаніи § 119 первой части Высочайше утвержденного Устава своего, имѣло въ 26 день сего Марша Публичное собраніе. Многие ученые мужи и любители Просвѣщенія удостоили оное посѣщеніемъ. Въ семь засѣданій читаны были :

Въ Прозѣ.

Философско-Историческое разсужденіе о поспешенномъ ходѣ вообще Словесности и Витійства, въ общенномъ смыслѣ взятаго. Соч. Д. І. Воронова (продолженіе.)

Девятое письмо Издашеля Сына Опеченства къ Редактору.

Черпы нравовъ и духа народа Русскаго извлеченныя изъ пѣсень. Соч. В. С. Алферьева.

Разборъ Басни Г. Крылова *Лягушки просящія Царя*, соч. А. Е. Измаилова.

→•••←

Въ Стихахъ.

Омировой Илліады начало III пѣсни.
Пер. Е. П. Ковалевскаго.

Ода Горация къ Кораблю. Пер. Г. Савинскаго.

Побѣдная пѣснь Барда Славянина. Соч. Г. М....го.

Оскаръ и Дермидъ, подраженіе Оссіану.
А. А. Крылова.

Грозная ночь. Соч. Ѳ. Н. Глинки.

Басня, Свѣча и Щипцы. Соч. Ал. К. Дуропа.

II.

Общество сообразно съ § 22 вшорой части Устава, долгомъ пославляемъ довести до свѣденія чинашелей о пожертвованіяхъ для благошворной цѣли посшупившихъ:

Ошъ Г. Помощника Предсѣдателя Ѳ. Н.

Глинки 20 экземпляровъ сочиненнаго имъ; *Разсужденія о необходимости дѣятельной жизни, утѣныхъ упражненій и стенія книгъ*; и проч. и 20 же экземпляровъ *народной повѣсти Лука да Марья*, которые посшупили уже въ продажу: перваго по 2 руб. 50 коп. а послѣдней по 50 коп. экземпляръ.

Отъ Его Превосходительства Г. Почетнаго
Члена Гаврилы Андреевича Сары-
чова - - - - - 50 руб.

При подпискѣ на изданіе Общества пожерт-
вовано:

— Его Сіяшества Графа Ильи Андре-
евича Толстаго - - - 40

— Его Сіяшества Графа Дмитрія
Николаевича Шереметьева - 70

— Его Превосходительства Павла Фе-
доровича Малиновскаго - - 20

— Его Высокородія Саввы Андрѣевича
Москопильникова - - - 20

— — — — Гаврилы Ивановича
Осокина - - - - 20

— Его Благородія Александра Прохоро-
вича Памлова - - - - 20

Всѣ сии пожертвованія приняты съ при-
знательностію, причислены къ суммѣ на
благошвореніе опредѣленной и сохраняются
вмѣстѣ съ другими взносами до того време-
ни, когда Общество приступитъ къ исполне-
нію цѣли своей. Объ употребленіи сихъ
суммъ оно извѣститъ Чишателей въ своемъ
Журналѣ.

III.

Г. Членъ Корреспондентъ въ Москвѣ П. Г. Воскресенскій извѣщаетъ Общество, что Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. И. Тапищевъ занимается нынѣ 1) дополненіемъ и усовершенствованіемъ Французско - Россійскаго Словаря, изданнаго имъ въ 1816 году, надъ коимъ прудился онъ 15 лѣтъ безпрерывно, — и 2) составленіемъ полнѣйшаго и сколько возможно совершеннаго Нѣмецко-Россійскаго Словаря, въ копоромъ будущъ помѣщены всѣ учебныя до Наукъ, Художествъ и Ремеслъ касающіяся слова. Трудъ Г. Тапищева по всей справедливости заслуживаетъ вниманіе просвѣщенныхъ и безъ сомнѣнія принесетъ не малую пользу, занимающимся въ изученіи сихъ употребительнѣйшихъ языковъ. —

НВ. Смысль шарады, помѣщенной въ сей книжкѣ: *Серебро*.

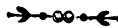
ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

П Р О З А.

	<i>Стран.</i>
Духъ Россійскихъ Государей Рюрикова Дома	1 и 143.
Спранспивованіе Гумбольдта по степямъ и пущынямъ новаго свѣша	25, 170 и 330.
Различіе между дружбою и любовію	39.
Рапмиръ и Всемила. Древнее преданіе	45 и 196.
Должнось Поэта. (Изъ Шиллера.)	191.
Что есть жизнь	217.
Разговоръ о чувспвишельности, между чувспвишельнымъ и кладнокровнымъ	311.
О Греческомъ шеапрѣ. Изъ Франка де Помпиньяна	342.
Законы мудраго Псаммиса. Опырокъ изъ Виланда	359.
Кивачъ	373.
Бракъ по разуму	387.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

Москва	67.
Ошривокъ изъ Делилевой поэмы: Imagination. Начало IV. пѣсни	88.
Сшраншвованіе Амура	95.
Выборъ Флоры. Примѣръ экзамен- шровъ и пенпамешровъ Рус- скихъ	104.
Мальчикъ и Голубокъ. (Басня.)	108.
Маршышка и Слонь. (Басня.)	110.
Эпиграммы	112 и 113.
Романсъ	114.
Чеславъ. (Эпическій опышъ)	226.
Пѣснь на Могильъ падшихъ за Оше- чесшво	247.
Съшованія Ельвиры. (Подражаніе Гею.)	255.
Три браша искашели счасшія. (Сказка.)	259.
Приходъ и расходъ денегъ	268.
Солнце и радуга. (Басня.)	269.
Ошривокъ изъ Есхиловой прагедіи: Оиваиды	400.
Явленіе Амура	409.
Черный день	415.
Шарада	427.
Къ Лизешъ	428.
Весна, подражаніе Гагедорну	432.
Заяць и Левъ. (Басня.)	435.
Осмѣянный лжець. (Припча.)	437.
Мадригалы	439.

С М Ъ С Ъ.

Стран.

Жизнь В. П. Пепрова	116.
Объявление о книгахъ	139 и 148.
Извлечение изъ сочинения: „Catherinens der Grossen Verdienste um die ver- gleichende Sprachkunde, von F. Adelung. St. Petersburg, 1815. 4. XIV. 210. (Заслуги ЕКАТЕ- РИНЫ Великой въ сравни- тельномъ языкознаніи.)	271.
Объясненіе рисунка. Эвредика похи- щенная вшорой разъ опъ Ор- фея	305.
Извѣщенія	309 и 450.
Чершы нравовъ и духа народа Рус- скаго. Извлеченныя изъ пѣ- сень	44г.

ИМЕНА ОСОВЪ,

*благоволившихъ подписаться на сей
журналь.*

Коммисія Соеставленія Законовъ

Почтовый Департаментъ

Комитетъ по ученой части Императорскаго Человѣколюбиваго Общества

Чиновники 4 го Отдѣленія Департамента Государственныхъ имуществъ

Англинскій Клубъ.

Большое Танцевальное Собраніе.

Кантора Спашскаго Совѣтника Демидова.

Его Высокопреосвященство Амвросій, Митрополитъ Новгородскій и Санкшпепербургскій.

Его Свѣшлость Князь Пешръ Васильевичъ Лопухинъ.

— — — — Князь Сергій Николаевичъ Салтыковъ.

Его Сіяшельство Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

— — — — Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

— — — — Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

— — — — Князь Дмипрій Ивановичъ Лабановъ Ростповскій.

— — — — Князь Иванъ Борисовичъ Куракинъ.

— — — — Графъ Дмипрій Александровичъ Зубовъ.

— — — — Князь Сергѣй Юрьевичъ Урусовъ.

— — — — Князь Дмипрій Николаевичъ Салтыковъ.

— — — — Графъ Несельроде.

— — — — Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ.

— — — — Графъ Яковъ Николаевичъ Булгари.

— — — — Графъ Дмипрій Николаевичъ Шереметевъ.

— — — — Графъ Павелъ Ивановичъ Кушайсовъ.

Его Высокопревосходительство Сергѣй Козмичъ Вязмипиновъ.

Его Высокопревосходительство Осипъ Пеш-
ровичъ Козодавлевъ.

— — — — Дмишрій Александровичъ
Гурьевъ,

— — — — Пешръ Пешровичъ Канов-
ницынъ.

— — — — Дмишрій Прокофьевичъ Тро-
щинскій

— — — — Сергѣй Пешровичъ Хишрово.

Его Превосходительство Баронъ Борисъ Ива-
новичъ фонъ Фишинговъ

— — — — Гаврило Андреевичъ Сары-
чевъ.

— — — — Павелъ Федоровичъ Мали-
новскій

— — — — Аркадій Алексѣевичъ Спа-
лыпинъ.

— — — — Дмишрій Осиповичъ Бара-
новъ.

— — — — Александръ Александровичъ
Бибииковъ.

— — — — Василий Васильевичъ Ада-
дуровъ.

— — — — Александръ Михайловичъ Ду-
бянскій.

— — — — Елисавета Ивановна Ланская.

Его Превосходительство Александръ Дми-
тріевичъ Балашовъ.

— — — — Никиша Васильевичъ Ар-
сеньевъ.

Его Высочордіе Николай Михайловичъ Лон-
гиновъ.

— — — — Данила Машвѣвичъ Морозъ.

— — — — Иванъ Федоровичъ Макси-
мовъ,

— — — — Иванъ Анпоновичъ Пуколовъ.

— — — — Сергѣй Сшепановичъ Лан-
ской.

— — — — Алексѣй Сшепановичъ Рах-
мановъ.

— — — — Пепръ Андреевичъ Нидовъ.

— — — — Алексѣй Пешровичъ Пещу-
ровъ.

— — — — Филиппъ Логиновичъ Юнкеръ.

Его Высокоблагородіе Дмипрій Ивановичъ
Гарденинъ.

— — — — Павелъ Ивановичъ Хоржев-
скій.

— — — — Дмипрій Михайловичъ Свѣ-
чинъ,

— — — — Иванъ Александровичъ Бу-
приновъ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Пепровичъ Лукинъ.

— — — — Александръ Пепровичъ Ивановъ.

— — — — Дмитрій Яковлевичъ Кафшывевъ.

— — — — Федоръ Пепровичъ Барсовъ.

— — — — Николай Пепровичъ Новосильцевъ.

— — — — Павелъ Пепровичъ Свиньинъ.

— — — — Дмитрій Ивановичъ Росшовцевъ.

— — — — Карлъ Николаевичъ Бердъ.

— — — — Иванъ Евсцафьевичъ Жадовскій.

— — — — Федоръ Федоровичъ Гельманъ.

— — — — Михайло Ивановичъ Федоровъ.

— — — — Павелъ Евсцафьевичъ Колосовъ.

— — — — Павелъ Андреевичъ Ступишинъ.

— — — — Томиловъ.

Протоіерей Михаилъ Каменскій.

- Его Благородіе Николай Емельянович Чеб-
 локовъ.
- — — — Николай Александрович
 Мензелинцевъ.
- — — — Александръ Михайловичъ
 Шульгинъ.
- — — — Борисъ Ефимовичъ Пруш-
 ченко.
- — — — Федоръ Семеновичъ Стопа-
 новскій.
- — — — Николай Андреевичъ Ша-
 ховъ.
- — — — Александръ Пешровичъ Гра-
 чевъ.
- — — — Григорій Абрамовичъ Пе-
 рещцъ.
- — — — Николай Ивановичъ Кусовъ.
- — — — Вильгельмъ Карловичъ Кю-
 хелбекеръ.
- — — — Василий Ивановичъ Туман-
 скій.
- — — — Александръ Михайловичъ Я-
 зыковъ.
- — — — Федоръ Васильевичъ Федо-
 ровъ.
- — — — Александръ Антоновичъ
 Рачинскій.

Его Благородіе Николай Федоровичь Очкинъ.

— — — — Дмишрій Родіоновичь Го-
ряиновъ.

— — — — Василій Меркуловичь Зоновъ.

— — — — Захаръ Васильевичь Гра-
цинскій.

— — — — Николай Пепровичь Гра-
чевъ.

— — — — Василій Федоровичь Мош-
ковъ.

— — — — Павелъ Демидовичь Ефре-
мовъ.

— — — — Павелъ Васильевичь Лав-
реншьевъ.

— — — — Николай Пепровичь Пер-
вовъ.

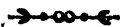
— — — — Павелъ Васильевичь Пояр-
ковъ.

Московской 1 й гильдіи купецъ Андрей Ан-
дреевичь Кнауфъ.

С. П-бургскій 2 й — — Николай Семеновичь
Крашенинниковъ.

Одесскій 1 й — — Левъ Яковлевичь Пе-
решць.

Гапчинскій — — Поликарпъ Прокофь-
евичь Варгинъ.

Калужскій 2 й гильдіи купецъ Иванъ Андреян-
вичъ Смирновъ.

С. П-бургскій 1й — — Василій Дмитріевичъ
Черныпинскій.

— — — — Суслениковъ.

— — — — Кондрашовичъ.

Книгопродавцы братья Сленины - - 5 экз.

Въ Перми.

Московской 1 й гильдіи купецъ Андрей Ан-
дreeвичъ Кнауфъ.

Въ Каширѣ:

Его Благородіе Александръ Алексѣевичъ
Змѣевъ.

Въ Одессѣ:

Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Нѣженецъ.

— — — — Федоръ Ефимовичъ Кова-
левскій.

— — — — Семень Даниловичъ Головковъ.

— — — — Федоръ Ивановичъ Шпехтъ.

— — — — Конспайшинъ Максимовичъ
Лѣсниковъ.

— — — — Семень Прокофьевичъ Авра-
менковъ.

Его Благородіе Пётръ Зеновьевичъ Ключиковъ.

— — — — Пётръ Радіоновичъ Варениковъ.

Его Сіятельство Князь Каншакузинъ.

Одесскіе купцы брашья Думы.

Иностранной купецъ Иванъ Леонпьевичъ Мелла.

Одесскій купецъ Василій Леонпьевичъ Коцелевъ.

— — — — Афанасій Григорьевичъ Соколовъ.

— — — — Вонифантій Ивановичъ Каршамышевъ.

Въ Новгородѣ:

Его Высокоблагородіе Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ.

— — — — Андреянъ Ивановичъ Карбацкій.

— — — — Иванъ Ивановичъ Гавриленковъ.

— — — — Иванъ Ивановичъ Кранцъ.

— — — — Иванъ Лавренпьевичъ Пущошкинъ.

Его Благородіе Сергѣй Васильевичъ Лисаневичъ.

Въ Казани.

Его Сіяшельство Графъ Илья Андреевичъ
Толшой 2. экз.

Его Высокоблагородіе Савва Андреевичъ Мо-
скопильниковъ 3.

— — — — Сергѣй Алексѣевичъ Азиковъ

— — — — Александръ Петровичъ Ко-
слицевъ.

— — — — Сшепанъ Ивановичъ Кара-
пѣвъ.

— — — — Гаврило Ивановичъ Осокинъ.

Его Благородіе Александръ Прохоровичъ Па-
вловъ.

Въ Петрозаводскѣ:

Его Высокородіе Сшепанъ Александровичъ
Башинскій.

Его Высокоблагородіе Федоръ Ивановичъ Бу-
шеневъ.

Въ Хотмыжекѣ.

Его Высокоблагородіе Баронъ Гуспавъ Ива-
новичъ Клодшъ фонъ Юргенс-
бургъ.

Въ Данковѣ:

Его Благородіе Гаврило Козмичъ Соколниковъ.

Въ Сарскомъ Селѣ.

Его Благородіе Сшепанъ Тереншьевичъ Ку-
лагинъ.

Его Благородіе Христофоръ Ивановичъ Клоссе.

Евъ Шлиссельбургѣ:

Мишавскій купецъ Федоръ Ивановичъ Боркунъ.

Евъ Орлѣ:

Его Сіапельство Графъ Сергѣй Михайловичъ
Каменскій.

Его Высокоблагородіе Комаровскій.

— — — — Семень Александровичъ Ер-
гольскій.

Губернская Гимназія.

Евъ Москвѣ:

Его Высокоблагородіе Михайло Трофимовичъ
Кочановскій.

Его Сіапельство Графъ Кирило Ивановичъ
Гудовичъ.

Ея Высокородіе Дарья Николаевна Лопухина
Англинскій Клубъ.

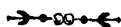
Евъ Каменецѣ Подольскѣ:

Его Высокоблагородіе Кельхнеръ.

Евъ Нижнемѣ Новгородѣ.

Его Высокоблагородіе Пешръ Михайловичъ
Спремоуховъ.

Губернская Гимназія.

Въ Черниговѣ;

Газетная Экспедиція - - - - - 10 экз.

Въ Ельнѣ:

Его Высокоблагородіе А. Кипріяновъ.

Въ Смоленскѣ:

Его Благородіе А. А. Ивановскій.
Семинарія.

Въ Усмани.

Его Высокоблагородіе Арнольди.

Въ Юрьевѣ:

Купецъ Сусловъ.

Въ Ригѣ:

Его Благородіе Суковъ.

Въ Серпуховѣ:

Его Благородіе Николай Мосаловъ.

Чрезъ Серпуховъ на заводской станціи:

Его Высокоблагородіе Дмипрій Михайловичъ
Песповъ.

Въ Тамбовѣ:

Его Превосходительство Иванъ Тереншев-
вичъ Сазоновъ.

Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ
Шредеръ.

Въ Казловѣ:

Его Благородіе Григорій Николаевичъ Лапшевичъ.

Въ Сердобскѣ:

Его Благородіе Александръ Александровичъ Семеновъ.

Въ Борисоглѣбскѣ:

Его Благородіе Николай Ивановичъ Шпикуловъ.

Въ Омскѣ:

Его Благородіе Пахомовъ 3 й.

Въ Харьковѣ:

Его Высокородіе Андрей Федоровичъ Квишка.
Его Высокоблагородіе Пешръ Ивановичъ Ковалевскій.

Въ Тулѣ:

Его Высокоблагородіе Козма Семеновичъ Сокольниковъ.

Его Благородіе Николай Петровичъ Горспкинъ.

Въ Александріи:

Его Высокородіе Семень Ивановичъ Лисаневичъ.

Его Бысокоблагородіе Дмитрій Машвѣвичъ Конивальскій.

— — — — Павель Машвѣвичъ Чебошаевъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Лукичъ Валеншій.

— — — — Осипъ Григорьевичъ Бри-
жицкій.

Его Благородіе Григорій Андреевичъ Байдакъ.

— — — — Яковъ Григорьевичъ Звини-
городскій.

— — — — Данило Васильевичъ Касе-
новъ.

— — — — Алексѣй Ивановичъ Карпе-
ліусъ.

Въ Александровскѣ:

Его Высокоблагородіе Осипъ Ивановичъ Але-
евъ.

Въ Вологдѣ:

Его Превосходительство Василій Алексѣевичъ
Олешевъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Николае-
вичъ Засѣдскій.

— — — — Павелъ Ивановичъ Межаковъ.

Въ Пошахонѣ:

Его Благородіе Василій Ивановичъ Левашовъ.

Во Ржевѣ:

Ея Высокоблагородіе Ольга Никипишна Воей-
кова. —

Въ Кинишмѣ:

Купецъ Александръ Пепровичъ Грязновъ.

Въ Жиздрѣ:

Иерей Дмипрій Тимофѣевичъ Пученевъ.

Въ Мосальскѣ:

Купецъ Машвѣй Алшуховъ.

Въ Дорогобужѣ:

Его Высокоблагородіе Хлюспинъ.

Въ Воронежѣ:

Его Высокоблагородіе Спалыпинъ.

Въ Свіяжскѣ:

Пишешная Коншора.

Въ Тирасполѣ:

Его Высокоблагородіе Аншроповъ.

Въ Посадѣ Старой Унжѣ Костр. Губ.

Его Благородіе Волшашиспъ.

Въ Балтѣ:

Ея Сіапельсшво Графиня де Каспро Лацердо.

Въ Николаевѣ:

Черноморскій Депо-Каршъ.

Въ Ярославлѣ:

Его Превосходительсшво Власповъ.

Чрезъ Бахмутъ въ Луганскомъ Липтейномъ

Заводѣ:

Его Высокоблагородіе Гессъ де Гальве.

Въ Бахмутѣ :

Его Благородіе Долинскій.

*Чрезъ гор. Слободской на Шигарской станціи,
Павловскій винокуренный заводъ.*

Во Владимірѣ :

Его Высокоблагородіе Дмишревскій.

Въ Сергази :

Его Высокоблагородіе Д. Болпинъ.

Въ Калуѣ :

Управляющій сборами Гюминъ.

Въ Острогожскѣ :

Его Превосходительство Юзефовичъ.

Въ Котельниги :

Его Высокоблагородіе Андрей Маркавичъ.

Во Ржевѣ Володиміровѣ :

Его Высокоблагородіе Квашнинъ Самаринъ.

Въ Елифани,

Его Благородіе Михайло Алексѣевичъ Леон-
шевъ.

Въ Кишиневѣ Бѣлосток. Обл.

Игуменъ Іоаникій.

Въ Курскѣ :

Газетная Экспедиція, 2.

Въ Старой Русѣ :

Его Высокоблагородіе Андрей Павловичъ Вер-
сильевъ.

Его Благородіе Алексѣй Осиповичъ Соважъ.

Его Благородіе Пётръ Ивановичъ Бороздинъ.

Въ Звенигородскѣ :

Его Высокоблагородіе Иванъ Григорьевичъ
Морозовъ.

Въ Волскѣ :

Его Благородіе Александръ Пётровичъ Го-
ряиновъ.

Въ Воронежѣ :

Его Превосходительство Михайло Михайло-
вичъ Бороздинъ.

Его Высокоблагородіе Дмишрій Васильевичъ Черш-
ковъ.

— — — — Александръ Пётровичъ Ти-
шовъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Ве-
беръ.

— — — — Михайло Михайловичъ Скля-
донъ.

— — — — Пётръ Ивановичъ Гарденинъ.

— — — — Алексѣй Пётровичъ Сивер-
цовъ.

Его Благородіе Яковъ Васильевичъ Тулиновъ.
 — — — Левъ Алексѣевичъ Веневшиновъ.
 — — — Федоръ Гавриловичъ Елисѣевъ.

Въ Пензѣ:

Его Превосходительство Михайло Михайло-
 вичъ Сперанскій.

Его Сіятельство Князь Борисъ Васильевичъ
 Голицынъ.

Его Высокоблагородіе Григорій Васильевичъ
 Гладковъ.

— — — — Иванъ Васильевичъ Алферъ-
 евъ.

Его Благородіе Андрей Ивановичъ Бровцынъ.
 — — — — Пепръ Пепровичъ Горихва-
 шовъ.

Пензенскій градской Глава Купецъ Алексій
 Сергѣевъ.

Пензенскій Купецъ Алексій Очкинъ.

Пошехонскій Купецъ Василиій Сребрянниковъ.

Въ Архангельскѣ:

Губернская Гимназія.

Въ Новгородѣ Сѣверскомъ:

Учитель Гимназіи Моисѣевъ.

Въ Кунгурѣ Перм. Губ.

Повѣренный Иванъ Темниковъ.

—•••—

Въ Лихвинѣ:

Ея Высокоблагородіе Палшова.

Въ Судиславѣ:

Его Благородіе Кафшыревъ.

Въ Зарайскѣ:

Купецъ Николай Сапожниковъ.

Въ Боровицахъ.

Ея Превосходительство Квашнина Самарина.

Въ Острогѣ:

Ректоръ Архимандритъ Іеронимъ.

Въ Бугулмѣ.

Его Высокблагородіе Жмакинъ.

Въ Динабургѣ.

Его Высокоблагородіе Камковъ.

Въ Вяткѣ.

Спасскаго Собора Протоіерей Пешръ.

Во Псковѣ.

Пешръ Горожанскій.

Въ Бійскѣ.

Купецъ Захаровъ.

Въ Кавказск. крѣп.

Его Благородіе Данцовъ.

—•••—

Погрѣшности въ первой части.

Книжка 1.

Стр.	Строк.	Напечат.	Читай.
21	9.	въ каждый день	каждый день
29	9.	осѣенное	усѣянное
30	20.	напущспвующія	сопущспвующія
39	16.	немѣдленно	немедленно
49	9.	кровь	кровь
	13.	пролитись	полились
59	20.	съ прошивниками	съ прошивниками
60	8.	вреени	времени
68	6.	секиры	сѣкиры
71	9.	Увы! несчастный!	Увы! несчастной!
79	9.	плѣмень	племень
82	16.	иовая	новая
88	9.	небевый	небесный
95	2.	зашумѣль	зашумѣль
106	18.	улѣтаешъ	улетаетъ
	22.	пламѣнѣя	пламенѣя
107	16.	вѣсною	весною
110	11.	бѣсѣдовалъ	бесѣдовалъ
121	8.	прпняшъ	принять
125	12.	доошсйнимъ	достойнымъ
133	16.	большую	большую
134	5.	Екашкрины	Екатерины
138	12.	позднаго	поздняго

Книжка 2.

173	17.	подъ коимъ	надъ коимъ
204	18.	мѣспъ	меспъ
205	1.	прибегнулъ	прибѣгнулъ
	18.	ужасная Зазвучали	ужасная; зазвучали
211	16.	дѣлаешъ	дѣлаешь
219	9.	одиъ день	одинъ день
255	7.	спрашныя	спрашные
	14.	кпящія валы,	кипящія валы;
260	17.	копьемъ	копьемъ
264	9.	вѣсны	весны
	24.	шѣмиѣюшъ	шемиѣюшъ
266	4.	свисшы	свиспы
	17.	кравы	кравы
273	1.	на печашано	напечатано
301	2.	усовершенспвовонію.	усовершенспвованію

Книжка 3.

313	23.	едешпой	десятой
327	2.	совсемъ	совсѣмъ
335	24.	оруді	орудіе
338	19.	кровоидловъ	крокодилловъ
365	7.	кждаго	каждаго
364	7.	несравнено	несравненно
388	13.	убжище	убжище
425	14.	дѣвущкѣ	дѣвущкѣ
427	9.	указаня	указаня
433	16.	съ прелестью	съ прелестью
448	1.	Типографическомъ	Типографическомъ

НВ. Прогія маловажныя ошибки и неправильныя склонный гитатель.

